

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

БРЕНКВЕЛЛА

1(13)2020

ВРЕМЕНА

**Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал**

Выпуск 1 (13) 2020

**Нью-Йорк
2020**

ВРЕМЕНА
Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

VREMENA
International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary

Publisher Leon Mikhlin

Editor David Guy

Design and layout Slava Petrakov

Copyright © 2020 Leon Mikhlin

No part of this publication may be reproduced or transmitted
in any form or by any means – electronic, mechanical,
photocopy, or any other – except for brief quotations in printed reviews,
without prior permission from the Publisher.

For any information about obtaining permission to reproduce
selections from the journal, please call **917-922-4153** и **646-270-9615**
or send an email to **lbm28w@aol.com** и **guydavid094@gmail.com**

All rights reserved

Printed in the United States of America

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(Франция)
МАРК ВЕЙЦМАН	(Израиль)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(Англия)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(Дания)
СЕМЕН РЕЗНИК	(США)
МИХАИЛ РУМЕР-ЗАРАЕВ	(Германия)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ ЖУРНАЛА «ВРЕМЕНА»

США: ЧТО ГОД ТЕКУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ6

ПРОЗА

ЕФИМ ГАММЕР

Пришельцы выходного дня30

ГЕННАДИЙ КАЦОВ

Метробусы (окончание)64

ДЖЕЙКОБ ЛЕВИН

Конец бабьего лета 106

Нож «Хейнкель» 112

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Кот Шрёдингера (Заключительная глава) 118

ПОЭЗИЯ

ДМИТРИЙ ГАРАНИН99

ЭД ПОБУЖАНСКИЙ 142

ВАЛЕРИЙ СКОБЛО 148

ЛАРИСА ИЦКОВИЧ..... 257

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ

СЕРГЕЙ ЕСИН – СЕМЕН РЕЗНИК

Через океан..... 155

НАШ АРХИВ

ИГОРЬ ЧИННОВ

Первый поэт русской иммиграции 202

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Евгений КИСИН

Пolemические заметки 223

ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

ФРИМА ИОСИЛЕВИЧ

Один из... 239

ПЕРЕВОДЫ

АЛЬДО НИКОЛАИ

Монологи 261

МЕМУАРЫ

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

Генерал СМЕРШ.(окончание) 273

СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...

АЛЕКСАНДР МАТЛИН

Строганой стороной вниз..... 280

ЕВГЕНИЙ ЛЕСИН

Природа зла, или добро – страшная сила..... 288

БИБЛИОГРАФИЯ

Новые книги..... 300

США: ЧТО ГОД ТЕКУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ

«Круглый стол» журнала «ВРЕМЕНА»

Президентские выборы 2020 года и разворачивающиеся в связи с этим неоднозначные события весьма волнуют американцев, о чем можно судить по результатам многочисленных опросов. Поляризация мнений очевидна, сторонники и противники Дональда Трампа сражаются друг с другом с отчаянной решимостью, полемика все чаще нарушает нормы приличий и этики. Палата представителей готовится объявить президенту импичмент. По мнению демократического большинства, он в своих личных политических интересах пытался заставить власти Украины расследовать деятельность его потенциального соперника на выборах 2020 года демократа Джо Байдена.

А каковы взгляды наших читателей? С этой целью журнал «ВРЕМЕНА» организовал «Круглый стол». Нам хотелось привлечь к обсуждению американских и мировых реалий как можно большее число людей, а не только политологов, публицистов. Поэтому мы обратились через Фейсбук ко всем, кто хотел бы принять непосредственное участие в дискуссии. Мы не боимся упреков в том, что даем высказаться и тем, кого высоколбытые снобы называют «пикейными жилетами». В свободной стране каждый имеет право на свое мнение. Палитра таких мнений и определяет суть «Круглого стола».

Вот перечень вопросов.

1. Как вы оцениваете нынешнюю политическую ситуацию в Америке? Что это: привычное противостояние демократов и республиканцев, межпартийная борьба «до победного конца», конституционный кризис, хаос или нечто иное?

2. Ваш взгляд на внутреннюю политику президента Дональда Трампа.

3. Ваш взгляд на его внешнюю политику.

4. Насколько убедительны, по вашему мнению, открытые слушания в Палате представителей дипломатов и чиновников Уильяма Тейлора, Лауры Купер, Джорджа Кента, Мари Йованович, Фионы Хилл, Александра Виндмана и др., проливающие свет на попытку давления Трампом и некоторыми членами его команды на украинского президента Зеленского?

5. Если «украинский компромат» на Трампа будет твердо подтвержден, реален ли импичмент?

6. Многие политики и аналитики называют приказ Трампа американским войскам покинуть Сирию предательством базовых интересов Америки, капитуляцией, укрепляющей наших врагов. Вы согласны или не согласны с таким утверждением?

7. Какие важные факторы могут повлиять на исход президентских выборов?

8. Нравятся ли вам программы лидеров демократов (например, кардинальные изменения в медицинском страховании, «Зеленый проект», протесты против иммиграционных новшеств нынешней администрации)?

9. Почему глава Белого дома ни разу не высказал критику в адрес Владимира Путина? Будет ли российский лидер снова вмешиваться в предвыборную борьбу, станет ли опять помогать Трампу?

10. Ваш прогноз: изберут ли американцы Дональда Трампа на второй срок? И есть ли у Майкла Блумберга шансы выиграть президентскую гонку?

Вадим ПЕРФИЛЬЕВ, карьерный дипломат, бывший ответственный сотрудник Секретариата ООН:

1. Нынешнюю политическую ситуацию в США можно охарактеризовать как беспрецедентно резкое противостояние между сторонниками президента Трампа и практически полностью поддерживающей его Республиканской партией, с одной стороны, и противниками Трампа и демократической партией, в которой пока

нет полностью приемлемого для всех демократов авторитетного лидера, с другой.

Это – не привычное противостояние демократов и республиканцев, когда борьба в основном велась между наиболее левыми демократами и наиболее правыми республиканцами, но одновременно в обеих партиях было немало умеренных, центристов, готовых на межпартийные договоренности, на компромиссы.

Скорее всего, действительно, обе партии намерены бороться «до победного конца», включая смещение республиканского президента и полную дискредитацию наиболее перспективного пока претендента на этот пост из демократов.

Эту ситуацию, пожалуй, нельзя назвать «конституционным кризисом», поскольку у республиканцев остается контроль над Администрацией в лице президента, решающее влияние на Верховный суд и на Сенат. То, что у демократов есть контроль над Палатой представителей, позволяет им доводить до общественного мнения свою критику Трампа, но это, скорее, информационное преимущество (открытые слушания показывают по телевидению), поскольку решение об отстранении президента от власти в связи с импичментом может принять только Сенат.

Хаосом нынешнюю обстановку назвать пока нельзя, все ветви власти действуют, хотя порой очень непривычно, но все же в рамках Конституции. Но хаос может возникнуть, если Трамп проиграет на выборах, а его сторонники, особенно те из них, для кого конституционный порядок, в том числе смена власти, не является догмой, пойдут на действия, сеющие хаос.

2. Во внутренней политике Дональд Трамп стремится до выборов на второй срок выполнить все свои обещания в ходе предвыборной кампании, поддержанные избирателями, приведшими его к власти. Это и реформа налогообложения, и ограничение числа иммигрантов, въезжающих в страну, и торговые пошлины на те зарубежные товары, которые могли бы производиться в США, и снятие экологических ограничений на добычу сырья в США. Правда, некоторые другие обещания, в том числе – восстановить добычу угля и металлургическую промышленность, осуществить крупные инфраструктурные проекты – пока не реализованы. Однако избиратели Трампа, судя по всему, этим не обеспокоены.

3. Трамп, видимо, убедившись в широкой поддержке в стране своего лозунга о «возвращении величия Америке», его стремления сосредоточиться на укреплении самих США, меньше тратить сил на обязательства страны за рубежом, активно проводит линию на сокращение военного присутствия США за рубежом, на более справедливом распределении расходов в НАТО, на выход из тех международных соглашений, которые, на его взгляд, не отвечают интересам США – из Парижского по климату, из соглашения по ядерной программе Ирана, из НАФТА и т.д. Это встречается с одобрением избирателями Трампа, многие из которых не очень осведомлены, например, в экологических проблемах, в душе скорее изоляционисты, нежели глобалисты. Такое уже бывало, в том числе и перед Второй мировой, когда, если бы не Перл -Харбор, то неизвестно, стали бы США участвовать в войне.

4. Убедительны ли они для меня и других людей, проводивших всю свою профессиональную жизнь во внешней политике? Да, убедительны. Думаю, они убедительны как для демократов, так и для республиканцев, имеющих такой опыт. Хотя, конечно, никто не может полностью отрицать, что такой шантаж проводили и другие главы государств, просто там иные политсистемы, и рядом с президентами нет защищенных законом осведомителей. Но для сенаторов-республиканцев, составляющих большинство в Сенате, потенциальных участников голосования по отстранению от должности президента, убедительны только доводы Трампа. А сам он считает, что показания против него не убедительны, пишет об этом по несколько раз в день в твиттере с многомиллионной аудиторией, говорит на многотысячных митингах по всей стране, транслируемых ТВ. Это – основные информационные источники для тех американцев, которые привели его к власти, и они полностью доверяют ему и сейчас и будут за него голосовать, кто бы не выступал против него в Конгрессе.

5. Чтобы импичмент стал реальностью, надо, чтобы солидная группа сенаторов решилась высказаться против Трампа, тем самым закрыв себе доступ к партийной кассе, контролируемой, судя по всему, сторонниками Трампа в партии. Вряд ли найдется много таких смельчаков. Но могут возникнуть другие, более понятные рядовым избирателям обвинения в адрес Трампа, например, если будут

обнародованы его налоговые декларации. Тогда все будет зависеть от того, как на это отреагируют республиканские избиратели.

6. Приказ Трампа относительно ухода из Сирии – это выполнение его предвыборного обещания возвращать американских солдат домой, перестать решать чужие споры так далеко от США. Критика этого шага, в том числе и военным и дипломатическим истеблишментом и некоторыми союзниками США, практически не снижает шансов Трампа быть переизбранным, возможно даже их повышает, поскольку воспринимается его сторонниками как подтверждение правоты президента, критикуемого теми, кто пытается за счет США решать свои проблемы.

7. Исход президентских выборов в пользу Трампа может быть в том случае, если ему и его сторонникам из республиканской партии удастся предотвратить появление авторитетного кандидата из республиканцев, маргинализировать его оппонентов, всех тех, кто выступает с его критикой, сохранить успехи в экономике, низкий уровень безработицы, продолжить демонстрировать успешную реализацию предвыборных обещаний. Демократы же могут выиграть выборы, если после праймериз смогут объединиться вокруг выигравшего на них кандидата, сконцентрируют на его поддержке финансовые средства, смогут убедить большинство американцев в полезности для них своей программы и найдут убедительные доказательства того, что Трамп не оправдал доверия избирателей.

8. Конечно, более доступное для всех медицинское страхование, защита окружающей среды, более гуманное отношение к иммигрантам – все то, за что выступают лидеры демократов – все это прогрессивные начинания, требующие больших, часто непопулярных затрат в ближайшем будущем, но сулящие значительные выгоды будущим поколениям. Учитывая, что в США перспективы развития страны в основном видятся на период 4 года – президентский срок, предлагаемые демократами тектонические изменения в социальной и экологической сферах могут оказаться недостаточно популярными для всеобщей поддержки.

9. Для Трампа характерно стремление укреплять свою президентскую власть в стране, и он с удовольствием общается с лидерами других стран, имеющими солидные властные рычаги. В отношении этих лидеров Трамп предпочитает не высказываться критически.

Это относится и к лидерам России и Китая. Что касается Путина, то он также воздерживается от критики Трампа, его высказывания в период предвыборной кампании Трампа были скорее позитивными. И сейчас он говорит о доверительных контактах с Трампом. Можно ли это считать вмешательством в предвыборную борьбу, помощью Трампу? Это уже на суд каждого. Что касается социальных сетей, средств массовой информации России, в том числе и вещающих на зарубеж (большинство из которых так или иначе связаны с российскими властными структурами), то они в период избирательной кампании явно симпатизировали Трампу, а не Хиллари Клинтон. Да и здесь приехавшие из республик бывшего СССР наши соотечественники тоже в основном симпатизируют Трампу. Но насколько это влияет на здешние выборы, сказать сложно.

10. Пока все говорит о том, что переизбрание Трампа более вероятно, чем его проигрыш. У демократов пока недостаточно аргументов, чтобы убедить американцев, которые голосуют за большинство выборщиков, что они окажутся в выигрыше от того, что предлагается в демократических программах. К тому же у Трампа более состоятельные доноры, их средства не дробятся, как сейчас у демократов, на дюжину кандидатов, а практически все идет на одну его кампанию, у его сторонников есть наработанный навык массовых митингов поддержки Трампу, кампаний по сокрушительной дискредитации его соперников или критиков.

Каковы шансы Блумберга? Мне кажется, он поздно вступил в президентскую гонку. С другой стороны, если демократы в конечном итоге остановят свой выбор на нем, то многие, не приемлющие Трампа (это представители обеих партий) с облегчением проголосуют за Блумберга.

Виталий РОЗЕНШАЙН, инженер-строитель:

1. Обычное противостояние двух самых крупных партий в настоящее время обрело черты идеологической войны. Произошла резкая поляризация общества. Последователи партийных идеологий из оппонентов превратились во врагов. Я бы назвал это партийным кризисом. Причины смены парадигмы взаимоотношений республиканцев и демократов, на мой взгляд, лежат в изменении

риторики партийных лидеров и массмедиа. Риторика из оружия идеологического соперничества превратилась в оружие морального уничтожения оппонентов.

2. Некоторые действия нынешнего президента такие, как, например, ограничение нелегальной иммиграции, я считаю оправданными, но неумение/нежелание исполнительной и законодательной властей найти общий язык, как результат превращения партийного соперничества в партийный антагонизм, мешает решению этой проблемы.

3. Международная политика Трампа – это набор правильных лозунгов и деклараций с их топорным исполнением.

Проблема недостаточного финансового участия европейских стран-членов НАТО существует, но должна решаться на переговорах, а не путём окриков и публичных разносов, как это делал наш президент. С друзьями так не поступают.

Назревшую проблему уменьшения ядерной угрозы со стороны Северной Кореи Трамп превратил в телевизионное шоу, не продвинувшись ни на йоту в её решении, а только легитимизировав режим Кима бессмысленными встречами с ним.

Отношение Трампа к России, и особенно к Путину: задержка введения санкций, попытки их отмены, не только отсутствие критики режима российского лидера и его самого, но и публичного подчёркивания большего доверия Путину, чем разведслужбам США, подобоострастное поведение Трампа на встрече с Путиным в Хельсинки – все это вызывает сильные подозрения в зависимости его действий.

Трамп проводит политику изоляционизма массовым выходом страны из международных соглашений, но исторически такая политика не приводила к положительным результатам.

4. Показания в Палате представителей дипломатов и чиновников у меня вызывают полное доверие. Не вижу оснований не доверять показаниям честных людей и патриотов, действующих в рамках закона, в их желании предотвратить негативные для страны последствия действий президента, нарушающих закон.

5. Даже если «украинский компромат» на Трампа будет твердо подтвержден, его отстранение от власти нереально в связи с республиканским большинством в Сенате, которое не проголосует за импичмент, поскольку ставит партийные интересы выше интересов

страны. Однако расследования в рамках импичмента покажут американскому народу обоснованность подозрений в том, что действия президента несут угрозу национальной безопасности или несостоятельность этих подозрений.

6. Приказ Трампа американским войскам покинуть Сирию считаю предательством базовых интересов Америки, капитуляцией, укрепляющей наших врагов.

7. Ухудшение экономики может повлиять на исход президентских выборов.

8. Ни одна программа лидеров демократов мне не нравится. В них больше популизма, чем аргументации финансовых, социальных и политических возможностей их осуществления.

9. Об особом отношении Трампа к Путину я сказал в пункте 3. После подтверждения вмешательства России в предыдущие выборы (расследование Мюллера) вряд ли Россия будет активно вмешиваться в предстоящие.

10. К моему глубокому сожалению, вероятность второго срока Трампа очень высока. Я не вижу у демократов ни идей, способных привлечь избирателей, ни кандидатов, способных победить Трампа. Кроме, разве что, Блумберга, вступившего в президентскую гонку.

Анатолий СУХОРУКОВ, ученый-физик, бывший научный сотрудник МГУ:

1. Президент Трамп мог, даже был обязан, потребовать от украинских властей расследовать деятельность Байдена в Украине во время его вице-президентства. Разумеется, требование честного расследования не должно быть связано с будущими выборами и личной политической выгодой Трампа, этого требует закон. Но разве он просил нарушить закон?! Республиканцы не побеждают в общественном мнении в таком очевидном вопросе по одной причине. Большинство СМИ в руках демократов. Почему республиканцы не борются за паритет в СМИ, для меня загадка.

2. Что еще должны сделать республиканцы, чтобы Трамп победил на выборах 2020-го, и получить большинство в обеих палатах Конгресса? Один из ключевых вопросов – отношение бедных слоев населения к партиям. Неимущие пожилые иммигранты, не прора-

ботавшие в Америке ни дня, обеспечены, они имеют SSI, Medicaid, Medicare, помощников по дому, day care и пр. Совершенно несправедливо обижены люди трудившиеся, но получающие маленькую пенсию и мало накопившие. Они не в состоянии купить себе эти льготы. Республиканцы должны пообещать не ухудшать жизнь бедных, имеющих перечисленные льготы, и одновременно позволить бедным пенсионерам получать те же льготы с какими-то условиями. Нужно, чтобы в США никто не жил ниже определенного уровня. Откуда взять деньги? Здесь может быть много источников. Один мне кажется справедливым. Обязать пользователей Medicaid платить за услуги минимальный процент, может 1%, может 0.5%. Казна не сильно обогатится от этих взносов, но значительно уменьшатся бесполезные походы к врачам и взятие лекарств на всякий случай. Конечно детали должны обсудить специалисты.

3. Республиканцы плохо ведут борьбу за умы молодежи. В силу исторических причин, в большинстве учебных заведений главенствуют демократы. Почему республиканцы не хотят вкладывать силы и средства в эту борьбу, для меня тоже загадка.

4. Об отношении Трампа и Путина. Конечно, путинская Россия враг США. Очевидно, что победить этого врага невозможно. Значит, нужно максимально уменьшить вред, идущий от России. Если применять только кнут, это, конечно, ослабит Россию, но не настолько, что она перестанет быть опасной. Более того, это толкнет ее на резкое сближение с другими злейшими врагами США, такими, как Иран, или с главным противником США на ближайшие годы Китаем. И если совсем загнать Россию в угол, то кто гарантирует, что она не начнет торговать ядерным оружием и шантажировать его применением? Мне кажется, что Трамп, в отличие от некоторых оголтелых, хорошо это понимает и пытается применять кнут и пряник. Правда, ему всячески мешают проводить политику, которую он считает действенной.

5. Во внешней политике Трамп пытается установить справедливость. Китай и многие другие страны пользуются открытиями и технологиями, созданными в США, но международные договоры так хитро устроены, что в результате США имеют еще перед ними большой долг. Сломать эту систему очень трудно, потому что многим влиятельным частным корпорациям, в том числе и в США,

такие порядки выгодны. Донкихотство Трампа просто восхищает. Также он пытается сломать бюрократические порядки в Вашингтоне и опять упирается в стену. В военных конфликтах по всему миру Трамп справедливо не хочет участвовать в одиночку. Но если подсчитать только деньги, которые вкладывают США и другие союзники, то окажется, что США тратят в разы больше, не говоря уже о людских и технических ресурсах. А ведь экономика Евросоюза суммарно даже превосходит экономику США. А Япония, Южная Корея, Тайвань тоже не бедные страны, которые должны иметь защиту, но за деньги. Почему такой перекося? Некоторые наши ультра заявляют, что нельзя обижать союзников. Но если не требовать равного вложения средств в борьбу за демократию и мировой порядок, то все так и будут продолжать выезжать за счет Америки.

6. Очевидно, что Трамп – друг Израиля. Чего только стоит его преодоление сопротивления по переносу посольства США из Тель-Авива в Иерусалим... Еще множество фактов, подтверждающих его дружбу и помощь. И наоборот, много фактов, говорящих о холодном отношении Обамы и других демократов к Израилю. Но инерция настолько велика, что большинство американских евреев поддерживают демократов. В журнале «Времена» были замечательные статьи по этому поводу. Мне кажется, что республиканцы мало внимания уделяют пропаганде. Они думают, что дела сами говорят за себя. Среди демократов значительно больше крикунов и пропагандистов. И мы наглядно видим, что это играет свою роль.

7. Беженцы и незаконные эмигранты. Пора последовать примеру Канады и Австралии и принимать новых эмигрантов, только выгодных для США. Беженцев нужно тоже очень тщательно сортировать. Незаконных эмигрантов, живущих в США, всех выгнать несправедливо и невыгодно. Тем, кто не нарушал других, кроме эмигрантских, законов, нужно дать временный статус, в течение которого они не имеют права получать льготы от государства. Дальнейшее получение грин-карт и гражданства нужно поставить в зависимость от их заслуг.

8-9. По этим пунктам я кратко высказался выше.

10. Считаю, что Трампа переизберут на второй срок. Что касается Блумберга, то это, по-моему, лучший кандидат из демократов. Если оба «выйдут в финал», я задумуюсь, за кого отдать свой голос.

Роман СОЛОДОВ, публицист, писатель:

1. Политическая ситуация в нашей стране беспрецедентна. Дважды за последние 50 лет президенты подвергались процедуре импичмента. В первый раз у Никсона хватило ума не противиться призыву его товарищей по партии уйти добровольно, и он написал письмо об отставке, избежав самого импичмента. Во второй солидарность демократов спасла Клинтона от этой участи. Оба раза страна не ощущала себя расколотой. Да, партийные лидеры сводили счеты, но у граждан от этого чубы не трещали.

Сегодня мы дошли до этой процедуры. Утверждать, что народ уже раскололся в оценке деятельности президента по партийному признаку? Это, думается, не так. В географически срединных штатах (Канзас, Миссури, Кентукки и других...) об импичменте почти не говорят. Страсти кипят в прибрежных штатах, где сосредоточены демократы. Раскол страны не удивителен, если принять во внимание, что 98% республиканцев по одному из опросов смотрят только ФОКС, который поддерживает Трампа, и не видно, чтобы позиция этого телеканала менялась в связи с какими-либо новыми (порой, сенсационными) обстоятельствами. К таким, например, относятся показания двух послов в Украине – Уильяма Тейлора и Мари Иванович, члена Совета национальной безопасности А. Виндмана и других чиновников. Количество свидетельств против Трампа растет лавинообразно. С большой скоростью растет и количество людей (больше 55%) за процедуру импичмента. Но в центре страны, где сосредоточены силы республиканцев, только 43% выступают за проведение этой процедуры.

У республиканских законодателей были, образно говоря, бледные лица после выступления того же Виндмана. Но их решимости голосовать против импичмента это не убавило. А так как требуется не меньше 20 сенаторов-республиканцев для отстранения Трампа (при условии, что все демократы проголосуют за), то можно сказать, что импичмента не будет. Столько демократы не наберут. И не видно, чтобы поколебался монолит партии Трампа. 90% республиканцев не хотят импичмента. Сенаторы стоят за своего босса горой.

Масла в огонь подливает сам президент. Он ведет себя так, как будто ничего не происходит, кроме «охоты за ведьмами». Но ведьм

всегда обвиняли в тех или иных грехах. Трамп еще никто ни в чем не обвиняет. Идет расследование. Если ты не виновен – не вставляй палки в колеса этого расследования. Помоги, чтобы страна убедилась в твоей чистоте. Этого не происходит. Никсон и Клинтон были виновны, потому они всячески сопротивлялись. Трамп же утверждает, что чист. Кроме того, демократы не завоевали, пока что, поддержку независимых и умеренных. Меньше половины из них за отстранение Трампа.

Сказать, что в стране наступает хаос, на мой взгляд, нельзя. Дело далеко до горячего лета 1968 года, когда пылали целые кварталы больших городов. Да, количество крайне правых организаций возросло. Но пока что полиция с этим ростом справляется – так мне кажется. По крайней мере сегодня в стране наблюдается нечто вроде затишья перед... перед чем? Перед сезоном выборов, перед самими выборами, перед ситуацией после выборов, если Трамп взбунтуется? Есть ощущение, что страна замерла в ожидании...

2. Исчерпывающий ответ на второй вопрос дать очень трудно. Для полного ответа надо поднять все указы Трампа, что потребует достаточно много времени. С точки зрения либерала, которым я являюсь, политика Трампа реакционна. Кто-то может вспомнить хоть один указ, который можно было бы расценить как либеральный? К такого рода указам никак нельзя отнести указы по устранению разного рода запретов или ограничений для защиты окружающей среды. Указы о том, что можно спускать отходы производства в водоемы, либо снимающие ограничения на выбросы угарных газов, угольной пыли и прочей дряни, никак нельзя отнести к либеральным. Да, производители ими воспользовались, и это в определенной мере сказалось на уровне безработицы. Она упала до очень низкого уровня. Но с другой стороны, количество смертей от разного рода респираторных заболеваний по сравнению с 2016 годом в 2018-ом году подскочило.

Давайте вспомним ситуацию с детьми ДАСА. О них уже забыли. А сколько было протестов против того, что Трамп хотел их депортировать! Скоро о них заговорят – до них дошла очередь в Верховном Суде. К моменту публикации «Круглого стола» их судьба может быть решена. Учитывая, каким сегодня является Верховный Суд, нетрудно предсказать их дальнейшую судьбу.

Кстати о Верховном Суде – именно Трамп сделал все, чтобы превратить этот орган в партийный. Его решения предсказать достаточно легко. В пользу консерватизма. Скоро дойдет очередь до аборт. Неужели запретят? Это работа нашего президента, который сказал по этому поводу: «Женщина, делающая аборт, должна подвергнуться «своего рода» наказанию». Какому? Есть два вида наказания – штраф или тюрьма. Подавляющее большинство женщин делают аборт из-за бедности. Откуда у них деньги на штраф? В тюрьму сажать? Во всяком случае, женщине все труднее сделать аборт в том или ином штате. И количество этих штатов растет.

Трамп ввел законы, ограничивающие иммиграцию для мусульман, пытался ввести законы, ограничивающие иммиграцию для бедных – суд это отменил (пока что) и многое другое. Что же либерального было введено в наше законодательство? Трамп ненавидит Обамакер, при котором количество незастрахованных упало до исторического минимума, сделал все, чтобы отменить этот закон. Но не вышло. Прежде всего, потому, что его администрация ничего взамен не предложила. Саботировать закон можно, что Трамп и сделает. И здесь у него успех: количество незастрахованных детей в стране выросло на 400 000 за время его правления.

Указывают на Акт, называемый «FirstStepAct», согласно которому афроамериканцы и латинос, сидящие в тюрьмах за ненасильственные преступления, могут выйти на волю досрочно. Президент этим актом гордится. Но не учитывает, что акт сам по себе практически бессмыслен просто потому, что за такие преступления подавляющее большинство заключенных сидит не в федеральных, но местных тюрьмах. На эти тюрьмы указ не распространяется.

Много еще можно писать о его внутренней политике. Пока что его популярность держится только, как мне кажется, на низком уровне безработицы. Что будет через год, мы не знаем. Во всяком случае, низкое количество нанимаемых на работу в промышленности уже не один месяц настораживает. Возникает ощущение, что политика послабления корпорациям в области налогов стала себя изживать. Больше всего это видно в сфере производства.

3. Что касается внешней политики, то проще спросить: где успехи? Хоть один. Ах, да! Убили Аль Багдади. А точнее, он сам себя убил, взорвав на себе пояс шахида. Помогли курды с их разведкой,

отлично поработали наши спецназовцы. Что еще? Провал в переговорах с Северной Кореей виден невооруженным глазом. Торговые переговоры с Китаем пока что положительных результатов не дали. Нас все время кормят «завтраками». Надо обождать, а вдруг... Пока что на сегодняшний день наш ежемесячный торговый баланс, как и раньше сводится с дефицитом в 50 и более миллиардов. А фермеры Айовы плотно сели на велфер, ибо их соевые бобы по-прежнему не покупаются Китаем. Только обещания слышим. И сегодня помощь им от государства в два раза превысила расходы на вытаскивание нашей автомобильной промышленности из пропасти в 2009 году. Тегеран объявил о введении в действие новых центрифуг по обогащению урана. Контроля за ним нет. И, если вдруг сейсмические приборы зафиксируют активность и определяют, что это было испытание атомной бомбы в Иране и никак не землетрясение, кого весь мир будет винить кроме Трампа?

Не стану перечислять все провалы во внешней политике - их очень много, но один отмечу. Он войдет в историю страны как ее самая позорная страница – предательство наших союзников курдов. Даже опрос, проведенный на Дэвидсон радио среди русскоязычной аудитории, где подавляющее большинство за Трампа, показал, что они считают этот шаг поражением Америки. 76 процентов! Трамп «успокоил» американскую публику, сказав, что войска остаются для защиты нефтяных полей. Людей предали, целый народ, а нефть это святое! Не трожь... Это черная страница в истории нашей страны. С этим вопросом все. Кстати, мои замечания являются ответом на вопрос номер 6.

4. Показания дипломатов и других чиновников убедительны для всех, кто этим интересуется. Достаточно посмотреть на лица республиканцев после окончания выступления того же Виндмана, чтобы понять простую вещь: и до них дошло, что Трамп совершил деяние, караемое импичментом. Ибо это была многолучевая, делящаяся несколько месяцев кампания с использованием рычагов американской мощи для устранения политического противника. Каждое показание было очередным ударом дубинки по голове. Не стану утверждать, что в глубине души они понимают, что Трамп преступил закон, но это не имеет никакого значения, ибо республиканцы не собираются сдавать своего шефа. Их кредо выразила

ведущая программы ФОКС, сказав: «Республиканская партия без Трампа ничто». Ответственный сотрудник Белого дома Малвени обо всем рассказал: да, был разговор с Зеленским, «баш на баш», но не увидел в этом преступления – так всегда делали, заявил он. Когда выступал Виндман, офицер без пятнышка на мундире, если можно так выразиться, то правые средства массовой информации обвинили его чуть ли не в шпионаже в пользу Украины из-за его украинских корней. Трамп в свое время заявил, что одному американскому судье нельзя доверять из-за его испанских корней. Надеюсь, кто-то еще помнит это. Так что насчет убедительности показаний речь не идет. Для президента и его окружения это значения не имеет.

5. Ответ на пятый вопрос прост: импичмент нереален просто потому, что республиканцы на него не пойдут. Они накрепко связаны с Трампом общностью партийных интересов. Пока они (республиканцы) не убедятся в том, что население «бросило» Трампа, они будут держаться за него до конца. Ибо они не хотят рисковать своими теплыми местами в обеих палатах Конгресса. Степень виновности Трампа для них значения не имеет.

6. Ответ уже дан выше.

7. Самый важный – экономика. Если станет не очень хорошо, Трамп может «пролететь». Будет так, как сегодня, Трамп может выиграть. Вторым важным фактором является кандидатура демократов. Мне нравится Бутигег (до сих пор не могу правильно произнести его фамилию, кстати, это тоже фактор), но он гей. И как бы Америка не пыжилась, желая доказать миру, что стала абсолютно нормальной страной в плане сексуальной ориентации, его открытая позиция и принадлежность к меньшинству окажет свое негативное влияние. Третий фактор – левые программы двух ведущих кандидатов. «Медикер для всех» убьет шансы демократов на победу. Не будем забывать, что у огромного большинства американцев есть страховки и они ими, в принципе, довольны. Срывать их на неизведанное, значит «убить» свою кандидатуру. Как Сандерс и Уоррен этого не понимают, мне неясно. Давление на Байдена («украинская ситуация») сказалась на его рейтинге. Обратите внимание: Трамп выбрал для атаки единственного кандидата, который ему по-настоящему может противостоять. Остальных он не считает за противников. Байден

перестал быть интеллигентным и правильно. Когда он резко требует от президента: «Покажи свои «таксы» или заткнись», мне это нравится.

8. Нравятся ли мне программы демократов? О некоторых я уже высказался критически. Идут разговоры о том, что демократам нужен КАНДИДАТ. Из всей группы кандидатов ни один из них, на мой взгляд, не тянет на роль лидера великой нации. Может, кто-то еще появится? Это совсем не означает, что Трамп является таким лидером. Трамп, как раз, антилидер, своротивший великую страну с ее магистрального пути, по которому она двигалась на протяжении всего XX века. Задачей нового президента-демократа будет вернуть ее на прежнюю дорогу, когда она была светочем для огромного большинства народов мира.

9. Нет ничего необычного в том, что Трамп не критикует Путина. Наш президент по природе своей авторитарен и питает слабость к диктаторам. И, скорее всего, завидует им. Ведь диктаторы что хотят, то творят в своих странах. Им законы не писаны. А Трамп, все же, ограничен в своих правах. Отсюда его внезапно вспыхнувшая «любовь» к Киму, панегирики в адрес египетского лидера Сиси – «мой любимый диктатор», вера словам саудовского принца, что он не имеет никакого отношения к убийству Кашоги. И так далее... Он не любит Мадуро или Кастро. Но здесь играет роль классовое сознание. А с Путиным у них полное взаимопонимание. Почему он должен его поливать грязью? Не дождетесь, господа. Будь я конспирологом, я бы сказал – у Путина есть компромат на Трампа, потому Трамп перед ним заискивает. Впрочем, Путину не нужен компромат на нашего президента. Это два сапога пара. Зачем одному компрометировать другого, когда этот другой и так делает все, что нужно для успехов России. Вмешается ли Путин в новые выборы? Наверняка, но осторожно.

10. Мой прогноз по поводу выборов краток – не знаю. Очень бы хотелось, чтобы ныне сидящий в Белом доме проиграл. Шансы Блумберга? На мой взгляд, малы: возраст, богатство (богатых не любят и в Америке), еврейство.

Григорий ПИСАРЕВСКИЙ, публицист:

1. Вот уже несколько десятилетий в американской политике происходит известный эффект маятника. 8 лет президентства Клинтона сменились 8-ю годами Буша-младшего. Затем последовали 8 лет Обамы, которого сменил Трамп. Чем больше политический маятник отклоняется вправо, тем резче он отходит влево на следующем цикле. Засилье левых и «принижение» имиджа Америки при Обаме стимулировали гипертрофированный американизм Трампа.

Последний, в свою очередь, привел к увеличению популярности вовсе одиозных личностей типа Элизабет Уоррен и Берни Сандерса.

Усиливающаяся поляризация социально-политических взглядов раскалывает Америку на две практически равные противоборствующие части.

Согласно опросам авторитетного исследовательского центра PEW, проведенным в сентябре 2019 г., около 80% как республиканцев, так и демократов заявили, что именно противоположная сторона должна проявлять больше уважения к политическим оппонентам и их взглядам и больше готовности к компромиссам. Только около половины опрошенных признали, что их собственным лидерам также необходимо придерживаться аналогичной тактики.

Однако следующие результаты опроса выглядят достаточно обнадеживающими. 85% республиканцев и 78% демократов признали, что они озабочены продолжающимся расколом по политическим взглядам. 58% демократов и 43% республиканцев заявили, что их кандидат, будучи избранным в 2020 г., должен стремиться найти общий язык со своими оппонентами, даже если это будет ограничивать некий «конечный результат».

И это даёт определенный надежду на постепенное преодоление раскола.

Возможно, в процессе нынешнего противостояния рождается новая общественная формация, при которой будут учтены пожелания и интересы обеих сторон – свободный рынок труда и капитала и прочие элементы развитого капитализма, высокий уровень использования научно-технического прогресса и достаточные социальные гарантии населения,

2. Хочу напомнить некоторые достижения Трампа в этой области.

Со времени его вступления в должность в Америке создано более 4 млн новых рабочих мест.

Уровень безработицы впервые за 50 лет снизился до 3.5%. При этом тот же показатель среди афроамериканцев снизился до 5.9%, латиносов – до 4.5%, азиатов – до 2%, женщин – до 3.6%. Все эти цифры – рекордные или за 50 лет, или в абсолютном выражении.

Около 4 млн. получателей фудстемпов сошли с этой программы, поскольку более не нуждаются в помощи в связи с увеличением своего дохода.

Финансовые индексы Dow Jones Industrial Average, S&P 500, и NASDAQ достигли рекордной высоты.

По сведениям ведущей консалтинговой компании Ernst & Young около 90% компаний регулярно повышают заработную плату работников.

Значительно сокращена нелегальная иммиграция и квоты на легальную иммиграцию. Производится решительная борьба с преступностью, включая преступность нелегальной иммиграции. Только в 2017 г. из страны депортировано 217 тыс. нелегальных мигрантов и арестовано 117 тыс. нелегалов-преступников.

Этот список можно было бы продолжить на несколько страниц (к примеру, газета «Вашингтон Таймс» – не путать с любительницей фейковых новостей «Вашингтон Пост» – насчитывает около 300 (!) достижений правительства Трампа).

Однако отмечу, на мой взгляд, определенные недостатки во внутренней политике. Реформа по снижению налогов, стимулируя бизнесы, малооплачиваемые слои населения и жителей центральных районов страны, ударила по многим представителям среднего класса в местах высоких налогов на жильё и налогов штата. Эта мера особенно сказалась на тех, кто живет и владеет домами и квартирами в Нью-Джерси, штате Вашингтон, Калифорнии и ряде других штатов.

Трампу пока не удалось достичь снижения заоблачной стоимости лекарств, достроить защитную стену на границе с Мексикой или начать грандиозный проект по перестройке инфраструктуры. Впрочем, всему этому мешают обструкция судей-активистов (отме-

нивших более 30 указов Трампа), многочисленные, как правило, надуманные расследования со стороны демократического Конгресса и непрекращающиеся нападки «либеральных» СМИ, широко использующих практику т.н. постправды.

Следует отметить, что существенным недостатком является очевидная неспособность Трампа завоевывать союзников среди своих ближайших сотрудников.

3. Среди целого ряда важных шагов во внешней политике можно назвать выход из ядерного соглашения с Ираном, замена НАФТА на новые соглашения с Мексикой и Канадой, оказание давления на правительства стран-союзников по НАТО с целью добиться от каждого из них вклада 2% ВВП в расходы на оборону, действия по выравниванию торгового дефицита Америки с Китаем и Европой. Время покажет, насколько эффективными оказались эти меры.

4. Все изначально зависит от того, как следует интерпретировать намерения Дональда Трампа. Была ли это попытка дискредитировать демократического кандидата в президенты Джо Байдена, или же это были обоснованные действия, направленные на искоренение коррупции некоторых высокопоставленных лиц из администрации Обамы.

Показания в Конгрессе упомянутых выше официальных лиц лишней раз указывают на существование в Америке т.н. «глубинного государства», стремящегося подменить собой законно избранную власть правительства Трампа.

Ряд серьёзных вопросов вызывает и интерпретация разговора Трампа с Зеленским, прозвучавшая в показаниях, данных комиссии Конгресса выходцем из русскоговорящей общины подполковником Александром Виндманом, военным экспертом по Украине в Совете Национальной Безопасности. Я далёк от обвинений Виндмана в измене и шпионаже, выдвигаемых крайне правыми. Однако хотелось бы выяснить, не может ли сам факт его обвинений в адрес Верховного Главнокомандующего рассматриваться в качестве нарушения воинской дисциплины или по крайней мере офицерской этики.

Кстати, применение термина «шантаж» в контексте данного вопроса выглядит не вполне корректным. Мне представляется более уместным выражение «политическое давление». В течение всей истории человечества одни государства неоднократно использо-

вали и продолжают использовать политику оказания давления на другие государства. Весь вопрос в том, во имя чего осуществляется такая политика.

5. «Украинский компромат» было бы правильнее назвать «украинской уткой» демократов.

Сенатор Линдси Грэм назвал весь процесс осуждения мотивов разговора Трампа с Зеленским термином sham («фальшивка») и характеризует поведение демократов как «политическое линчевание». Заместитель лидера республиканцев в Конгрессе Стив Скализе называет происходящее «судилищем советского типа». Многие политики, включая, среди прочих, сенаторов Джони Эрнста и Марту МакСэлли, конгрессмена, бывшего морского спецназовца и героя войны в Ираке Дэниэла Гриншоу, конгрессменов Джима Джордана, Анди Биггса, Джоди Хайс, осудили политически мотивированные наскоки демократов.

Напомню читателям краткую историю вопроса. Во времена, когда Джо Байден являлся вице-президентом в правительстве Барака Обамы, сам мистер Байден и его сын Хантер, судя по многочисленным сообщениям СМИ, активно использовали ситуацию для получения материальных благ. Хантер Байден официально признал в интервью новостной компании ABC 15 октября 2019 г., что с политической точки зрения он проявил «недальновидность», принимая должность в совете директоров украинской газовой компании «Буризма». В том же интервью Байден-младший подтвердил, что не получил бы этой позиции, не занимай его отец должность американского вице-президента. Под крылышком высокопоставленного папы, не будучи специалистом в газовой индустрии, он получил от «Буризмы» более 3-х миллионов долларов в виде зарплаты и бонусов. Хантер Байден, под давлением продолжающихся разоблачений, вынужден был также покинуть аналогичную должность в китайском equity fund (фонде акций).

А теперь подумаем: неужели расследование международной коррупции, даже если оно потенциально может повредить политическому оппоненту, не должно быть доведено до конца в интересах правосудия? В противном случае, для того чтобы оградить себя от расследования в преступлении, достаточно будет просто выдвинуть свою кандидатуру на высокую политическую должность.

Полагаю, что импичмент (понимая его как отстранение президента от власти) в результате «украинской утки» совершенно нереален.

6. В качестве однозначного ответа на этот вопрос я просто-напросто приведу некоторые цифровые данные.

В октябре 2019 г. Трамп принял решение вывести из северо-восточных районов Сирии 150 американских солдат. Помимо этого, с близлежащих территорий (но не из самой Сирии), были передислоцированы ещё около 1000 военнослужащих.

В том же месяце, незадолго до указанных передвижений, на расположенную в Саудовской Аравии военно-воздушную базу Принц Султан прибыло неуказанное количество американских стратегических бомбардировщиков В-1В, два эскадрона истребителей, две батареи зенитных ракет Patriot и батарея THAAD (зенитные ракеты для поражения воздушных целей на больших высотах).

А всего, начиная с мая 2019, на Ближний Восток дополнительно переброшено 14,000 американских войск. О каком же «предательстве интересов Америки» и о какой «капитуляции» идёт речь?

Последовавшее уничтожение американским спецназом в Сирии главы Исламского Халифата, известного террориста Ал-Багдади подтвердило правильность сирийской стратегии Трампа.

7. Состояние экономики, уровень занятости населения и то, как «ведёт себя» stock market (рынок акций и других ценных «бумаг»). Ещё одним фактором является личная харизматичность кандидата. Каждому, кого интересует результат президентских выборов 2020, я могу посоветовать выставить рейтинг харизматичности (скажем, на шкале от 0 до 100) каждому из реальных кандидатов. Тот, кто займёт первое место, получает дополнительно 20-25% вероятности успеха.

8. Основное, чего не учитывают лидеры демократов в своих программах – это реальная стоимость предлагаемых ими проектов.

Council of Economic Advisers (Объединение экономических советников) при президенте произвело оценку стоимости социально-популистских призывов демократов.

Если допустить, что «Медикэр для всех», идея, упорно продвигаемая Берни Сандерсом и Элизабет Уоррен, будет финансироваться из текущего федерального бюджета, то на эту программу уйдет половина нынешних расходов Америки. Если программа будет фи-

нансироваться за счет повышения налогов, то ВВП страны упадет к 2022 г. на 9%, а доходы семей сократятся на 19%, или на \$7,000 на человека.

По оценке Manhattan Institute (Манхэттенского Института), независимого исследовательского центра по изучению экономического роста, образования, энергии, окружающей среды, здравоохранения, юридических вопросов и градостроения, бесплатное обучение будет стоить \$807 млрд, предоставление бенефитов Social Security нелегальным иммигрантам – \$188 млрд, единый плательщик в системе здравоохранения («Медикэр для всех») – \$32 трлн, предоставление каждому гарантированной работы с оплатой \$15 в час – \$6,8 трлн, расширение инфраструктуры для удовлетворения запросов нелегалов – \$1 трлн, ликвидация студенческих займов – \$1,4 трлн за 10 лет. Суммарный объем затрат – \$42,5 трлн. В настоящее время федеральные расходы составляют 20% ВВП. Реализация обещаний демократов приведет к их росту до 50% ВВП. Потребуется ввести 87%-ный национальный налог на продажу товаров и предоставление услуг.

Реализация «Нового зеленого курса», направленного на закрытие угольных электростанций, переход к возобновляемым источникам энергии и достижение нулевых выбросов углерода в атмосферу Земли, по оценкам American Action Forum (Американский Форум Действия – исследовательский центр по экономическим, внутриполитическим и финансовым вопросам, возглавляемый бывшим директором Бюджетного Управления Конгресса Дугласом Хольц-Элкин), обойдется в \$93 трлн за первые 10 лет.

9. Я не могу комментировать вопрос о «ни разу» не прозвучавшей критике Путина, т.к. не читал и не слушал все выступления Трампа. И уж, конечно, не стану доверять в этом отношении «информации», исходящей от фейковых СМИ в нынешнюю эпоху постправды.

Что же касается вмешательства России в предстоящие выборы, то было бы наивным предполагать, что Путин не станет вмешиваться в нашу предвыборную борьбу. Ведущие страны, включая Россию, Америку, Китай и др. неоднократно, а возможно, и постоянно, осуществляли подобные действия в отношении других государств. Славился этим и бывший Советский Союз.

А кому станут помогать российские спецслужбы, зависит от решения российских правящих кругов – какой кандидат, с точки зрения политических приоритетов и личностных качеств, будет представляться наиболее приемлемым для их интересов. Таким человеком может оказаться и Трамп, и любой кандидат от демократического лагеря.

10. Прогнозировать будущее – неблагоприятное занятие. Достаточно легко ошибиться и составить прогноз «с точностью до наоборот». Если все же попытаться определить вероятность переизбрания Трампа в 2020, то я оцениваю ее достаточно высоко, на уровне 75-80%.

Майкл Блумберг прежде всего известен своим огромным богатством. В английском языке есть выражение «filthy rich», т.е. «омерзительно богатый». Блумберг заявил, что не станет принимать предвыборные взносы, и воспользуется собственными деньгами для рекламы и прочих нужд своей избирательной кампании. Недурной шаг, но он вряд ли поможет в глазах «борцов за социальную справедливость». В отличие от целого ряда других демократических кандидатов, Блумберг имеет реальный опыт управления. Известно выражение, что мэр Нью-Йорка – вторая по масштабам политическая роль после главы Белого Дома.

Когда пишутся эти строки, в гонке лидируют четыре демократических кандидата – Байден, Уоррен, Сандерс и Буттигейг. Для республиканцев хорошо уже то, что Блумберг должен забрать часть голосов у крайне левых Сандерса и Уоррен. Ряд демократов (из тех, кто не считает, что главное – это голосовать против Трампа), не придет на выборы. Если праймериз выиграет Блумберг, будут говорить, что «опять победили деньги».

Позволю себе высказать предположение, что Блумберг войдет в ведущую группу кандидатов. Его шансы на выигрыш в ноябре 2020, в случае маловероятной победы на праймериз, будут зависеть от того, кто станет его кандидатом в вице-президенты. Блумберга хорошо знают только на северо-востоке страны, поэтому он должен выбрать выходца с западного побережья, находящегося левее его в политическом спектре. Этой «счастливицей» может оказаться Камала Харрис – наполовину чёрная, наполовину индианка из Калифорнии.

Есть ещё одно наблюдение, вытекающее из выражения «follow the money» (следи, куда «ведут» деньги). Интернетовские сайты, принимающие денежные ставки на вероятных кандидатов, дают \$1,100 за каждые \$100, поставленных на Блумберга (в случае его победы). Те же сайты предлагают всего \$115 против ставки в \$100 за Трампа. Это означает, что шансы Трампа расцениваются в 9-10 раз выше (1100:115).

Журнал «Времена» благодарит всех участников «Круглого стола». Ответы на поставленные вопросы показали степень различия мнений и оценок – собственно, что и происходит сейчас в американском обществе.

*Издатель, редактор
и редсовет журнала «Времена»
сердечно поздравляют нашего
постоянного автора
Бориса САНДЛЕРА –
известного писателя, пишущего
на языке идиш, с 70-летием!
Дорогой Борис, здоровья, благополучия
и новых творческих достижений!*

Ефим Гаммер

ПРИШЕЛЬЦЫ ВЫХОДНОГО ДНЯ

*Роман нашего времени и фантастических ассоциаций**

Часть первая РАЗДВОЕНИЕ ЧУДА

1

Придурок получил во сне выигрышный билет на право посещения летающей тарелки.

Посетил – восхитился чудесами немыслимой инженерии. И у каждого космического собрата по разуму спрашивал:

– Как это устроено?

– Что?

– Вот эта штуковина. Нажмёшь пальцем на кнопку, и на тебе – на экране вся твоя жизнь, от рождения до сего дня.

Собрат по разуму обстоятельно ему объяснял.

Придурок кивал головой. И снова спрашивал:

– А как это устроено?

– Что?

– Вот эта штуковина. Войдёшь в кабинку, нажмёшь кнопку и будто горишь в любовном экстазе. Очень полезная штука в отсутствии жены.

Собрат по разуму обстоятельно ему объяснял.

Придурок кивал. И спрашивал дальше.

Спрашивал-спрашивал, пока не проснулся.

А когда проснулся, понял: ничего не помнит, кроме того, что посетил летающую тарелку. Но кто ему поверит? А ведь, вспомни он

* Печатается с сокращениями

технологические нюансы, мог бы и у себя дома воссоздать установку, дающую любовный экстаз в отсутствии жены.

Вот так... в отсутствии жены. Впрочем, и не до любовного экстаза. Любаши действительно нет. Как бы там ни было, он есть, пусть и придуток – рванул из Питера в Иерусалим, чтобы свидеться, обнять, прижать к себе. А что в реальности? Квартира в Гило пуста, пыль на газовых конфорках, заплесневелые тарелки с остатками пищи, будто никто не хозяйничал на кухне неделю, а то и две. Где Любаша? По идее, должна была дожидаться. Но... Кого включить в поиски? Гошу? Дани набрал номер.

– Алло! Гоша? Только не спрашивай: «Мы знакомы?» Я Дани с первого этажа. Так как память тебе отшибло, посмотри на записку под зеркалом в душевой: там сказано кто я. Посмотри и спускайся. Надо поговорить.

– Поговорить – это не проблема. Ноги не отшибло. Иду-спускаюсь.

Топ-топ по лестничным ступенькам, бегом по лестничным маршам. Звонить в дверь не пришлось: открыто, и мир входящему, как в кино.

– Здравствуй, старик!

– Привет Чингисхану! – Гоша откликнулся загадочно, и по присущей привычке тут же пустился в исторический экскурс, полагая, что этим выведет Дани к пониманию создавшейся ситуации.

Дани не стал перечить, помня: иначе от Гоши никакого разумного прояснения той самой ситуации не получит.

– Чингисхан умер 25 августа 1227 года. Империя, порожденная им, умерла впоследствии.

– Гоша, не томи.

– Хорошо. Поговорим о наследниках. Сегодня наука генетического рода утверждает: каждый двухсотый человек на Земле является прямым потомком Чингисхана. Так же наука, на этот раз историческая, доказательно заявляет: империя Чингисхана охватывала огромную территорию, равной которой доньше не располагает ни одно государство в мире, и насчитывала 100 миллионов людей. Как это удалось простым кочевникам, пастухам и любителям кумыса, не располагающими даже зачатками европейской культуры, не вопрос сегодняшнего дня. Хотя бы потому, что наследники Чингисхана

тайно, при помощи Интернета, ведут переписку, распределяя между собой наделы из земель, завоёванных их непобедимым предком. Никто не ведает, когда наступит час X. Приходится гадать: они уже точат сабли или ждут дальнейшего прибавления семейства для увеличения полчищ захватчиков? Одно знаем твёрдо: время работает на них.

– Я тут при чём?

Гоша вложил в кресло, ноги, подтянув к животу, сложил крестом, и таким всезнающим Буддой направил указательный палец в грудь старого друга.

– Время работает и на тебя. В лице многочисленных твоих наследников, шастающих то и дело сюда. Тоже, небось, точат сабли, чтобы непутёвому родителю сделать секир-башка.

– Не городи ерунды!

– Спасибочки! Всё, что ни скажу, ерунда! Всё, что вспомню с отшибленными мозгами, придумки. А вот и не придумки. Смотри сюда, – вытащил из бокового кармана пиджака блокнотик, раскрыл и сухмылкой уставился на Дани: – Читаем?

– Читай! А что там?

– Там вся твоя беспутная подноготная. Я теперь веду дневник, записываю каждый день жизни, чтобы не позориться вопросами, типа «мы знакомы?» А то ведь... Никого не узнаю, хрен чего помню. Вот смотри, ткнул пальцем в запись. – Неделю назад застал у двери мальчика, лет семи. Тянется к звонку, дотянуться не может. Ты к кому? К отцу. Твой папан в командировке. А потом думаю, Дани, папан ты или не папан? Не вспомнил, но запись сделал для памяти. И на тебе, на следующий день опять встреча. Вот запись, смотри, – вновь ткнул пальцем в блокнот. – Опять малец, но с виду постарше. Сколько тебе отроду? Восемь. Папку ищешь? Отца! Твой папан в командировке. А вчера... Прими в голову, вчера, снова малец и снова постарше. Сколько тебе натикало? Девять. Зачем пришёл? К отцу! Что на это скажешь, Дани? Тройня юнцов-молодцов, мал-мала меньше. Так что не отнекивайся, товарищ Чингисхан. Настрогал детишек, признавай отцовство и займись воспитанием, а то – секир-башка.

– Дурь собачья! – отмахнулся Дани. И пошёл на кухню варить кофе.

Но тут звонок в дверь.

«Кто бы это мог быть?» – подумал Дани.

– Твой пацан! – уверенно сказал Гоша и щёлк-щёлк, поворот ключа. – Милости просим!

На пороге стоял мальчик, лет девяти-десяти, в джинсиках, без рукавочки, в кепи с длинным козырьком и высокой тульей, поверх которой лентой шли круглые значки с изображениями людей. Каких? Дани поначалу не опознал, но увидел свой портрет и вздрогнул, догадываясь, в какую элитную компанию попал: Бунин, Пастернак, Солженицын – русские лауреаты Нобелевской премии по литературе.

– Здравствуй отец, как я рад, что ты ПОТОМ живой.

Некоторая неграмотность, просквозившая в словах ребёнка, как-то резанула ухо Дани, но он не отводил взгляда от значков, соображая, что бы это значило?

А значило это... Да, именно так! Именно! Он принят в клуб избранных.

– Когда это произошло? – вырвалось фальцетом из глотки.

Сынуля пожал плечами.

– Какой год?

– Сейчас? – спросил сынуля.

– Не вчера же?

– 2025.

– Когда?

– Отец, ты о премии?

– О ней, понятно.

– Не знаю. Кепку я надел уже со значками.

– Надевал сегодня?

– Сегодня. Но в твоём будущем.

– В том году, когда мне дали Нобелевскую премию?

– Отец, тебя интересует Нобелевская премия или мама? Пойдём уже.

– В будущее?

– К маме. А мама пока что в твоём настоящем.

Гоша подмигнул. Со значением. И в этом подмигивании читалось: «Шёл бы ты, однако!»

«Эх!» – вздохнул Дани.

Ситуация стервозная. Хочешь проклюнуться в будущее, натал-

квиваешься на заградительный пост, непреодолимый, подобный китайской стене: с наскака не перемахнуть, лбом не прошибить.

Ау! Откликается пацаном из будущего, якобы сыночком, однако своего времени не знающим. Но приглашает не в будущее, а в настоящее. Свихнуться можно.

– Так ты идёшь?

– А кофе?

– Кофе оставь Гоше.

2

Круглые мысли – нолики пучеглазые – бегали взапуски, не плутая в извилинах мозга, но почему-то не прорывались к финишу, дабы точно понять: Кто? Где? Когда?

Приходилось с напрягом восстанавливать каждую.

Кто?

Машинально пришло: Лев Самсонов.

И покатило с интернетовской сноровкой, печатаясь в сознании в виде литературного текста. «Он мог считать себя вторым Пушкиным, красуясь в накладном парике перед зеркалом, но никто на дуэль его не вызывал. И жена переходила из рук в руки, себя не желая держать в руках. Он выглядел жалким хотя бы потому, что старался выглядеть величественно. Но в отсутствии тоги облачался в халат с атласной подкладкой красного цвета, намекающей на цвет знамени, под которым он некогда ходил на демонстрации. Ходил-ходил, и дошёл до ручки. Превратился в досужего гида – устроителя удовольствий для денежных туристов. А хотел добраться до Атлантиды и обогатиться за её счёт. Но легче было добраться до Любаши – жены Дани Ора – обладателя таинственной карты с координатами Атлантиды и Ковчега Завета. Вот и добрался. Вот и умыкнул. И ждал удобного момента, чтобы вынудить муженька учредить торг и – баш на баш! – произвести выгодный обмен».

Где?

Действительно, где он предполагает произвести этот обмен?

И опять с интернетовской сноровкой вырисовалась карта Иерусалима, красным кружком обозначилась питейное заведение бармена Грошика, что на Русской площади в приметной близости от радиостанции «Голос Израиля» и полицейского управления.

Когда?

Интуитивно взглянул на часы, и стрелки – под взглядом, либо по иной причине? – скакнули вперёд, указав время встречи.

– Мальчик! – Дани повернулся к малорослому спутнику: выпросить, что за фокусы творятся в его присутствии. И опешил: никого! Чудеса в решете: минуту назад купил ребёнку в киоске мороженое на палочке, сдачу – три полусотни с мелочью – в карман, и на тебе: уже не подле дома своего, не в Гило, а на Русской площади, в самой близи от изыскиваемого бара, напротив православной церкви.

Над входом в бар красовалась затейливая надпись, вроде транспаранта, выполненного красным фломастером на фанерном листе: «Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким умрёт».

«Реклама, – подумалось Дани, – двигатель торговли. Но какой двигатель – не говорят. Может, реактивный? Для запуска ракеты с убойной боеголовкой». И он толкнул дверь, предполагая, что сейчас встретит давнего приятеля – бармена Грошика, и всё разъяснится.

Но не тут-то было.

Клиенты? Чудно: ни одного знакомого лица.

За стойкой стоял тоже вовсе незнакомый человек.

– Я на новенького! – поспешно сказал он, столкнувшись с удивлённым взглядом посетителя. И представился: – Сеня, а по-еврейски Соломон, племянник Грошика, новый репатриант. Прошу любить и жаловать.

– Мы не на параде гордости, чтобы любить, – усмехнулся Дани, пытаюсь как-то сориентироваться на местности.

– Ах, афоризмы... значит, Грошик мне про тебя говорил: «наша достопримечательность».

И опять, будто из интернета, встроенного в мозг, пришлёпало в отредактированном виде, словно из готовой к изданию книжки:

«Сеня был дурак, хотя и родился в России. Приехав в Израиль, назвал себя Соломоном. Но это ума тоже не прибавило. Тогда он стал писать статьи о еврейских пророках. По наивности считал, что теперь его уже однажды назовут мудрым. Однако, как выяснилось, на один маленький Израиль иметь двух Соломонов Мудрых – это большая глупость и лишняя капля яда для чувствительных антисемитов. И его отправили в дурдом. Нет, не на принудительное ле-

чение. А для того, чтобы клиентам богоугодного заведения читал свои произведения. По теории вероятности, больным, попавшим в плен иерусалимского синдрома, идёт на пользу такая пропарка мозгов, позволяющая предметно познакомиться с чудотворной деятельностью коллег-предшественников – пророков древности. Читал он больным на голову, читал, пока не выдохся. А когда выдохся, плюнул на врачебные предписания и пристроился к бармену Грошику, ибо, согласно соломоновым мудростям, рот не только для того, чтобы говорить, но и для того, чтобы кушать. А чтобы кушать, надо зарабатывать деньги. Вот и стал зарабатывать деньги, разливая по стопкам коньяк, виски, водку и всякую прочую алкогольную продукцию».

Дани воспринимал себя денежным клиентом. На иерусалимском кладбище ему заказали оформление мраморного надгробия, и аванс, не торгуясь, выплатили сразу. Так что он мог себе позволить. И позволил. Угостил себя, угостил Сеню, чтобы стал разговорчивее.

- Два по сто!
- И ещё?
- И ещё!
- За счёт заведения?
- За мой!
- Но Грошик...
- Чего Грошик?
- Наказывал: за счёт заведения.
- Мне?
- Тебе. Как появишься.
- Чего вдруг?
- Не каждый день к нам навещают нобелевские лауреаты.
- Это кто – нобелевский? Покажи.
- Зеркало у входа в подвал.

«Дела! – подумал Дани. – Что тут, королевство кривых зеркал? Нобелевку мне дадут... Это если в экскурс рвануть по значкам сынули, где-то... Словом, дадут. Но не сегодня же!»

И всё же не удержался, шагнул к зеркалу, краем глаза приметив бодрую старушенцию у входной двери. Шаг, второй, и на третьем осознание какого-то чуда, невероятного, если думать трезво. Но трезво думать после стопарика не по кондиции. «Былое и думы!» –

усмехнулся невольно, и столь же невольно оглянулся: уж очень ко-го-то напоминала эта старушенция. И – «Бог ты мой! – воскликнул в уме, не способный выдать вслух ни звука: – Да это же Люба! Чего вдруг в Иерусалиме? И до чего постарела. Как такое могло произойти? Виделись ведь недавно в Питере. И на тебе».

– Дани!

Он повернулся на оклик, изобразил «узнавание». А что он ещё мог изобразить, когда сердце «видело родную душу», а глаза не признавали? И торопливо, хотя на ногах гири, направился к Любе, усадил за столик, кликнул бармена:

– На двоих. И кофейка с чем-нибудь повкуснее.

– Подавать по-русски или на иврите? – пошутил Сеня.

– Водку по-русски.

– А «уга» – пирог – на иврите? – развивал кулинарную шутку бармен, как и всякий новый репатриант, стремящийся побыстрее образоваться на израильский манер.

Дани смотрел на жену, ощущая немоту во всём теле. Машинально, и опять само собой, родилось в голове: «Старость не побеждают. С ней борются. Побеждает она, если в это соревнование не вмешивается предварительно смерть». И дальше, после короткой паузы, в одну-две секунды, нужной, чтобы перевернуть страницу книги: «Человек начинает стареть сразу же после того, как у него заканчивается формирование мозга. Происходит это в пять лет от роду. Вот так, с пяти лет и стареем, сначала до юности, потом до зрелости, потом... Золотой возраст, пенсия, лавочка со словоохотливыми соседями со вставными челюстями и приятные воспоминания о преждевременной старости, когда за яблоками в чужой сад, или за красой ненаглядной в окно, на второй этаж. А ещё говорят – старость не в радость».

– А помнишь? – сказал спонтанно, оттолкнувшись от промелькнувших в сознании слов. – Как мы таскали подмороженные яблоки?

– Я всё помню.

– Хрустели на зубах.

– И вкуса никакого.

– Зато – адреналин!

– Ты и по сей день не можешь без адреналина.

– Нет, сейчас впору говорить: что день грядущий мне готовит?

– А что готовишь ты ему? Или опять творческий застой? Как тогда, на двухсотой странице книги? Застопорила тебя, помнится из телефонного разговора, какая-то любовь литературного героя, возникшая спонтанно и не ко времени, как у престарелого Микеланджело. И тпру – хоть женись, но ведь дальше, после свадьбы, никакого развития сюжета.

– Я не в застое, если говорить о творчестве, – с некоторой двусмысленной хитринкой ответил Дани, и вдруг поймал себя на том, что не имеет ни малейшего понятия, о какой книге речь. Однако, вот он текст, печатается в мозгу, как на экране компа. «Набежало... Изменение ритма, падение в пустоту и возвращение на небеса. И всё без всякого напряжения воли, веления разума и магнетической тяги желания. Любовь? Что за любовь, когда на носу старость? Нет, говорят умники: «не старость, а золотой возраст. Правда, пробу негде ставить».

Выпили. Нехотя поковыряли пирог. При этом испытывали внутренний дискомфорт, похожий на смущение. Поговорить не о чем: переговорили, получается, обо всём на свете, до полного изнеможения мысли и чувства.

– Знаешь? – сказал Дани.

– Знаю.

– Ну да?

– Да.

– Представляешь, закрываю глаза...

– И сразу проступают из небытия лица, – подхватила Люба, будто считывала текст. – Ни одного знакомого. Но каждое – чёткое и ясное, словно чёрно-белая фотка.

– Может, в прошедших жизнях я встречался с этими людьми?

– Это ты сам в своих прошедших жизнях. Реинкарнация, дружок!

– Откуда знаешь?

– Да что с тобой, Дани? Собственного произведения не узнаёшь?

– Какого?

– Господи! Твоя нобелевская книга!

Из Дани чуть не вырвалось: «а когда я её написал?». Однако

промолчал, чтобы не выглядеть больным на голову. И заказал по новой.

– Сеня! Мы за твоим кушаньем что-то оголодали. Приготовь нам по отбивной. С картошечкой–фри. А я... я... пока пройдусь вниз по мелким надобностям организма.

– Только не задерживайся по своим стариковским делам. А то опоздаю.

– Куда тебе так некогда?

– На концерт. Не доходит – с корабля, мол, на бал? Ну, так врубись! Из-за концерта я и свалилась к тебе, словно снег на голову. Привезла питерскую группу «Звёзды Белых ночей». Полный отпад!

– Отпад так отпад, а я пока управлюсь с организмом, потом поговорим подробнее.

Дани, как ему представлялось, принял самое разумное решение. Махнув якобы в туалет, он выгадает минуту-другую для рекогносцировки во времени и на местности и наконец-то вернётся к цели прихода в этот бар. Такой, какая гнездится в его настоящем, в 2015 году, а неведомо в каком будущем, когда и родная жена выглядит старше самой себя на десяток лет.

3

В голове крутилось: «маленькие глазки, худенькие ножки, но стихи писала приличные. Больше о любви, конечно, в смысле: ты меня не любишь, я тебя люблю. Это её и портило».

Что? Почему? И о ком?

Вдруг вспомнилось.

«Она приветливо улыбнулась. Я спросил:

– Как вас звать?

– Золушка. Нет ли у вас туфельки на примерку?

Туфельки не нашлось. А лишний билетик в кино оказался вовсе не лишним».

Боже, да никак это о Любе, и тоже из какого-то произведения. Но какого? Ведь, как там ни изгаляйся жизнь, но сегодня рука ещё не поднимется написать о ней «маленькие глазки, худенькие ножки». Значит? Да скорей всего... Вот проклятье, грядущие годы полонят сознание, и нет, чтобы внести ясность. Наоборот, путают до невозможности, не дают сосредоточиться, оценить ситуацию. Что

же получается? Отношения с Любой разладятся до такой степени, что, не дрогнув пером, он выведет – «маленькие глазки, худенькие ножки»? Но почему? В памяти ничего не возникало. Туда-сюда, куда её ни поверни, Люба всё такая же, родная и притягательная. Выходит, он снова в каком-то разумном году, доступном пониманию, а не в запредельном, пропитанном духовитым ароматом лавровых, либо кладбищенских венков. Что за метаморфоза? И как подобное случается, чтобы прыгать, не ощущая напутственного пинка, из одного времени в другое? Похоже на смену настроений: то смеешься взахлёб от бесшабашной пародии на Льва Самсонова, то впадаешь в неистовство, перевернув страницу журнала и, углядев дружеский, так сказать, шарж на самого себя – любимого. Кстати, где он, этот шаромыжник, умыкнувший Любашу? Должен быть здесь, в этом подzemелье – иначе сынуля не привёл бы сюда. Но где? В какой конуре спрятался? Не в той, где тебя держали палестинские террористы год назад, в пору туннельной войны, перед выбросом на ринг, в бой с чемпионом Фалестынланда? Или – в знак преемственности – именно на ринге? А, может, там, где некогда проводили поэтическую дуэль типа «Иерусалимская рулетка», с обязательным самострелом? Скорей всего, там, ибо это очень смысловой ход, полный потаённых значений, главные: быть или не быть, жизнь или смерть – производные из самого элементарного – «да» или «нет».

Дверь в дуэльную комнату гостеприимно запахнута. Кто-то заранее подготовился к его приходу. Но кто? Помещение пустовало: матерчатая ширма на бамбуковых стойках, бархатное кресло с витыми ножками, стол с упитанной книгой, рядом рюмочка с чёрным напитком и дымящаяся чашечка кофе, пакетик сахара на блюдечке и... револьвер.

Дани прокрутил барабан, но жёлтый глазок капсюля так и не подмигнул ему. Что бы всё это значило? Даже застрелиться не могли, хотя намёк внятен: убойный патрон тебе вручат, если готов расстаться с жизнью. Но почему? Вроде бы на повестке дня, как говорили прежде, такого вопроса не стоит. К чему же намёк? А... книга... Да, книга и является ключом к разгадке. Что же это за книга?

Дани уселся в кресло, выпил рюмочку, почувствовал обжигающий вкус рижского бальзама, наклонил рюмочку, как учили в прошлом латыши, поглядел на угольные капельки, тяжело стекающие

по стеклу. Чистый бальзам, понял. Не обманули, не разбавили водкой, как бывало в ресторане «Лидо», на рижском взморье, в Дзинтари. Отхлебнул кофейку, не уластив его горечи сахаром. И взял в руки книгу.

Что за диво? На обложке его фамилия. Внизу тиснение: «Золотая серия лауреатов Нобелевской премии». А распахнёшь на середине, тут же в глаза бросается:

НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ

Мы превзошли собственные ожидания. Всё то, о чём мечтали, допустим, в двадцать лет. Но сердце ноет. Некому рассказать об этом. Те, с кем делились мечтами, ныне – дедушки и бабушки, и живут совершенно иным. Те, кто мешал в прошлом осуществить задуманное, сегодня даже не припомнит о бывлой конфронтации. И остаёшься один на один с самим собой.

– Помнишь? – говоришь себе.

– Помню! – отвечает внутренний голос.

И смотришь по сторонам в ожидании отголосков. Но куда ни повернёшься, всюду зеркала, а они немые. Отражают тебя, и ни слова! За них говорят морщины и осенняя печаль в глазах.

Дани поднял глаза от книги, досадливо поморщился, различив невнятный шум. Что бы это? Кто-то кашлянул в кулак, как обычно бывает, чтобы погасить внезапный смех. Кто? За ширмой послышались шаги, и – тайное становится явным! – выявился Лев Самсонов собственной персоной. Лысеющий, небритый, с синяком под глазом, да и лицо синюшного цвета, словно пил, не просыхая, неделю подряд.

– Даника читаем? – усмехнулся.

– Сам написал – сам и читаю, – Дани не нашёл ничего более умного для ответа.

– Это ты ещё не написал. А знаешь, что мне больше всего понравилось?

– Что? – Дани поддался на хитро заброшенный крючок и, не представляя последствий, передал книгу собеседнику.

Лев послунывил палец, перелистывая страницы:

– Вот, нашёл – не затерялось. «Русские писатели вышли из «Шинели» Гоголя. Художники-авангардисты из «Чёрного квадрата» Малевича. Учёные двадцатого века из теории относительности Эйнштейна. Советские политики из Дамоклова меча, упомянутого Горацием и Цицероном. А вы, балбесы, дети программы строителей коммунизма? Что из вас выйдет, когда приспееет срок заколачивать крышку гроба обустроителям вашего будущего? Разве что гвозди! Не зря ведь сказано: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей».

– Стоп! Стоп! Ошибка. У Тихонова никаких «бы». «Гвозди б делать из этих людей: Крепче б не было в мире гвоздей».

– Будем считать, что и Тихонов нуждается в редакции.

– Перестань! Дай посмотреть, неужели я так написал? «Бы – бы», чушь собачья..

– За показ – деньги треба.

– Ты не на кассе! Книга моя, мне и управляться с ней.

– Не твоя, – загадочно отозвался Лев Самсонов. – Ты до неё ещё не дорос, чтобы управляться. Это я могу ею управляться, покуда читатель. И если она годна для Нобелевки, то зачем её отдавать? Перепишу набело, издам под своим именем и буду считать премиальные тугрики уже в качестве писателя. Сколько там накапало? Миллион баксов?

– Девятьсот тысяч, – спонтанно откликнулся Дани, будто разглядывал премиальный чек.

– Да, за такие деньги можно прикупить целый остров, не то что ветхую карту.

– Ты опять об Атлантиде?

– Куда мне без неё?

– Сначала верни Любашу.

Лев Самсонов, засунул книгу за пояс, чтобы высвободить руки на случай, если Дани вспомнит о боксёрском призвании. Предстояло сказать нечто такое, после чего есть шанс получить в морду, настолько сказанное будет невероятным.

– Любаши – нет в наличии.

– Ты что? – Дани приподнялся с кресла.

– Не подумай чего. Я к ней не прикасался. Пальцем не тронул. Она просто... просто сказала... сказала как нормальный человек,

что её неудержимо потянуло в Питер. В альма-матер, или... в материнскую матрицу. В точности не ручаюсь за её слова – шок! Глазом не успел моргнуть, как взяла и исчезла... Растворилась в воздухе! Просто цирк, если не дурдом.

«Ах, это? – с облегчением подумал Дани. Переметнулась, как я некогда. Но ведь... Теперь она объединилась с Любой в одно целое. И будет стареть с ней в одном теле. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. На свободу в обличье юной красавицы не выскочишь. Не из-за этого ли – из-за потерянной Любаши в теле старушки Любы ты и написал: «маленькие глазки, худенькие ножки»? Вполне возможно. Вот тебе и Маяковский: «Любовная лодка разбилась о быт». Вот тебе и собственная отсебятина: «И щепки занозили сердце».

Душевный расклад не ахти, настроение под стать душевному состоянию. А второй рюмки бальзама не предвидится. Однако... что это? Лев Самсонов, прижимая левой рукой книгу под пиджаком, кладет на стол револьверный патрон.

– Припас для тебя. Калибр родной. Девять миллиметров. Как у «Макарова» и «Узи».

– Чего вдруг?

– Самая пора застрелиться.

– В этом теле дураков не водится! – Дани постучал себя по груди.

– Тогда есть разговор.

– Давай. Не тяни.

– Ты мне карту с координатами Атлантиды. Я тебе книгу.

– Можно ещё разок взглянуть? Вдруг не я писал.

– А текст, что я тебе прочитал?

– Откуда мне знать, я ли писал, когда ЭТО в настоящий момент не написано? Кстати, какого она года издания?

– Жухнемся – узнаешь.

– Сначала скажи, как она к тебе попала?

– Пацанчик заходил. Чудный такой хлопец. Я бы его в пионеры принял. Папанина книга, доложил. Придёт к тебе на стрелку – отдай.

– Ну? Я жду!

– Спасибочки! В обмен на тайну захоронения Атлантиды. Пацанчику так и сказал. И добавил для ясности: «ты мне книгу, а папе

твоему фигу». Тут он хватя за обложку, и дёрг-подёрг. Рука соскользнула, и в глаз мне – бац! – зафитилил сгоряча. По сей причине сижу в подвале на пару с синяком и на улицу не высовываюсь.

– Пруха – не старуха. Где ваше не пропадало? – съязвил Дани и, машинально подтянув поясной пояс, направился к выходу.

4

За стойкой в баре пузач Грошик посверкивал моноклем, смешивая коктейль для Нору – обладательницы Даниного акростиха, синеокой красотуле, в чёрном приталенном костюме. И попутно толковал о смешиваемых «индегриентах».

– Хочешь привлечь молодого человека, закажи при нём «Сногшибательную блондинку». Индегриенты такие.

– ИнГРЕдиенты, – поправил Дани.

Грошик досадливо махнул рукой:

– Дани, душИ прекрасные порывы и не мешай вдохновению бармена. Итак, берём аператив «Перно».

– АПЕРИтив!

– Заткнись, балабол! Здесь тебе не Википедия для интеллектуалов с писательскими заскоками, а распивочная на любой возраст, кроме «до 16 лет». Итак, – искоса посмотрел на Дани и поправился: берём аперитив «Перно». Заметьте не «Порно», именно «Перно». Наливаем. 30 грамм. Достаточно! – Тонкая струйка потекла в бокал. – Теперь берём ликёр «Адвокат». И не перебарщиваем. Точняк 60 грамм. Наливаем. Достаточно. – Тягучая струйка потекла в бокал. – На добавку лимонад. По вкусу, либо доверху. И ломтик апельсина, либо вишенку для украшения. Прозит!

Нора воткнула пластиковую трубочку в бокал и театрально, закрыв глаза, втянула пару капель напитка.

– Класс! Сногшибательно!

– Чисто по фирме!

И опять Дани не удержался:

– Фирмач грёбанный! А смешать коктейль со льдом в блендере? Забыл?

– Дани! Сногшибательная блондинка, – указал на Нору, – и без поучительных реплик, типа «я здесь был!» – полна признательности за твой прошлогодний акростих. Не утруждай мозги! А если начи-

стоту... она предпочитает градусы не разбавленные. Правильно я говорю, Нора? – подмигнул, уронив монокль на ладонь.

– Ты всегда говоришь правильно, но не всегда грамотно, – воздушный поцелуй, и Нора двинулась с бокалом к своему столику в углу, у окна.

Теперь можно и посеCRETничать с Грошиком.

– У меня к тебе разговор, – сказал Дани, – вернее, не к тебе, а к Сене.

– Это которому Сене?

– Племяншу твоему.

– Сбрэндил? О чём с ним говорить, с малолеткой? По нему тюрьма ещё только скучает.

– В смысле: кто в тюрьмах не сидел, тот не гражданин?

– Помнишь? Хвалю! Так какого лешего он понадобился?

– Понимаешь, – помялся Дани, подыскивая разумные слова, чтобы не выглядеть идиотом.

– Я пойму. Выкладывай.

– Он меня давеча поздравлял с Нобелевской премией, стопарик – за счёт заведения – от твоего имени кстати. Но вот незадача. В каком году – нобелевка, не сказал. А ведь интересно...

Грошик поспешно налил Дани до краев водки. И, поперхнувшись, сам выпил. Но мигом очнулся, исправил ошибку – и протянул приятелю стаканчик.

– Опохмелись! А то глюки... На то они и глюки. Сам испытывал.

– Понимаешь...

– Я-то понимаю, но и ты пойми. Сеня тебе никак не мог набулькать ни сто грамм, ни двести. Он в России-матушке, и ему совсем немного лет, чтобы самостоятельно репатриироваться в Израиль. А братан мой, природный батяня его, покуда не созрел для столь серьёзного поворота в жизни. Тянет срок и ждёт изменений к лучшему. Как мы с тобой построения коммунизма.

– Но он же за этой стойкой, – совсем потерянно пробормотал Дани.

– Дались тебе эти глюки! – буркнул Грошик, испытывая неловкость из-за профессиональной оплошки: грохнул рюмашку клиента. – Удовлетворись «Сногшибательной блондинкой», «индегриентов» полный комплект.

– А нальёшь?

– В руки тебе и без налива даётся.

– Чего? – вяло переспросил Дани.

– Оборотись к окну. – И подтолкнул приятеля к угловому столу. – Иди! Нора тебя не съест. А то застоялся из-за отлучки своей прекрасной половины.

– В Питере она. Командировка.

– Вечно она у тебя в командировке. Иди-иди! – подтолкнул. – Нельзя же так мучить себя.

Дани и шагнул, непроизвольно проворачивая в голове некий текст, тут же ускользающий из памяти.

Из сомнамбулического состояния его вывела Нора.

– Хочешь? Погадаю!

– На пальцах?

– На кофейной гуще, – повернулась к бармену. – Грошик, кофе клиенту!

– А о чём намерилась гадать?

– Дани, я всё слышала. Нобелевка тебе пригрезилась. Вот и определим: это сновидческий прогноз, или чепуха на постном масле.

– Да не приснилось мне! – вспыхнул Дани. – Вот тут мне и сказано было. И свидетельница есть. Кто? Жена моя Люба. На твоём месте сидела, когда я вошёл сюда какой час назад.

Нора отпила коктейль, наклонив голову над бокалом, чтобы спрятать невольную смешинку в глазах. И будто в раздумье, хотя её и распирало от смеха, промолвила:

– Какие свидетели, Дани? Жена твоя в «шлихот», а по-русски в «послании». И пусть не во глубине сибирских руд, но столь далече, что из её окна Невская краса видна, а из нашего окошка только Сирия немножко.

– Но Сеня...

– Сеня там же, дожидается возвращения батяни из мест не столь отдалённых.

– Тогда... Тогда... Да вот не более часа назад! Лев Самсонов.

– Из подвала?

– Он самый! Мало что говорил, книгу мою показывал. С Нобелевским тиснением.

– Ах, вот оно – что? Тогда, уважаемый товарищ, разрешите

представиться. Нора Самсонов – в Израиле, как известно, жена носит фамилию на мужской лад, без женского окончания.

– Ты?

– Честь имею, хотя не в чести мне такое звание.

– Его жена?

– Подруга дней его суровых, но не старушка дряхлая его. Во мне жизни на хорошую сотню лет, а жизни нет. Он же, этот Лёва-обнова – клинический случай. Сам такой, и любого с ума сведёт. Ищет придуманную Платоном Атлантиду, и не видит над собой небо в алмазах.

– Я бы предпочёл небо в алмазах.

– Тогда поехали.

– На небо?

– К тебе.

– Белый танец? Дамы приглашают?

– Ко мне дорога закрыта. У меня в подвале Лева-обнова. Крутится, наверное, по привычке у зеркала, примеряет купленный по случаю костюм. Старый мне сбегит, как обычно, чтобы выглядела на все сто – по нынешнему раскрою моей женской фамилии. Отчего-то ему любо, чтобы ходила я в мужской одежде.

– А гадание?

– Я и без кофейной гущи вижу – интуиция средневековой ведьмы! – судьба тебя не обманет. В 2020-м – и вознаградит. Приглядись к цифрам. 20 плюс 20 даёт в сумме 40. А 40 – магическое для еврея число. Помнишь? Только через 40 лет блуждания по пустыне еврей обретает Израиль – свой, истинный! Не на выездной визе, как в семидесятых, а в душе. Так оно выглядит – исполнение желаний.

– За исполнение желаний! – Дани поднял рюмку.

– За исполнение желаний! – откликнулась Нора. – Поехали! К тебе, полагаю, визы не требуется?

– У нас без паспортного контроля. И таможенного досмотра.

5

Сквозь сон, будто из иного измерения, где видел себя в зеркальной комнате – сотни отражений! – точилось в мозг:

«Пусть посидит тишком в укромном закутке, будто только ро-

дился. И определит на досуге, почему младенцы не начинают говорить сразу после рождения?»

– Почему?

Знакомый ангел-хранитель поясняет:

– По той причине, что всё ещё находятся под впечатлением прошлой жизни и могут о ней рассказать.

– Научные изыскания говорят: дети до 3-5 лет способны вспоминать о минувшем, а потом, с развитием разговорной речи, эти навыки в них угасают.

– А что подсказывает самостоятельное мышление?

– Самостоятельное мышление подсказывает: наш язык стоит на страже рубежей, отделяющих жизни одну от другой. Это заложено в нас как сокровенная тайна, и мы, не догадываясь о том, храним её из рождения в рождение. Видимо, в будущем нам предстоит воочию увидеть все наши минувшие жизни, и разом уразуметь: кто мы на самом деле. А пока что при рождении та же механика, как и при выходе из сна. Откроешь рот: слово-другое, и все видения убегают прочь, включая королеву взнезменной красоты, которая является избраннику разве что по великим сновидческим праздникам.

– Твоя королева у тебя за спиной, под стёганым одеялом.

Медленное осознание действительности. И на переходе к реальности, в полупросыпе новый вопрос, тут же исчезающий из головы.

Однако знакомый ангел с ходу выхватывает позывные не сформулированного до конца вопроса, и с лёгкостью потустороннего оракула проясняет ситуацию:

– Грошик звонит. Хватай трубку, а то разбудишь свою ненаглядную.

Сон улетучился. Тапочки на босу ногу. И бегом в салон, краем глаза примечая, как Нора перекрывается подушкой, чтобы трезвонящая по телефону реальность не домогалась её тела.

– Алло! – полушёпотом. – Грошик, это ты? Какого чёрта?

– В погонах.

– Что?

– Чёрт в погонах. А проще, в следственном отделе полиции. В майорском отличии.

– Ты убил кого?

– Это ты меня убил. Зарезал без ножа.

– Хватит придуриваться! Я в голом виде и в тапочках. Мне в кровать надо. А не на кладбище.

– Забудь о сиськах! Хватайся за руль и гони сюда. До тебя есть вопрос у товарища следователя. Передаю трубку по назначению.

Басовитый голос, не терпящий возражений:

– Шми Яков. Они роцЕ лирОт отхА. ТагИя махЕр. Ешь шейлА. (Моё имя Яков. Я хочу видеть тебя. Прибуди побыстрее. Есть вопрос).

– Ма шейлА? (Что за вопрос?)

– СудИ. (Секретный).

– Аваль. (Но).

– Бли штуёт. О хавЕр шелхА ло йёцЕ ми по. (Без шуток. Или твой друг не выйдет отсюда).

Руки – в ноги. И тишком, чтобы не разбудить Нору, вползай в походняк-одежку: полотняные брюки, безрукавку-куртку с десятью накладными и внутренними карманами, сандалии, затем вали на улицу, в малышку-машину, и «крепче за баранку держись, шофёр».

Выжав скорость, Дани рванул к выезду из Гило и понёсся вниз. У квартала мимо Катамон свернул направо и мимо Колокольного парка покатыл к центру Иерусалима на Русскую площадь. Голова разбухала от ниспосланного – с небес, что ли? – текста: «Дожили! Абракадабра решила повелевать миром. А что для этого надо? Ничего, кроме подчинения.

– Требую подчинения! – сказала Абракадабра, входя во власть, и мир подчинился ей.

А почему? Потому что мир был – этот. Тот мир вряд ли ей подчинился. Там власть Божья».

Трезвый голос: «Ты ещё не там. А попадёшь туда, кто за тебя выигривует на памятнике эпитафию? Какую? Хотя бы такую: здесь лежит интеллект, разменный на 125 поллитровок водки с прицепом в три тележки пив».

Дани отмахнулся от назойливых мыслей, выискивая место для парковки – платные забиты, и бесплатные с гарантией угодить под штраф.

У часовой мастерской собрата по «милуиму» – службе резервистов – Габриэля Хаимошвили нашёл свободный пяточок. Под

красочным объявлением: «ремонт часов, минут, секунд, мнений». Огляделся, нет ли поблизости какого-то униформиста, цепляющего на ветровом стекле, под дворником, угрожающие бумаженции с цифирками и ноликами. Нет? Ну и отлично.

– Не бойсь, кацо! – Габи – большая голова, большой живот, большая улыбка во всё лицо – выглянул из-за двери. – Скажу – моё авто. Недавно купил, скажу. Да и не будет Шмулик пакостить у меня под носом. Учую – ноги оторву. И нечем будет ходить. А ведь ходим как? Под одним Богом ходим!

– Габи! – засмеялся Дани. – А в полиции у тебя, в отделении на Русской площади, случаем, приятелей нет?

– Как нет, когда есть? Какого размера тебе надо?

– На размер майора.

– Это по должности рав пакад. Запомни, чтобы умным выглядеть в полиции. А по паспорту как его?

– Яков.

– Если ты ищешь Якова Прайсмана, чтобы говорить по-русски, то войди прямо, где вход, поверни направо и – в третью дверь. Тук-тук, прибыл по вызову в самое точное время, какое устанавливает за малую плату Габи Хаимошвили.

– Фамилия что-то знакомая.

– Русская! И не опаздывай – возвращайся с победой. А я тебя тут подожду, если тебя не на пожизненное.

– Брось! Думаю, минут на пять. Какое-то недоразумение. С барменом Грошиком.

– Э, кацо! С Грошиком похлеще будет, чем недоразумение. Поговаривают, завявился в банк с поддельными деньгами.

– Что ты несёшь?

– Слухи не несут, они сами разносятся. Ровно двадцать минут назад, плюс тридцать пять секунд, – Габи отвернул рукав пиджака, посмотрел на золотую стрелку, бегущую по циферблату столь же богатых часов, – заходил ко мне на ремонт их пакад – капитан. И говорит: Грошика взяли с поличным. А поличные – что? Деньги, отпечатанные типографским способом, но при этом фальшивые. А? Как тебе такой расклад? Деньги – типографские, не кустарного производства, и при этом тянут на десять лет без всякой переписки.

– Грошик не писатель. Ему не страшно без переписки, – отшу-

тился Дани. Но на душе стало неуютно. Что за маразм? – Ладно! Я пошёл по адресу.

– Но вернись. И порадуй старика хорошими известиями.

– Грошика вытащу и порадую.

– А я пока распечатаю бутылочку. Грузинское вино лучше поцелуя прекрасной девушки, вай-вай! – чмокнул копку пальцев.

– Лады! Я в Фейсбуке вчера прочитал: учёные выяснили, что бокал красного вина приравнивается к одному часу занятий спортом.

– А на ум не пришло, что будет после десяти бокалов? Будешь лежать, как после нокаута. И в фантазиях предполагать, что занимался боксом.

– Я и занимался. Ты ведь знаешь.

– И Яша Прайсман знает. Если ты направлен к нему, то будь спок. Это тот Яша, что «в каждом кулаке по нокауту». Из твоего репортажа в «Секрете», двухтысячный год, когда мы ходили в милуим. Помнишь?

– Так бы и сказал сразу, что я натаскивал его как охотничью собаку.

– Да, но когда это было? Пятнадцать лет тому. Он совсем молодой был, как моё вино.

– Ладно! Надеюсь, твоё вино останется молодым до тех пор, пока я вернусь.

– Проверим. У него запас выдержки на десять лет.

6

В коридоре полицейского управления, как в российской казарме, у тумбочки дневального – зеркало в рост человека. Возле него прихорашивалась девушка, явно местного производства, в офицерской форме, с пистолетом на боку. Поправляла причёску, припудривала синяк под глазом.

– Я хорошо выгляжу? – спросила у Дани, смахивая пушком пудру с носа.

– Йофи – как говорят в Израиле. Бьютифул – как говорят в Америке. А по-русски? Так просто дара речи лишился.

– Мой начальник может накричать. Именно по-русски. Но словами из татаро-монгольского ига.

– Ага, – догадался Дани, о каких словах идёт речь. – И за какие прегрешения такое неуважение к человеческой личности?

– За то, что забыла: человеческая личность – неприкасаема, а я морду подставила под кулак.

– Личико, – поправил Дани.

– Для тебя – личико, для него...

– Яша Прайсман?

– Он самый!

– Вредный?

– Хочет меня видеть только в лучшем свете.

– А ты?

– Шми Орна, мое имя – Орна. В вольном переводе: «Свет пожа-луйста», – представилась девушка. – И я хотела, как лучше.

– Понятно. А вышло как всегда, как говорил Черномырдин.

– Не как всегда, но вышло. Я хотела сильнее понравиться Яше, пошла в секцию бокса.

– Там тебе и под глаз!

– Я тоже.

– Не сомневаюсь. А теперь?

– Накричит!

– Сообразительная.

– Я не замужем.

– Даю слово, выйдешь! – заметил Дани. – Беру над тобой боксёрское шефство, месячишко тренировок и сама набьёшь ему морду. А сейчас пойдём, – и толкнул дверь в кабинет следователя.

При первом взгляде схватывало: в грозном на вид майоре полиции Прайсмане всё ещё легко угадывался озорной Яшка, мечтающий попасть в армию в звании чемпиона Израиля по боксу. Сколько литров пота выжал из него Дани, и не припомнить. Но однажды, шлепнув по привычке кулаком по ладони, сказал: «Баста! Ты готов, парень». И не ошибся.

Далёкий, двухтысячный год. Смена эпох. Толкования о календаре племени майя, мол, человечество на грани гибели. А что для всего человечества один человек? Ноль без палочки! Вот и выпал Яшка Прайсман из памяти, как призвался в бригаду «Гивати», и вся его жизнь – перекасти-поле, вывернувшее в полицейский участок – прошла, понятно, стороной, как проходит осенний дождь, если

вспомнить Есенина. Но стоило увидеть, как он, подражая, стукнул кулаком по ладони при появлении давнего спарринг-партнёра, и мгновенная вспышка высветила былое.

– А ты заматерел! – сказал Дани, садясь на стул рядом с барменом Грошиком.

– Думаешь, что говоришь, – буркнул Грошик. – Тут каждое слово может быть использовано против тебя.

– Разве я похож на недотёпу с одной извилиной, и той прямой, как Невский проспект?

– Отчего же не хватаешься за голову? – нагнетал обстановку Грошик.

– Не понял.

– Думающие люди хватаются за голову. И не потому, что она болит. А чтобы лишний раз показать, что они думающие. Впрочем, и не думающие люди тоже горазды хвататься за голову. Но чтобы убедиться, что она до сих пор на плечах. Сказывают, повелось это у тех и других со времён Ивана Грозного. Опричники изображали из себя думающих и хватались за голову, как только царь на них косо посмотрит. А не думающие вряд ли поспевали за опричниками перехватить косою взгляд повелителя. Вот и лишались голов, склонных к мысли, что невинную голову меч не сечёт.

– Ага! – понял Дани, куда клонит Грошик. Но всё равно мыслью не докопаться до причины вызова. А ведь причина – серьёзная, вроде как манипуляции с фальшивыми деньгами, иначе не погнали бы сюда без промедления.

– Итак? – начал Прайсман.

– Понятия не имею, – в тон ему ответил Дани, вспомнив о диссидентском прошлом.

– А напряги память.

– Мне нечего скрывать.

– Тогда начнем, – сказал полицейский.

Начало выглядело уморительно. Прайсман раскрыл лежащую на столе папку и осторожно, держась за уголки ассигнаций, чтобы не оставить отпечатков пальцев, выявил на свет белый две пятидесятишекелевые ассигнации зеленоватого цвета с портретом поэта Шауля Черняховского.

Дани вопросительно посмотрел на него. Но помня, что инициатива наказуема, промолчал.

Вопрос задал полицейский.

– Узнаёшь?

– Они все на одно лицо.

– Тогда послушай. От знакомства с историей никто не умирает. И так... Пятидесятки должны были появиться в обороте 1 января 2014 года. Но наша служба установила, что они недостаточно защищены от фальшивомонетчиков. Посему было принято решение усилить степень их защиты. Для этого рядом с портретом Шауля Черняховского напечатали его стихотворение «О арци молодети – О, родина моя!», но такими маленькими буквами, что прочесть его могли только через лупу.

– И что? Кто-то украл это стихотворение? – не выдержал Дани.
– Поэтому и вызвали меня на дознание, чтобы установить плагиатора?

– Не спеши поперек батьки в пекло! – пробурчал следователь. Повернул голову к Орне: – Прокатай пальчики на этих купюрах. И опять к Дани: – Дело не в стихах.

– Понятно, когда разговор о деньгах. Гонорары теперь не платят...

– Вместо гонорара, Дани, набегает выигрышный шанс получить небо в клеточку.

– За что? Стихи не ворую, деньги не печатаю.

– Не врубаешься? Groшик, поясни ему, а то, как в анекдоте: у одного папы было два умных сына и один боксёр.

– В русском варианте – футболист, – уточнил бармен. И активно жестикулируя, будто на пальцах разъяснял ситуацию, повёл скороговоркой. – Дани! Вчера эти деньги я получил от тебя за выпивку. Собрал потом всю выручку и понёс в банк. Двухсотки приняли, сотки приняли, а эти – указательный палец направил на следователя – заарестовали. Уличили меня в подделке, и – «выводи на сообщников». А какие у бармена сообщники? Разве что клиенты.

– Меня назвал?

– А от кого я получил эти башли?

– Но и я их не печатал.

– А от кого получил ты?

– Сдача. Купил арктик пацану, и с двухсотки мне накапало.
– Где купил? Докладывай товарищу начальнику, и на свободу с чистой совестью.

– Да-да, где купил? – оживился Прайсман.

– В Гило. На игровой площадке. У детского садика. Там, где остановка автобуса 71-го маршрута.

– Чего ты мелешь? Какой киоск? Там никакого киоска!

И впрямь! – задумался Дани. – Нет же там киоска. Однако купил мороженое именно там. И сдачу получил не иностранной валютой.

Он потерянно замолчал, не соображая, что сказать в оправдание. Псих, вышедший из ума? Или? Но что ни скажи, всё срывается против. И в первую очередь – правда.

Тут как раз и вернулась Орна.

– Пальчики чистые. В нашем банке данных не значатся. Кроме... Но это потом, для сюрприза. Купюры, согласно химическому анализу, тоже чистые. Никаких следов подделки. И при этом однозначно... – выразительная пауза – фальшивые. Там, где серийный номер, что-то несусветное.

– Вот на это и обратили внимание в банке, когда сдавал наличку, – пояснил Грошик.

– Да-да, – поспешно кивнула Орна. – Серийный номер на порядок выше, чем сейчас в обиходе. Я позвонила в Госбанк, назвала номер купюр. А мне – не поверите? – заявили, эти номера выйдут в обращение через два года, в 2017-ом, пока не отпечатаны. Так что же получается?

– Именно! Что у нас получается, Дани? – сумрачно выдохнул Прайсман. – В несуществующем киоске ты получил несуществующие деньги?

– Сегодня несуществующие, – поправил следователя Дани.

– Не хочешь ли ты сказать, что при получении несуществующих денег находился в несуществующем будущем. В 2017 году?

– В 2025, – Дани снова скорректировал слова дознащика.

Тот покрутил пальцем у виска.

– Хорошо, что я уже оставил бокс.

– И глупо сделал, мог поехать на Олимпиаду!

– А вот тебе придётся дать подписку о невыезде.

– Я ни в чём не виноват!

– Ну да, ты не виноват! Виновато будущее. Вот мы и выясним, какое оно – криминальное или не очень?

– Нормальное будущее. Мэры городов взятки берут как обычно. А те, кто домогается министерских постов, идут под суд тоже за домогательства, но сексуального толка.

– Прекрасно разрисовал, дорогой мой спарринг-партнёр. Когда у тебя персональная выставка? Или твоя картинная галерея по-прежнему на кладбище? Кстати, там, в будущем, среди могил, моё пристанище не обнаружил?

– Отчего же? – Дани двинул в разрез, машинально повторив вспыхнувшее с подачи сына в мозгу. – Настанет день, и с журавлиной стаей ты полетишь к бескрайней синеве. Дата – 2025 год.

– Бандитская пуля? – пошутил Прайсман, вспомнив фильм Рязанова «Старики – разбойники», хотя его охватил нервный озноб, явно не настраивающий на веселье.

– При разминировании!

– Чтоб тебя! Ну, и поговорили. Ладно, а что за сюрприз, Орна?

– Не поверишь!

– Если ему с дьявольскими бреднями о путешествии во времени приходится верить, то тебе сам Бог велел.

– На одной из полусотен твои отпечатки.

– Свежие? Но я касался только уголков ассигнаций.

– Старые, Яша... Из будущего. Лет семь, не менее. Отправная точка 2025 год. Значит, полусотней ты расплачивался в 2018.

– Ну и чудеса еврейского сыска! Самого себя брать на подозрение? – сыронизировал Прайсман.

– А ты не подозревай! – поспешил на мировую Дани. – Чего проще? Выведи себя из-под подозрений. Заодно и всех нас. Мы деньги не печатаем. Мы их пропиваем.

– Оно и правильно, – добавил Грошик. – Не жизнь, а сплошная мистика. К тому же не подозрения красят человека. А... – умело щёлкнул себя по кадыку.

Дани тут же перехватил инициативу:

– К тому же Габи Хаимошвили зовёт на сабантуй. Бутылку грузинского вина открыл. И посматривает на часы, дуется на секундную стрелку, слишком прытко бежит.

– А что? – откликнулся Прайсман.

И все согласились. А что, действительно? Почему не выпить, когда душа требует. Не на том же свете пить, когда живёшь на этом!

7

Однажды Дани поинтересовался у знакомого ангела: не входит ли в его планы при частых командировках на Землю стать, наконец, падшим ангелом?

– А что для этого требуется? – полюбопытствовал ангел.

– Влюбиться!

– Я и так всех люблю.

– Не в духовном смысле влюбиться, – пояснил Дани. – А в плотском.

– Это что?

– Это так основательно, чтобы девять месяцев спустя у тебя появился ребёнок.

– Ангел?

– Нет, не ангел. Живой человек...

– Которому ничто человеческое не чуждо?

– Вроде того.

– А в Бога он верит?

– Когда как. На данном историческом отрезке не очень.

– Как же он после всего этого поверит, что его папа – ангел?

«Поверить можно», – подумал Дани, чувствуя себя влюблённым ангелом. Вот откроет дверь, войдёт в квартиру, и... Но какая любовь, какие порывы и взлёты, когда полный раздрай души? Нора – да! – дома и полна ожидания. Но что за вид? Как партизанка на допросе. Руки связаны, ноги связаны, сидит на диване с кляпом во рту. А напротив Гоша, за чашечкой кофе, с книжкой, чтобы за чтением скоротать время.

– Что произошло?

– Это целая история!

– Гоша! Давай, но покороче!

– Покороче будет так. Спускаюсь по лестнице к другу моему – догадываешься, к кому – на первый этаж. Вдруг дверь открывается и выявляется в полный рост девица, красоты приличной. Деликатес, если в высоком штиле. Но это при случайной встрече на улице.

А тут, в твоей квартире? Непорядок в танковых войсках! Сверяюсь по блокнотику памяти. Здесь живет мой давний друг – догадываешься, кто? Жена его Люба в долгой отлучке, в Питере. Значит, выходящая наружу женщина – не жена и не Люба. Затолкал её назад, в квартиру. И спрашиваю в согласии со всеми культурными правилами: «кем изволите быть?» А она сумочкой, что на ремешке, хрясть мне по чайнику. И пошла-поехала, в ширь своих энциклопедических познаний, по моей личности. И насильник я, и наглец, тюрьма по мне плачет! Покушаюсь, видите ли, на невинную, то бишь абсолютно трезвую девичью плоть. Ну, за плоть я её и схватил, повязал – не вырвешься, как учили на курсах самообороны по борьбе с терроризмом, а то ведь и по старой боксёрской привычке мог в нокаут послать, без возврата. Затем сумочку проверил. Что там такого ценного? А там связка ключей, денежки и – внимание на все сто! – старинная карта. Дани, та, что ты прячешь от дурного глаза. За каким интересом ей твоя карта? А? Мне не ответила, только ругалась, пеной исходила. Вот я бурлящий рот и запечатал. Теперь пусть тебе ответит за свой воровской подход к чужому имуществу.

Гоша отложил книжку, поднялся и вынул кляп изо рта пленницы.

– Воровство? Какое воровство? – закричала Нора, брызгая слюной. – Взяла на время. Для Лёвы. Он посмотрит, и сразу назад принесу.

– Посмотрит под копирку? – схохмил Гоша.

– Не с тобой говорю!

– А мне и говорить ничего не надо, – сказал Дани. – Всё ясно, без оправданий. Катись по адресу к своему Лёве, пусть изучает под микроскопом вместо карты чужих головастик с хвостиками.

Он забрал карту и ушёл в спальню, где, как полагал прежде, у него надёжный тайник в шкафчике с книжной полкой.

Через час после изгнания местной Соньки Золотой Ручки позвонил её муженёк.

– Не забывай, Дани, о книге! Она по-прежнему в надёжных руках. И не вырвется, пока не образумишься. А на закуску предлагаю из неё вкусный кусочек, под статью сегодняшнему дню, – и зачитал, с выражением, как учили в пятом классе при подготовке литератур-

ного монтажа по произведениям советских писателей. – Когда мне исполнилось 13 лет, мама сказала:

– Бармицва!

Папа сказал:

– Совершеннолетие! По еврейским законам тебя теперь можно женить.

Молодых подруг у папы не было. На старых его подругах я жениться не хотел. Но в школе всем девчонкам рассказал, что теперь имею право жениться. И не поверите, стал получать любовные записки. В одной мне назначалось свидание у ЗАГСа. Я смутился и не пошёл. А потом жалел. Вдруг пропустил настоящую любовь?

Лев Самсонов приглушил голос и, словно выдавая доверенную тайну, повторил последнюю фразу:

– Вдруг пропустил настоящую любовь?

Дани не удержался, выстрелил экспромтом:

– Любовь отпросилась по малой нужде. Ушла и за облаком скрылась. А ты в телевизор смотри на вождей, роняя из глаз своих сырость.

8

Экстремофилы – существа, выживающие в экстремальных условиях – некогда прибыли на Землю в космическом контейнере и породили всё живое.

Спрашивается, зачем?

Ещё можно было бы спросить: есть ли жизнь после смерти? Прибудут ли к нам в ближайшее десятилетие братья по разуму? И самое насущное, как дожить до зарплаты?

Но спросить не у кого.

Когда появились экстремофилы – около четырех миллиардов лет назад! – мы ещё не родились.

Когда наступят последние дни для нашей планеты и средняя температура поднимется, по предсказаниям учёных, до ста градусов по Цельсию, нас уже не будет.

Но что характерно, экстремофилы вновь заявятся и опять начнут всё с нуля. Однако некому будет, как и в первый раз, задать им вопрос: зачем?

Им вопрос не задашь. А себе? О происхождении всего живого?

Скучно? О появлении человека? Нет никакого смысла. Появился и появился. Но что ждёт этого человека в будущем – это интересно. Однако болгарской предсказательницы Ванги нет, а сам вряд ли способен ответить на этот вопрос. Кто же способен? Кладбище! Понятно, у каждого – свой срок. И на надгробии каждого даты. А среди них и те, что вырублены им, Дани Ором, в период работы кладбищенским художником. В датах и заложена разгадка. Ведь после премиальных денег за Нобелевку вряд ли он вернулся к этой профессии.

Такова предполагаемая картина поиска. Остаётся обнаружить последнюю свою надпись, вырубленную зубилом на камне, и финиша ля комедия – определится с ориентировочным сроком получения премии.

Но как сегодня перекинуть в будущее?

– Сын!

– Да! – раздалось в ушах.

– Что же ты меня бросил?

– Я не бросил тебя, отец! Я отправил тебя на поиски мамы.

– Но она умчалась в Питер, не дождавшись встречи со мной.

– Хочешь, я отправлю тебя вслед за ней в Питер?

– Лучше отправь меня на кладбище! За 2025-й год. Нужно кое-что выяснить.

– У мёртвых? Мёртвые не говорят.

– Не будь наивным, сынок!

– Что ж, главное – желание. А много ли откроется радости в нём...

Недоговоренная фраза повисла в воздухе, так и не дойдя до Дани, сидящего у недавно поставленного памятника – вытисненный профиль омоложенной Любы, цветы и камушки на мраморном саркофаге.

Зажёг свечку, поместил в тайничок под изголовьем, закрыл дверку на щеколду.

Боже мой! Вот сынок удружил. Это ли мне было нужно? Получается, в баре Грошика я видел Любашу накануне гибели в теракте? И упустил реальную возможность спасти ей жизнь. Только и всего – не пустить на концерт. Только и всего! По смыслу даже не поступок, а просто мужская прихоть. Мелкая эгоистическая выходка, связанная ревностью: «столько не виделись, а приехала, так сразу не

к мужу домой, а на концерт!» Выглядит по-дурацки, но это под одну сторону судьбоносных весов, а по другую – спасённая жизнь.

Потерянно, с трудом вникая в происходящее, скорее машинально, по привычке, Дани обходил могилы. И ни одной «своей» после 2020 года. Неужели и впрямь интуиция средневековой ведьмы не подвела Нору? Впрочем, теперь, после реального соприкосновения со смертью родного человека, всё остальное теряло былое значение: напиток бы и свалиться в беспомощности.

Дани очнулся. Озноблило передёрнулось, будто его продуло дуновением кладбища. Посмотрел на Гошу, вживаясь в настоящее. Прислушался к телевизору.

«От просмотра порнофильмов, – размеренно выводил диктор, – у мужчин уменьшается размер головного мозга. Так установили учёные из берлинского института развития человека общества Макса Планка».

Гоша пожал плечами:

– Подумаешь, мозг уменьшается! Зато первичный мужской признак, по определению других учёных из института сексологии, увеличивается. Не все академики Бехтеревы, чтобы думать о мозге. Пусть мозг сам о себе думает. Кстати! – Гоша поднял указательный палец над головой, чтобы он был ближе к небу. – Исследуя мозг, академик Бехтерев пришёл к выводу, что мысль материальна и существует отдельно от тела. Следовательно, и после конца жизни она продолжает существовать, давая человеку бессмертие. Так что нет никакой разницы, большой мозг или маленький, если кто-то, управляющий мыслью, может просто её отключить даже при жизни своего подопечного. Впрочем, подчас это и происходит, если посмотреть на наших политиков, да и на историю людей непредвзято – без желания её приукрасить.

– Гоша не морочь мне голову! Неси лучше водку.

– Где?

– В морозилке. Будем пить. За мысль, что существует отдельно от тела. И при этом полна любви к нам. За мою Любашу!

После третьей рюмки в мозгу опять возник голос сына.

– Отец, не впадай в панику. Учись управлять будущим.

– Будущее как настоящее: приходит, и никуда не деться.

– Э, нет, отец! Будущим управляет человек.

– Эффект бабочки?

– Вроде того. Я тебе специально показываю будущее, да такое, чтобы хотелось его исправить.

– Например?

– Гибель мамы.

– А как? Как исправить? Отменить теракт?

– Самое простое решение – это не позволить маме пойти на концерт «Звёзд Белых ночей». Не пусти её и всё!

– Я об этом думал. Но остальные? Мой друг Яша Прайсман? У него ведь та же дата на надгробье!

– Ты не волен запретить полицейскому выполнять свой долг. А полицейский не имеет права отказаться от выполнения приказа. Поехал на разминирование, и осечка...

– А если предварительно оповестить – допустим, через прессу – о предстоящем теракте?

– Ни одна газета такой прогноз не напечатает.

– Что же делать?

– Спасать маму!

– Сын! Что за наказание ты придумал для меня? Спасая Любашу, я обрекаю других людей на смерть.

– У тебя есть право выбора, отец.

– Право есть. А выбор...

– Вот поэтому твою Нобелевскую книгу я и отдал не тебе. Иначе, зная содержание, у тебя был бы выбор: писать её или не писать. А, не зная содержания, ты, придёт время, напишешь её.

– А этот стервец Лев Самсонов будет меня по-прежнему шантажировать?

– Пойми, отец! Это не столько шантаж, сколько напоминание о том, что ты действительно написал книгу, удостоенную Нобелевской премии.

– Ладно, Бог с ней, с этой премией. Когда я тебя увижу?

– Не могу обещать.

– Но я ведь тебя уже видел в натуре.

– Отец! Может, я теперь говорю из такого далёкого будущего, когда тебя нет. Поэтому ты не видишь меня.

– Спасибо, на добром слове, сынок, – болезненным сквознячком просквозило сердце. – А какой это год на дворе, если не секрет.

– Секрет. Не положено. Но ориентировочно, для знатоков, сто лет Победы уже отметили. Ты поймёшь.

Дани пришёл в себя от толчка в грудь.

– Что с тобой? – спросил Гоша, склоняясь над диваном.

– Да, ничего. Отключился маленько.

– С тобой это сегодня второй раз. Смотри, как бы в больничку не угодить.

– Брось! Всё нормально. Просто это реальный признак, что надо опять возвращаться на ринг – для поправки здоровья. Да и первенство Иерусалима на носу.

– По-твоему, есть ещё порох в пороховницах?

– Ринг покажет, Гоша.

– Тогда приглашай меня в комментаторы. – И зачастил: – Искромётные, одухотворённые атаки нигутся одна на другую. Вдохновенный удар в живот! И следом за ним заключительная точка этого великолепного произведения, поставленная неотразимым кулаком по хрустнувшей от негодования челюсти.

– Гонг, Гоша! – Дани прервал импровизацию приятеля. – Хватит трепаться. Наливай!

– Вперёд! В молодость!

– Долой старикачество!

Продолжение – в следующем номере

***Ефим Гаммер** – прозаик, поэт, журналист, художник. Родился в 1945 году на Урале. Жил в Риге. Окончил Латвийский госуниверситет, отделение журналистики. С 1978 года – в Израиле. Работает на радио «Голос Израиля» – «РЭКА».*

Автор многих книг стихов и прозы. Публикации в израильских, российских, французских, американских литературных журналах, альманахах, сборниках: «Литературный Иерусалим», «Новый журнал», «Север», «LiteraruS», «Дальний Восток», «120 поэтов русскоязычного Израиля», «Алия», «Бабий яр», «Алеф», «Лехаим», «Семь сорок» и других.

Лауреат многих литературных конкурсов и международных конкурсов художников в США, Европе, Австралии.

Геннадий КАЦОВ

МЕТРОБУСЫ

Окончание.

Начало в № 4 (11) 2019

Метро. Искусство и жизнь

Цветок дурман не знает о существовании художницы Джорджии О'Киф.

Ни один волк не догадывается о писателе Джеке Лондоне.

Нет такого медведя, который помянул бы передвижника Ивана Шишкина.

Анчар понятия не имеет о своей роли в русской поэзии, а ворон – в американской.

Да, и Бранденбургским воротам никакого дела до одноименного концерта Иоганна Себастьяна Баха.

Но только представьте, что бы произошло, узнай поезда, какими хладнокровными убийцами они изображены в творчестве писателя Льва Толстого.

Автобус. Маршрутный Санта

По утрам к месту работы я добираюсь автобусом минут десять, не больше.

Располагается наша телестудия на первом этаже двухэтажного дома. Все последние дни на втором этаже проходят детские новогодние утренники, устраиваемые русско-американским радио. Поэтому я ничуть не удивился явлению Санты Клауса в автобусе моего маршрута.

Поскольку Рождество уже прошло, то, конечно, это был не Санта, а Дед Мороз, строго по графику посетивший Бруклин перед встречей Нового года.

В таком случае, легко было предположить, что Дед Мороз едет

в столь ранний час на детский утренник – на второй этаж нашего здания.

Дедушка выглядел моложаво, даже чересчур для восьми утра: румяные щечки, с лукавым прищуром взгляд, полная энтузиазма борода, казавшаяся настоящей, равно как и белые кустистые брови.

Точь в точь, как на всех новогодних открытках. При этом выправка франта, актера со стажем, знающего себе и своему ежегодному подвигу цену.

И, ясное дело, – алый кафтан размером «три четверти», высокий посох и мешок с подарками за плечами.

Дедушке было, судя по фигуре и повадкам, не больше пятидесяти, максимум шестьдесят. Он легко запрыгнул в автобус и устроился на одном из пустых сидений впереди.

Добродушно улыбался. Смотрел по сторонам.

Я вспомнил, как в детстве ждал появления Деда Мороза, и когда он вдруг возникал перед новогодней елкой с приветствиями, это было чудом.

Рядом с ним всегда приплясывала задорная Снегурочка, но сегодня ни Снегурочки, ни веры, естественно, в Деда Мороза не было, а скорее было желание спросить, является ли он членом профсоюза и почему, по известной анекдотической традиции, всё еще не пьян.

Другое дело – оказавшиеся в автобусе два мальчика-мексиканца. Им было лет по пять-шесть, то есть тот самый возраст, когда протяжно выкрикивают Деда Мороза, веря, что он сейчас откроет дверь и войдет в квартиру.

Мальчики смотрели на дедушку не отрываясь. Их взгляды переместились с лица дедушки на его мешок с подарками и оцепенели.

Мальчики пытались представить, что в мешке находится. Они, это было видно со стороны, до конца не верили, в какую невероятную сказку попали.

Молниеносно пройдя сквозь лобовое стекло, декабрьский ветер занес в салон автобуса паузу.

Недолгую, но интригующую и мучительную.

Пауза длилась секунд пять, хотя показалась вечностью. Наконец, Дед Мороз улыбнулся шире обычного, произнес какую-то абракадабру, снял со спины мешок и полез в него сразу двумя руками.

Тут уже надо было смотреть не только за мальчиками, но и за их мамой. В далекой Мексике нечасто они сталкивались с живыми Дедами-Сантами-Морозами-Клаусами, и зачарованная волшебством в формате обычного автобуса, мексиканская мама не представляла, чего ей от этого праздника ожидать.

Она ерзала на своем сидении, пока мексиканские мальчики застыли, открыв рты.

Дед Мороз вынул из мешка две небольшие коробки, упакованные в разноцветную бумагу и перевязанные красно-желто-голубыми ленточками.

Каждый мальчик получил по подарку.

Попробуйте после этого сказать, что Санта Клаусы с Дедами Морозами, – это вымысел, герои сказочных сюжетов, которых в реальной жизни не бывает.

Бывают. В бруклинских автобусах, по дороге в детский сад, если слушаться маму и, не капризничая, встать с постели рано утром.

Среди пассажиров кто-то восторженно зааплодировал, водитель громко прошептал в микрофон: «It's very nice, buddy!», – а мексиканская мама едва не расплакалась.

Автобус подъехал к нашей остановке.

Нам с Дедом Морозом пора было выходить.

Я вышел первым и направился к месту работы.

Дед Мороз шел сзади.

Я поднялся на крыльцо и достал ключ от входной двери.

У меня не было сомнений, что Дед Мороз идет следом за мной.

Вообще, это здорово было – подарить мальчикам подарки. Такой сказочный жест останется в их памяти на всю жизнь.

Это было замечательно.

Я повернулся, чтобы сказать об этом Деду Морозу.

И обомлел. Передо мной стояли деревянные сани с семью рогаатыми красавцами-оленьями в упряжке.

В санях сидел улыбающийся Дед Мороз и радостно махал мне рукой.

«Может, он действительно Санта Клаус? – подумал я. – Ведь рождественский экипаж, вожак оленей Рудольф – это в североамериканской традиции, а Дед Мороз со Снегурочкой приходят обычно сами, на своих двоих».

Вам долго это читать, но в моей голове весь сравнительный анализ промчался за один миг.

Вроде бы взрослый, умудренный опытом человек, а всё еще верит в Деда Мороза! Очнись, протри глаза, плюнь в асфальт и отойди, наконец, (дед-морозов-не-бывает) от елки.

В твоём-то возрасте!

Я внимательно всмотрелся, не протирая глаз.

Передо мной был борт экскурсионного автобуса. Автобус стоял за вереницей машин, ожидавших впереди «зеленого» на светофоре, и оказался как раз напротив входа в наше здание.

На борт автобуса была на всю длину наклеена гигантская цветная картинка с Сантой в оленьей упряжке. Она была настолько мастерски выполнена, что и сани, и олени, и возничий казались настоящими.

Упряжка медленно сдвинулась с места и покатила по дороге. Впереди, на перекрестке, включился «зеленый».

Я огляделся по сторонам – и нигде моего Деда Мороза не увидел. Скорее всего, пока я открывал входную дверь, а потом стоял, удивляясь чуду, он вошел в здание банка Chase, что в тридцати метрах от нашего здания, по соседству.

Еще раз я посмотрел вокруг.

Тот самый Дед Мороз из маршрутного автобуса исчез. И в то же время, он ехал, помахивая мне с борта автобуса, а олени уже пересекли перекресток.

Может быть, Деда Мороза действительно не было.

И, возможно, действительно его нет.

Метро. Юморист

Мужчина, видимо большой юморист, обращается к женщине, похоже, своей супруге, указывая на ее соседку по сидению.

– Смотри, – говорит он так громко, чтобы соседка услышала, – эта женщина приехала из Самарканда.

Тишина. Женщина делает вид, что не обращает внимания.

– У неё зубы золотые, я уверен. У вас золотые зубы?

Мужчина опытным взглядом Шерлока Холмса упёрся в женщину.

– Не из Самарканда. Я из Ташкента.

Из чего можно было сделать вывод, что, в отличие от Самарканда, в Ташкенте золотые зубы дантисты не ставили.

Автобус. Водитель 1

По утрам я добираюсь на работу бруклинским маршрутным автобусом №68. Поскольку в одно и то же, практически, время, то уже знаком с несколькими водителями, чье водительское расписание совпадает с моим, пассажирским.

Один из них – неприветливый, то есть никогда не здоровается и не улыбается, белый, благообразный мужик лет 40-50-ти. Он обычно останавливает автобус метра в десяти-пятнадцати от остановки, едва переехав перекресток, и потенциальным пассажирам приходится эти метры идти к автобусной двери.

Такое впечатление, что эта картина (бывает ведь и под дождем с ветром) вызывает у него искренне садистское наслаждение.

Сегодня опять попался этот замечательный водитель. В автобусе было мало народа. Я сел напротив водительской кабины и мог, таким образом, наблюдать, что водитель там делает и чем он занят.

Именно занят, поскольку «неприветливый» держал в левой руке помятый листок бумаги, в правой – ручку, и что-то в листок записывал.

Он подъезжал к очередной остановке, открывал переднюю и заднюю двери и, не замечая, что из автобуса уже все вышли, а в автобус давно вошли, продолжал сидеть несколько минут, вдумчиво поглядывая в боковое стекло и периодически внося какие-то значки во всё более измятый листок.

Это не ускоряло продвижение автобуса во времени. На одной из остановок он простоял минут пять, пропустив свой «зеленый» на светофоре.

У меня начало закрадываться подозрение.

Оно усиливалось от остановки к остановке. Водитель индифферентно посматривал на остановках в стекло, затем в полутрансе вносил свои каракули в листок, после чего закрывал двери и следовал далее.

Я встал с сидения перед моей остановкой, прошел вперед, к кабине водителя, и застыл вместе с автобусом на нашем «красном».

У меня была минута, не больше, увидеть и понять.

На лист бумаги неряшливым, корявым почерком были нанесены на английском языке два катрена, что для современной нерифмованной англоязычной поэзии явление не частое. Я не смог разобрать, была ли там рифма, но с первого взгляда было похоже на ритмический текст, с длинной строкой и четкой строфической. Какие-то слова были зачеркнуты, над ними – вписаны другие.

Передо мной сидел американский поэт в минуты вдохновения – и никакие прозаические силы вдоль автобусного маршрута не могли бы его остановить. Он был весь в поэтическом труде, раздраженно принимая во внимание, что между остановками ничего в листок вписать не удастся.

Это опасно для дорожного движения.

Я решил не спрашивать, поэтический ли это отрывок, над которым бьется водитель – мало ли, на расстоянии трудно было различить, но это могла быть и докладная начальству, которая со стороны выглядела двумя поэтическими четырехстрочниками.

Всё-таки, 1-2% такой вероятности исключать было нельзя.

Я вышел из автобуса. Оглянулся: поэт срочно вносил что-то в текст, не обращая внимания на раскрытые двери.

Мой приятель, позже прочитав этот текст, заметил, что в фильме Джима Джармуша «Патерсон», главный герой – водитель нью-джерсийского автобуса, по совместительству поэт, и пишет поэтические тексты на маршруте.

Я ничего об этом фильме не знал до встречи с реальным водителем-поэтом.

Возможно, когда-нибудь мне хватит решимости и, несмотря на его недоброжелательность, я поинтересуюсь, пишет ли он стихи?

Быть поэтом в Америке – дело частное, никакого пафоса в этом нет, и многие рассматривают такое увлечение как хобби, наряду с другими известными хобби, вроде коллекционирования бейсбольных карточек или старых комиксов.

Но поскольку это дело частное, то в частную жизнь лезть в США не принято. Так что, вопрос постороннему человеку, еще и обслуживающему вас на маршруте водителю: «Не поэт ли вы?» – связан с риском, и неизвестно еще, чем кончится.

Может потом запросто проехать мимо твоей конечной остановки.

Метро. Музыканты

К этому надо быть всегда готовым, даже в самом недолгом путешествии.

В любое время суток и года.

На улице, в подземных переходах, на станциях метро и в его вагонах нас ждут музыканты. Они тянут к нам свои смычки, рас­трубы духовых инструментов, грифы гитар, слава богу – не крышки роялей.

Они исполняют привычные хиты из классики, джаза или рока, и вы никуда от них не скроетесь. В данном месте, с этими попутчи­ками, в это время.

Впопыхах и мимоходом.

Мы должны быть готовы к тому, что среди них окажутся ода­ренные скрипачи, выдающиеся кларнетисты, виртуозные виолонче­листы – в случае, если невероятно повезет.

Один на тысячи музыкантов, раз в сотни лет.

Сейчас мне не повезло, и беда нашла меня в сабвэе, в вагоне, следовавшем в манхэттенский Мидтаун из Южного Бруклина.

Молодой человек играл «Oblivion» Астора Пьяццоллы.

Он уселся на невысоком раскладном стульчике, раскрыв перед собой черный футляр с фиолетовой внутренней отделкой. На ее фоне призывно выделялись беспорядочно набросанные долларовые бумажки.

И он играл на виолончели популярнейшее танго умершего поч­ти тридцать лет назад аргентинского композитора. Отчего компо­зитор должен бы извиваться и переворачиваться в гробу, как пой­манный каннибалами аргентинец, которого жарят на вертеле.

Не представляю, как там Пьяццолла, но я себя таким бледноли­цом в эти минуты ощущал. Лучше бы людоеды съели меня сырым, как японские сушими: виолончелист фальшивил и сбивался с темпа.

Он доказывал своей игрой, что не заученные в детстве гаммы и арпеджио приводят невинных слушателей к убийству исполните­лей; а за недостаточное в музыкальной школе внимание к этюд­ам Шредера, Доцауэра, Куммера, Вернера, Поппера, Ли надо запрещать в зрелом возрасте подходить к инструменту ближе, чем на двести шагов.

За такое вибрато и за такую работу смычком я готов был зво-

нить в полицию с требованием вывести из вагона разбушевавшегося садиста.

В чем я оказался не одинок: пара-тройка пассажиров обреченно оглядывалась по сторонам в поисках затычек, которые можно вставить в уши, а в нескольких метрах от меня симпатичный китаец, сжимая ручку синего виолончельного футляра до немоты в пальцах, едва не падал в обморок. Ему, лучшему выпускнику, допустим, нью-йоркской консерватории The Juilliard School, победителю конкурса Чайковского и, естественно, Международного конкурса имени королевы Елизаветы в Бельгии, было тяжелей некуда.

С его абсолютным слухом – хоть выходи из вагона в разбитое окно, не дожидаясь остановки поезда.

Да, я забыл сказать, что исполнитель периодически поправлял очки, сбиваясь с ритма. И забрасывал растопыренными пальцами модный чуб на макушку, поскольку волосы падали на глаза, мешая играть. В такие миги он забывал тональность и не сразу в нее попадал, возвращаясь к инструменту.

Ни удовольствия, ни катарсиса.

Эстетического наслаждения это никому не доставляло.

Как он представлял себе благодарность зрителей, выраженную в чаевых, при таком скверном владении виолончелью?

Фальшивя и поправляя очки, музыкант пропустил станцию. Он самозабвенно продолжал играть, пока зрители в вагоне закипали от возмущения.

Оставалось недоумевать, как пассажиры такое терпят и еще не забили музыканта ногами.

Крепкий парень, сидевший неподалеку от виолончели, по виду не боксер, но уж точно десятиборец, а они тоже бьют больно, готов был взорваться, сжимая перед грядущей потасовкой кулаки.

Атмосфера, как описывают репортеры скандальные ситуации в полицейской хронике, накалилась до предела.

Вспоминаю случай, один из немногих, когда уличный музыкант меня действительно порадовал, но это было давно, больше двадцати пяти лет назад.

Да, и не был он уличным музыкантом.

В Нью-Йорк, в начале 1990-х, приехал джазмен Аркадий, которого в Москве звали по отчеству – Петрович. Петрович играл на

тубе в группе «Три О», вместе с Аркадием Шилклопером, одним из немногих в мире, если не единственным, исполнявшим джаз на валторне. И с Сергеем Летовым, который освоил, по-моему, все духовые инструменты, а когда их запас, в смысле разнообразия, исчерпался, он отрезал от полых алюминиевых трубок в каркасе раскладушки куски разной длины, просверлил в них отверстия и произвел на свет флейты, свистульки, дудочки и сопилки неконвенциональных конструкций.

С Петровичем я познакомился в Москве зимой 1984 года.

В Студии музыкальной импровизации при Дворце культуры «Москворечье» должен был пройти джаз-концерт, на который меня пригласил Летов. При подходе к ДК, мы встретили бородатого крепыша, которого Летов представил как Петровича.

Петрович бодро тащил в матерчатом чехле тяжелую тубу. Она почти совпадала с его ростом.

Мы познакомились, пожали друг другу руки.

Петрович сделал несколько шагов, поскользнулся рядом с обледеневшей водосточной трубой, и, падая, сел на тубу всем своим весом. После чего выпалил с явным немецким акцентом: «Кайзер!»

В советские годы приобрести инструмент западного производства было невероятно сложно, и стоило это немало. Туба Петровича была не новой, зато фирмы Meister Franz Kaiser.

В убогом СССР – большой раритет.

Петрович раскрыл чехол: клапаны вдавились, конические и цилиндрические трубки были смяты, мундштук загнулся, по кривой отвернувшись от главной трубы. «Кайзер!» – растеряв весь словарь русского языка, по-немецки шептал Петрович с интервалом секунд в тридцать.

Сцена была трагической, реплики актера – безумны, и тем ужасны.

Так что натерпелся он от жизни всякого, закалился и был большим пофигистом.

В Нью-Йорке Петрович решил подработать уличным музыкантом.

Туба – это массивный медный духовой музыкальный инструмент, с самым низким звуком по регистру. Я где-то читал, что если ее распрямить, получится трубка длиной шесть метров.

Туба отлично звучит в симфоническом и джаз-оркестре, привычный инструмент во время парадов и похорон. Мне в голову не приходило, что туба может быть солирующим инструментом, вроде скрипки или, возьмем ближе, контрабаса.

Был конец апреля, дни стояли прозрачные и теплые.

Самое время для музыканта получить, в долларовом эквиваленте, по заслугам.

Петрович сообщил мне, что собирается в обеденный перерыв поиграть на углу Шестой авеню и 53 улицы на Манхэттене. Рядом с Музеем современного искусства (МоМА). Расчет был на то, что любители культуры не обойдут маэстро стороной, оценят его творческий потенциал, а также необычный для улицы, богатый и глубокий, звук тубы.

В то же время, клерки и работники многочисленных офисов подтянутся из близстоящих небоскребов.

Идея развлечь людей, себя показать и на этом заработать, казалась удачной.

В час дня я шел по Шестой авеню, спускаясь от 56-й улицы к 53-й. Примерно, за квартал уже были слышны басовые, сочные одиночные звуки: «Ба! Бу! Бу-бу! Бу! Ба-ба-бу!» Конечно, не Сен-Санс и не Дебюсси, хотя по напряжению и мощи совпадало если не с Вагнером, то с асфальтоукладчиком.

Я подошел к перекрестку. Никакого скопления обожателей, ноль внимающих с восторгом народных масс. Петрович дул в мундштук, тубу нельзя было издали заметить, но – ни одного человека поблизости.

Напротив: пешеходы перебежали на другую сторону улицы, а клерки, в огромном количестве освободившие небоскребы в обеденный час, группировались на периферии, подальше от авансены, заполненной Петровичем и сверкающим на солнце медным корпусом солирующего инструмента.

Я подошел к маэстро.

Перед ним стояла коробка, в которой не было ни цента. Чтобы подыграть, я небрежно бросил в ее картонную пустоту два доллара.

И тут подошел полицейский.

Не обращая на меня внимания, он поинтересовался, что Петрович делает на этом углу?

В те дни Петрович не очень уверенно говорил по-английски. Он ответил, что по профессии музыкант и ему нравится Америка. Что зовут его Аркадий, он приехал из далекой Москвы, а Россия и США – дружба.

Полицейский с интересом изучал лицо Петровича. Затем перешел на плотную фигуру музыканта: цветная безрукавка, шорты со ста карманами, на голых ногах – матерчатые топ-сайдеры, дальние родственники индейским мокасинам.

Это был нью-йоркский коп, повидавший на своем веку самых разных музыкантов. Хоть из далекой Антарктиды.

Он не попросил у Петровича автограф.

Он даже не поинтересовался, кто из легендарных джазменов оказал на него наибольшее влияние.

Он сказал Петровичу, что в полицию поступило несколько звонков из соседних домов с жалобами на шум. Он показал на опустевшую улицу и сообщил, что звуками тубы Петрович разогнал всех, кто обычно выходит на ланч, сидит с сэндвичами на парапетах вдоль тротуара или прогуливается от перекрестка до музея и обратно.

И если Петрович, пригрозил коп, не исчезнет в течение 30 секунд вместе со своим пылесосом, то на него наденут наручники.

Последнее я лаконично перевел Петровичу: «Надо валить. Срочно!»

Дважды повторять не пришлось.

У меня сложилось впечатление, что Петрович мог исчезнуть так мгновенно лишь в одном случае: если бы он одним движением засунул тубу в свой брючный карман.

Об этом весело вспоминать. И это не сотрется из памяти.

А что останется от вагонного исполнения танго Пьяццоллы?

Что еще, кроме раздражения?

Одуревший от бездарного исполнения, профи-китаец внезапно бросает воинственный клич и с невероятной скоростью раскрывает футляр.

Вынимает из него виолончель.

Он в волнении что-то выкрикивает по-китайски в сторону опостылевшего всем музыканта. Устанавливает между ногами инструмент, берет в правую руку смычок.

Сообщает громко, через весь вагон: «Смотри, как надо!» – и раздаются первые ноты танго «Oblivion».

И это было божественно.

Печальная, задумчивая мелодия. «Забвение» – так переводится шедевр Пьяцоллы, и слушатель забывает о себе.

Исчезает окружающее, нет ни прошлого, ни настоящего.

Какой же мастер был этот китаец!

Замедленный, словно при пробуждении, низкий голос виолончели наполнял вагон сабвэя, как некогда нектаром наполняли свои чаши греческие боги на пиру, расслабляясь между тостами.

Я прикрыл глаза, входя в тягучий заволаживающий ритм.

Боже, до чего отвратительным было предыдущее исполнение.

Как это можно было столько терпеть?!

Мне показалось, будто появился второй голос. Слабый, но уверенно взявший начальные ноты аргентинского танго.

Первый голос ушел вперед, он уже подходил ко второй части «Oblivion», однако услышав робкое, словно дальнее эхо, начало пьесы, вернулся и подхватил его – бережно, нащупывая схожую пластику с явившимися из забвения звуками, со своим неожиданным партнером.

В вагоне сабвэя играли две прекрасные виолончели.

Подняв веки, я обнаружил, что справа от меня сидел китаец, подпевая себе, как на известном видео виолончелист Стефан Хаузер при исполнении того же «Oblivion», а слева сабвэйный горе-музыкант вдохновенно, мастерски составлял с китайцем дуэт, ничуть ему не уступая.

Оба стереофонически, мощно звучали, подойдя ко второй части танго, к ее быстрой и экспрессивной теме. По контрасту с мелодией первой части, она не оставляла слушателям шансов оторваться от темпа, требующего полной отдачи, от мелодического рисунка, в который каждый сидевший в вагоне, без их на то согласия, оказался теперь вписан.

Играли два музыканта от бога, вдохновленных Музыкой, – и без этого струнного концерта теперь дышать было бы невозможно.

Согласитесь, они умело разыграли зрителей, устроив нечто вроде клоунады под известным девизом «музыканты шутят». Сказочная задумка, повторяя сюжет о бедном утенке, ставшем кра-

савцем-лебедем, сработала: по-моему, все облегченно, счастливо вздохнули, поняв, что «слабак-любитель» оказался высочайшим профессионалом – и в мире добавилось красоты, которая его спасет.

Это было незабываемое исполнение «Oblivion» виолончельным дуэтом. Трудно поверить, но здесь, в вагоне метро, на одном из переездов быстро мчавшегося поезда, мы стали свидетелями чуда, такого неземного, вышнего – за пределами зла и добра, за гранью реальности, ее рутины и тягомотины рабочего дня.

Поезд подходил к очередной станции.

Музыканты вложили инструменты в футляры, предварительно освободив их от брошенных щедрыми попутчиками долларов.

Двери вагона раскрылись.

Не дав музыкантам его покинуть, в вагон вошел великий композитор и исполнитель Астор Пьяццолла.

С привычной озабоченностью на лице. С аргентинским бандонеоном на широком ремне через плечо.

Что-то подобное случилось последний раз с Иисусом из Вифлеема: после смерти он явился двум путникам по дороге в Эммаус, и, поужинав с ними, исчез навсегда. До него был восставший из мертвых Лазарь из Вифании, но таких воскресших в мировой истории – раз-два и обчелся.

Пьяццолла торжественно поклонился выходящим из вагона музыкантам. Они в ответ кивнули так, словно были представлены друг другу раньше.

Пьяццолла сел на ближайшее от входа сидение.

Виолончелисты вышли. Двери вагона закрылись.

Пьяццолла поставил инструмент на колени. Бросил на пол зимнюю шапку перед собой. Привычно со значением оглядел присутствующих – и, склонив над бандонеоном голову, протяжно, чувственно начал свой «Oblivion».

Боже, сам Пьяццолла – для нас.

Первые ноты были сыграны потрясающе, знакомо, мастерски, но дальше последовали сбой темпа и примитивные непопадания по клавишам.

Я помню авторское исполнение на первом диске «Oblivion», в первой из четырех представленных в записи версий – A1 Oblivion

(Bandoneon Solista). Это было великолепно. Это навсегда осталось праздником.

Хотя, Пьяццоллу можно было понять: одно дело – запись, которая разойдется миллионными тиражами, здесь хорошо бы постараться; а другое – за 15-20 долларов наличными развлекать скупающих пассажиров вагона. С какой стати напрягаться и лезть из кожи вон.

Вероятно, Пьяццолла был прав. Тем более, коли ты – бывший покойник, и никто не гарантирует, что пребудешь на творческом взлете и в отличной форме.

Но стоит ли воскресать, чтобы так мазать по клавишам?

Я присмотрелся: на Пьяццолле были его фирменные усы, как положено.

Остальное, строго говоря, не соответствовало. Ни бакенбардов, ни острого взгляда мелких глаз, ни ямочки на подбородке. Напротив: оттопыренные уши, низкий лоб, лысый череп с пучком волос сверху и пятью сальными прядями поперек. Толстые гладко выбритые щеки.

Кроме усов, по остальным внешним признакам это не мог быть Пьяццолла. Правда, спустя 27 лет после смерти, мало ли как человек мог бы выглядеть?

Зорче приглядевшись, я распознал в его руках не бандонеон, а баян. Тот самый баян, на котором деревенские самоучки играют на российских свадьбах и на проводах покойника.

А когда «пьяццолла» перешел после «Oblivion» на «Очи черные», ситуация прояснилась окончательно.

Не «забвение» – «затмение» наступило после резкой смены двух виолончелистов на одного баяниста. Только в таком состоянии можно было принять за Пьяццоллу пятидесятишестилетнего Аркадия Рябчука, приехавшего в Нью-Йорк из Каменец-Подольска и в саввэе подрабатывавшего игрой на баяне известной фирмы Scandalli.

Аркадий, а мы с ним разговорились, недавно по слуху подобрал «Oblivion». Это танго принимают лучше всего, рассказывал Аркадий, на втором месте «Очи черные», потом «Дунайские волны» и «Прощание славянки». Еще неплохо идет «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам».

– Помню по музыкальной школе, – ответственно заявил Ряб-

чук, словно давая интервью популярному музыкальному журналу Billboard.

Через остановку Рябчук собрал из ушанки доллары с монетками в жменю, и попрощался со мной, извинившись, что дальше не поедет.

– Перейду на встречную ветку, – пояснил баянист. – Самое рабочее время.

Покидая вагон, он обернулся.

– Так как фамилия автора?

– Пьяццолла, – напомнил я. – Астор, с ударением на первый слог. Пьяццолла – на второй.

– Попробую запомнить, – Аркадий Рябчук махнул рукой и исчез на платформе среди бурлящего пассажиропотока.

Некоторое время спустя, я обнаружил, что, готовя статью для воскресного «Нью-Йорк Таймс» о музыкантах, проводящих часть жизни в сабвэе, журналист газеты взял интервью у одного «русского иммигранта», играющего на инструменте, похожем на бандонеон.

Музыкант рассказал, что в детстве обучился музыке, потому что полюбил «Oblivion» Астора Пьяццоллы и подобрал танго по слуху.

– Астор Пьяццолла изменил мою жизнь, – рассказал свою трогательную историю баянист в воскресной секции «Город» газеты «Нью-Йорк Таймс».

Всё-таки, запомнил имя и фамилию. Не с первого раза, но запомнил правильно.

Автобус. Двое пассажиров

Впереди меня в автобусе ехала пожилая женщина лет семидесяти. Она сидела в инвалидном кресле и, глядя в боковое окно, громко что-то рассказывала. Предложения были отрывистыми, между ними – небольшие паузы. Хотя говорила она по-русски, мне трудно было понять, о чем идет речь: какие-то оборванные фразы, словно к кому-то обращенные, короткие вопросы, рассчитанные на чьи-то уши, и неожиданные реплики, похожие, брошенные в никуда.

Мы давно уже не удивляемся, увидев говорящего с самим собой прохожего, или жестикулирующего в автомобиле одинокого водителя – в наше время ай-фонов, собеседники живут на небесах,

и всё общение легко уместается между запятой наушника и миниатюрной точкой микрофона.

Женщина с кем-то беседовала, и не мое было дело, о чем.

Собственно, я заинтересовался ею только после того, как сидящий через проход мужчина лет пятидесяти начал говорить, вроде сам с собой, по-английски.

Если присмотреться, выглядело это странно: женщина говорила по-русски, а в паузах мужчина отвечал ей на отличном английском хриплым, пропитым голосом. Вообще, смотрелся он, прости Господи: небрит был дня три, седая щетина переползала со щек к острому кадыку, который подергивался, когда мужчина поднимал ко рту коричневый бумажный пакет и отпивал оттуда. Точнее, отпивал из бутылки, которая пряталась в пакете.

Было полвосьмого утра, будний день. Вид ханьги описывать не имеет смысла. Он был из тех потасканных жизнью, опустившихся пропащих неудачников, которых в любой стране мира хоть отбавляй. Он периодически отхлебывал какую-то невыносимую бурду из пакета, морщился, громко кашлял и сипел от утреннего напряжения. Вытирал время от времени рукой губы, а руку – о синюю осеннюю плащевку, помятую и не чищенную годами.

Да, он отвечал женщине в инвалидной коляске. Поначалу я подумал, что друг напротив друга сидят двое сумасшедших со своими, наполненными событиями, переносными желтыми домами, но прислушавшись, понял, что стал свидетелем беседы. Женщина излагала свою историю, связанную со вчерашним и предстоящим походами к врачу, а спитой собеседник уверял ее, что всё не так плохо. И ей будет лучше, если она последует совету врача.

Вдруг он перешел с английского на русский. Он говорил с американским легким акцентом, но речь его, несмотря на ханьжский прокуренный голос, была ровной, правильной, литературной. Видимо, вырос он в Штатах, при этом родители всё сделали для того, чтобы русский язык он не забыл.

Он прохрипел: «Всё будет хорошо, ты поверь и не волнуйся».

– Ну, как же мне не волноваться, – ответила женщина, глядя в окно. – Всё-таки, какая-никакая, а операция.

– Ты не переживай, это ни к чему, – сказал он и отпил в очеред-

ной раз. Вытер ладонью мокрые губы и заросший седой щетиной подбородок. – Ты, мама, не порти нервы зря.

Это был ее сын.

Она что-то ему ответила, продолжая бессмысленный, в общем-то, разговор, но я уже не слышал, что она ответила, и что он ответил ей.

Они были мать и сын. Она не смотрела в его сторону, она продолжала говорить, глядя в окно, а он, вновь перейдя на английский, всё ближе подбирался ко дну бутылки – это было видно по всё круче закидываемому, почти вертикально, жилистому горлу.

Я подумал вот о чем: когда-то он был маленький, ее замечательный умный мальчик. Он рос, ее надежда и радость, она говорила дома с ним по-русски, заставляла переписывать в тетрадку из книжки русских сказок по страничке ежедневно.

Он рос, закончил школу.

Мы ведь покинули ту самую страну ради детей, чтобы им в Америке жилось лучше, свободней, чтобы в обществе многих возможностей они не упустили свой шанс. Не правда ли?

И вот он сидит утром в автобусе, через проход.

На нужной остановке он выкатит из автобуса ее инвалидную коляску и повезет к врачу. Он отвратительно пахнет и, начав пить с раннего утра, нередко путает русский с английским, хотя на обоих языках говорит прекрасно, а по-русски – с едва уловимым акцентом. Возможно, он еще и наркоша. Эта беда в таких судьбах, как у него, обычно ходит с алкоголизмом рядом.

Женщина продолжает рассказывать о своих тревогах по поводу предстоящей операции. Она делится с сыном своими страхами, поскольку с кем еще поделиться.

И она никогда не говорит ему о самой главной своей тревоге, о самой ужасающей своей беде. Никогда, ни слова.

Она смотрит в широкое автобусное окно. Оглядываться ей для этого не надо: она знает, что сын всё мельче делает глоток за глотком, а, значит, бухло в бутылке заканчивается.

И скоро им выходить.

Еще три-четыре осталось автобусных остановки.

Метро. Мексиканцы

За тридцать лет жизни в Нью-Йорке я могу вспомнить несколько блэкаутов.

В 2003 году я жил на Манхэттене. Раскаленным, душным днем 14 августа не стало электричества во всех пяти городских районах. Во всей, как потом оказалось, северо-восточной и центральной частях США и в Канаде.

Как затем энергетики объяснили миру, в далеком Кливленде замкнуло провода электросети, выключилась местная электростанция, что привело к веерному отключению еще более ста станций в разных регионах по стране.

В результате, около 40 миллионов американцев плюс 10 миллионов канадцев остались без света.

Рассказывают, что в подобной же ситуации в июле 1977 года Нью-Йорк начали разворовывать банды мародеров, преступники бросились убивать, насиловать, грабить, и в течение дня-двух город был отдан на растерзание бандитам и хулиганам, при этом полиция мало что могла сделать.

В 2003 году не наблюдалось ничего подобного. Никто не стрелял, не бил стекла машин и магазинов. Напротив, из мелких лавочек миролюбивые владельцы выносили бутылки с водой и раздавали их желающим бесплатно. В гастрономах всё, что лежало в холодильниках, продавали за центы, а из скоропортящегося на прилавках – отдавали даром.

Кондиционеры отдыхали, лифты не работали. На двадцатый этаж к себе домой я поднимался по лестнице. И вечером наблюдал редкое неприродное явление: Эмпайр-стейт-билдинг, всегда нарядно подсвеченный, мрачно возвышался своим легендарным шпилем среди других каменных глыб манхэттенских небоскребов, в которых не горели окна.

Зрелище впечатляло.

Во время урагана Сэнди в 2012 году Эмпайр также не был освещен, электричества не было во многих городских районах, но тогда я жил уже в Нью-Джерси, через реку Гудзон от Манхэттена. Ночью из беспросветной тьмы лишенных света нью-джерсийских городков, черный силуэт Манхэттена смотрелся, как покинутый пассажирами и командой гигантский круизный лайнер.

Вообще-то, жуть.

Короче, я был готов к тому, что силы зла внезапно могут вырубить электричество и силам добра предстоит маяться часами в потемках. Но когда в саввэе потух свет и вагон с лязгающим визгом стал тормозить, раскидывая пассажиров по сидениям и углам – это меня застало врасплох.

Где-то продолжался ничего плохого не предвещавший январский день 2019 года.

Секунд через тридцать ужасающего скрежета и серебристо-голубых искр, снаружи осветивших окна вагона, поезд застыл памятником самому себе в обесточенной кишке туннеля.

Извне не доносилось ни звука. Если не считать нескольких охающих пассажиров, то и внутри вагона народ безмолвствовал.

Кто-то произнес негромко: «Shit», – заполняя паузу.

Замолчал, но пауза осталась.

Первое впечатление – присутствующие оказались в братской могиле, либо в грандиозном гробу, выход из которого в упор, что называется, не виден.

Исчезла сотовая связь. Пассажиры, похоже, впали в такой глубокий шок, что никому в голову не приходило осветить крошечный мрак фонариком, работающим в мобильнике от батареек.

Приглушенно-розовый аварийный светильник горел в глубине вагона. Глаз постепенно привыкал к окружающему безразличию и стал обнаруживать контуры соседей.

Кое-кто перешептывался друг с другом, изредка раздавались невнятные шорохи и легкие поскрипывания, но в основном все молчали. От машиниста никаких объяснений не поступало: селекторная связь, как и все остальное, не работала.

Если одним пафосным предложением, то установилась давящая тишина в разверзшейся со всех сторон непроглядной бездне.

Никто по чужим карманам, похоже, не шарил и к посторонним не приставал. Может, для ада такое этикетное поведение единственно возможно, поскольку куда уже хуже.

Я представил, что попал внутрь известного захоронения терракотовой китайской армии. Восемь тысяч, в полтора человеческих роста, терракотовых воинов окружили меня в пешем строю. Часть воинов неподвижно сидели на высоченных терракотовых лошадях.

Мавзолей императора Цинь Шихуанди в Сиане переместился под землю на Манхэттене. Таким образом, император добился, чего хотел, а именно – после смерти в потустороннем мире его сопровождает армия.

В нью-йоркской, в нашем случае, подземке, где давно привыкли к странностям и чудесам, глиняные пассажиры вряд ли вызовут удивление.

После чего я подумал, что будь вокруг мумии, это могло бы ушедших под землю ньюйоркцев заинтересовать. Если (помните страшилку из детства?) «в черном черном городе, в черном черном доме, в черной черной квартире, в черной черной комнате, черный черный человек...» – черного человека поменять на черную мумию, а интерьер черного дома – на антураж черного сабвэя, то это действительно будет страшно.

Ассоциация с мумиями оказалась неприятной. Я сам не понимал, зачем развиваю такой сюжет, будучи узником подземелья.

Всё это пронеслось мгновенно, вроде мыслей о былом – словно перед тем, как увидеть тот самый свет в конце туннеля.

Так же, как свет мгновенно потух, так он мгновенно и вспыхнул.

Внутри вагона что-то ухнуло, ожило стуком мотора, заставило задрожать черный пол.

Свет горел. Свет освещал.

Свет – да был!

Неподалеку от меня, на сидениях, обращенных парами друг к другу, сидели четверо мексиканцев.

Компактные, квадратные, с плоскими лицами.

Их джинсы были заляпаны краской, их грубые ботинки – покрыты многолетней пылью. Похоже, это были строители, из тех, кого нанимают на подсобные работы за наличные.

Свет торжественно освещал вагон, который, дернувшись так, как обычно разминают, засидевшись, ноги, резко сорвался с места и двинул вперед.

Мексиканцы вынули из своих рюкзачков каждый по бутылке. Какой-то бурды со смазанной этикеткой, в небольшой стеклотаре грамм по двести.

Они свернули с резьбы жестяные пробки и, подняв бутыл-

ки, чокнулись. Один, видать, бригадир, произнес что-то вроде «за жизнь!», и они понесли горлышки к раскрытым ртам.

Их лица светились радостью, глаза наполнились слезами счастья.

Они вряд ли попадали в своей нынешней жизни в блэкаут, но – дети древней цивилизации, знавшей взлеты и падения, ристалища и капища, мавзолеи ацтеков и некрополи майя – они понимали, что такое умереть и что значит после этого воскреснуть.

Они побывали в царстве мертвых. Чего и представить не могли, когда какое-то время назад пересекали американскую границу.

Они всегда верили в то, что молитвы выведут их из царства, коли угораздит в него попасть, а великие предки вернут их к жизни.

Они вернулись, воскресли в этот ничем не примечательный рабочий день едва наступившего 2019 года.

И за это надо было немедленно выпить, несмотря на всех окружающих гринго, которых заодно они также вернули из девяти кругов Миктлана. Или Шибалбы, если иметь дело с потомками майя.

В любом случае, древняя цивилизация.

Опыт тысячелетий и проверенная веками мифология.

Испытанная на прочность, устоявшаяся культура общения с живым миром и мертвым.

И, естественно, древняя алкоголическая культура. Само собой. Brindemos por eso. Salud!

Автобус. Водитель 2

Сегодня утром, выйдя на перекресток к остановке, я увидел подъезжающий автобус, до которого было от того места, где я находился, как до созвездия Альфа Центавры. Хорошо, могу ошибаться: как до Кассиопеи. Что гораздо ближе, но вряд ли поможет.

Дело в том, что мне еще предстояло перейти через дорогу к автобусу. «Зеленый» едва зажегся и застоявшиеся перед светофором машины нервными табунами рванули навстречу друг другу.

Перейти дорогу было бы самоубийством.

Автобус урчал напротив и готовился отвалить от остановки. Шансов у меня не было никаких.

Я безнадежно помахал водителю рукой, то есть это был такой жест отчаяния, который ни меня, ни транспортный поток, ни бру-

клинского водилу с его размытыми представлениями о расстояниях до прекрасных галактик ни к чему не обязывал.

То, что произошло дальше, я могу объяснить исключительно феноменальным влиянием поэзии на наш земной быт.

Итак, автобус выворачивает от тротуара на вторую полосу. Черт водителя я пока не вижу, но догадываюсь, что он наблюдает за мной, хотя еще не уверен, готов ли меня подобрать.

И внезапно, отъехав от остановки, он жмет на педаль тормоза.

Иными словами, вопрос о том, есть ли провидение, иные миры с их воздействием на нашу Ойкумену, в конце концов – где он, недоступный звону злата божий суд, который все мысли и дела знает наперед? – этот вопрос отпал сам собой.

Всё это однозначно есть, и я рекомендую обратить внимание на то, как развивались события дальше.

Водитель остановился под тупым углом ко второй дорожной полосе так, что его стали сзади объезжать машины. И принялся меня ждать.

Это в Бруклине, в половине восьмого утра в понедельник!

К этому моменту транспортный поток иссяк, так что перебежать дорогу оказалось делом техники. Возможно, от изумления метров тридцать дорожного покрытия я одолел одним грациозным прыжком, но поскольку никто этого не зафиксировал, настаивать на рекордном результате не буду.

Я вошел в салон автобуса – и обомлел. В кресле водителя сидел тот самый американский поэт, о котором я уже писал.

Я писал о том, что мужчина он недружелюбный, манеры хамские, никогда с пассажирами не здоровается, но я как-то поймал его на том, что он вводил на остановках в измятый клочок бумаги поэтические строфы.

Там даже было два катрена, с характерными для черновиков зачеркиваниями и расстановкой слов поверх строки.

Именно этот потрясающий воображение водитель минуту назад ждал, пока я, рядовой пассажир, доберусь через дорогу до автобуса. Хотя он мог бы этого не делать, уже от остановки отъехав.

Понятно, поэт не догадывался, что мне известно о его вдохновениях, накатывающих во время перерывов в движении. И, безус-

ловно, он ничего не знал обо мне и моих вдохновениях, которые, бывает, посещают меня и в автобусах.

Но я-то был в курсе, что мы – коллеги по поэтическому цеху, и такой вот поэтический жест водителя-поэта дорогого стоил.

Это у русских поэтов, по известному стихотворению, при встречах возникают всякие неприятности с рукоприкладством, а у американских, выходит – приятное уважение, искренняя забота и чувство интуиции даже в тех случаях, когда визави не догадывается о том, что имеет дело с одним из пишущих.

Человеческий пример для подражания. Не какое-нибудь там «есть одиночество среди уединенья», а гимн поэтическому братству, триумф поэзии без границ.

Интересно было бы узнать, что этот поэт-водитель сочиняет? Уже второй раз себе обещаю у него поинтересоваться, но и на этот раз постеснялся.

Хотя, обещанного три раза ждут.

Метро. Под землей – подземка

Цыцков спускался по эскалатору. Цыцков умирал спать и сразу обмер на ступеньке, освободив зрение. Спать хотелось всегда после двенадцати ночи.

Когда ноги споткнулись о беломраморный пол сказочно обновленной станции сабвэя Fulton Street, Цыцков открыл глаза. Станция была характерно безлюдна для половины первого ночи. И никого не было вокруг вообще.

Только Цыцков хотел повернуть вправо, следуя строго указаниям подвесной таблички, как в противоположном глухом конце зала вспучило мраморный пол и сквозь проявившиеся трещины к потолку подался фиолетовый цветок в мелких листиках при тонком длинном стебле. Цветок стремительно развивался от корней наружу: на бледных лепестках всё ярче поблескивали алые крапинки, сами лепестки выгибались от центра острыми кончиками – и то ли тычинки, то ли пестики образовывались перед Цыцковым в недолгий период бутонного раскрытия. Лепестки, породнившись с дугами воздуха, медленно опадали, но тут же, невесомые, подымались к белоснежному потолку и ударялись об него в прах, исчезая, видимо, сквозь штукатурку к звездам.

Цыцкову почти расхотелось спать, когда с облысевшей головки цветка попрыгали пестики и тычинки, уже в падении обращаясь в многонациональный люд, разодетый кто во что горазд. Как десант многотысячной дивизии, на мраморный пол опускались озабоченные женщины и мужчины, старики и дети с тяжелыми лицами погруженных в собственный мир идей сограждан.

В единицу мгновения станция забила толпами человеческих тел. Тела сталкивались, сплетались, зацепляли друг друга кронштейноподобными руками и вворачивались в прозрачный воздух, оторванные безудержным потоком от притяжения пола. Лишь Цыцков стоял неколебим, как астроном среди периферийного прочего вращения звездных масс.

Тело Цыцкова встречало пинки и тычки, удары в спину и ниже пояса, в то время как душа немела от страха быть стертой в порошок меж жерновами-соплеменниками.

– Ave, Caesar! – не сгибалось тело.

– Гори оно огнем! – трепетала душа.

Толпа поглотила станцию. Тысячи народа покидали цветок, а последний всё решительней восходил к потолку и все меньшим богатством кислорода распоряжался воздушный объем, впитывая кубометры выдыхаемого углекислого газа.

Цветок развивался, насыщаясь газовой взвесью. Некто в кепке стал Цыцкову на ногу, не собираясь ноги покидать.

– Мистер! – возмутился Цыцков.

– Да?! – ответил мистер, разворачивая лицо всем пытливым его выражением сразу. Цыцков онемел: перед Цыцковым стоял несомненный Цыцков со всем, положенным двойнику жизнеподобием.

– Йес, йес!? – закричал двойник, в свою очередь подразумевая в Цыцкове свое отражение, при этом мелко зашмыгал определенно Цыцковским носом, делая тревожные глаза и выбрасывая вверх слабую руку.

С криками «yes, yes!» двойник-Цыцков вошел спиной в густую толпу, и спины остальных метропассажиров тут же сомкнулись за куриной его грудью.

Не успел Цыцков сообразить, как же всё это так, как в очередную секунду пространства вошла женщина лет пятидесяти с явно выраженными чертами Цыцковского лица и спросила знако-

мым мужским голосомб как ей коротким маршрутом добраться до Квинса.

В такой оранжировке Цыцков себя представить ни разу еще не решался. Самое неприятное, что как женщина Цыцков не имел шансов на успех у Цыцкова-мужчины: бородавка, которую тщательно обходил Цыцков «безопаской» в торопливые утренние шесть минут, явно не лишавшая лица привлекательности, в женском варианте Цыцкова делала то же самое лицо непереносимым, а тонкие усики, вызывавшие у понимающих дамочек усиленный теплообмен, на гражданке Цыцковой смотрелись вызывающе.

– Ужас! – заорал Цыцков, оттолкнувшись обеими руками от неприятно-мягкой груди Цыцкова, и с криками «ужас, ужас!» спиной вперед бросился в коловращение толпы, стараясь взглядом обнаружить хоть что-нибудь, успокоившее бы взгляд. В противном случае катастрофически возрастала вероятность сойти с ума.

И было от чего. Вокруг Цыцкова перемещались тысячи людских единиц, отдавливая ноги, тысячи раз сливаясь друг с другом, словно слагаемые единой мозаики. И все эти сплюсненные и раздутые, высокие и китайцы, здоровые психически и обезумевшие от давки – все эти имели лицо Цыцкова как формой, так и содержанием. Цыцков мог наблюдать себя в единственном (столкнувшись нос к носу) и во множественном числе.

По платформе метался Цыцков в разные годы одиночества, Цыцков обоего пола и многих профессий, обезумевший от свидания с самим собой и прозревший собственно себя в бесконечных своих вариантах и собраниях.

Свершилось! Разверзлись плиты магнитные, вышел цветок, как ответ на многолетний тоскливый вопрос Цыцкова «а как же я, Господи?» – и была дарована радость освобождения от одиночества, даровано было счастье от потери заброшенности, когда имя твое – только тебе одному и никакое время фактом этим не заинтересуется.

Глас был услышан: пустыня родила цветок.

«Теперь освобожден ты от веса одиночества, Цыцков? – Да! Я познал бесконечность одиночества», – не своими мыслями переживал Цыцков, а течение стремительное народа выводило тысячи цыцковых к основному потоку железнодорожных путей.

Цыцков очутился на краю платформы. В полутораметровой глубине под ним поблескивали змеиные рельсы, и всем телом Цыцков сопротивлялся давлению многочленного пресса, который с тупым тщанием подталкивал Цыцкова в спину.

Раздался предупреждающий гудок.

Мрак туннеля пророс сквозь плотную глубину живым расширяющимся светом. Пока голова состава вползала вовнутрь станции, впадины между шпалами проросли пшеницей, репейником, крапивой, кустами ореха и бузины, степным ковылем и флажками мака. Подминая туловищем бессмысленную флору, вагоны выталкивали друг друга на волшебной прекрасной станции метрополитена Fulton Street. В лобовом стекле первого вагона, на бледном тонком стебле подрагивала табличка с надписью «Сьерра-Невада – везде».

На лицо машиниста было надето не по размеру тонкое лицо Цыцкова, отчего кожа на щеках лопнула и собралась у губ в застывшую многоярусную улыбку. Цыцков успел доверчиво улыбнуться в ответ.

Автобус. Сумасшедший

То, что бруклинский автобус посетил очередной городской сумасшедший, было видно сразу.

Высокий худой пассажир неопределенного возраста, небритый и невыспавшийся, заплатил метро-картой за проезд и, шевеля руками, губами, плечами, направился вглубь салона. Короткая демисезонная куртка топорщилась на нем, годами не чищенная; затянутые в массивные черные ботсы штаны цвета хаки пузырились на коленях и трагикомически провисали сзади.

Он цепко охватил ладонью вертикальную стойку, продолжая негромко смеяться.

В автобусе было полно народа. Раннее утро, рабочий день.

Дядя иногда переходил на заливистый смех, после чего возвращался к своему монотонному «гы-гы-гы гы-гы» – и было понятно, что ему есть, чем скрасить одиночество в любой обстановке.

Я представляю, он импровизировал на тему о том, как на Финляндском вокзале Ленин взбирается на броневичок и обращается к революционному народу: «Товагищи, габочие и гкестьяне, – выкрикивает Ленин в толпу, специально подбирая слова со звуком

«р», чтобы выходило смешнее, – богатя и сестгы! Геволуция, о которой...», – и так далее. Просто с ума можно сойти от смеха. Или запорожцы пишут письмо турецкому султану: «Слышишь, султан, – сочиняют запорожцы, а художник Илья Репин пишет за ними, повторяя слово в слово, – мы тебе, султан, глаз на ж@пу натянем и порвем ее на фашистские знаки!» – пишут запорожцы.

Ржать над этим в автобусе можно до слез.

А, к примеру, я – Иоганн Петер Эккерман, и записываю разговоры с Гете в его последние годы жизни. И я записываю, допустим, такое: «Знаешь ли, Иоганн Вольфганг фон, – что само по себе уже смешно, – ты редкий идиот, – записываю я, Эккерман, хихикая себе под нос, – ты прыщ на теле мировой поэзии, – умираю я со смеху, представляя в маршрутном автобусе такую эккермановскую запись, – да ты, Гете, философичный олух царя небесного». И заливаюсь в общественном транспорте от неожиданной радости.

Это всё равно, как если бы в переписке с убийцей собственного сына и узурпатором Иваном Грозным, его эпистолярный визави князь Андрей Курбский настрочил бы: «Ведь ты, Иван IV Васильевич, отпетый придурок и ипохондрик ходячий!» Так бы и написал, а в автобусе на эту тему можно было бы от души посмеяться.

В таком, или другом каком потешном духе веселил себя сумасшедший дядя, когда место рядом с ним освободилось, юный отличник иешивы в кипе поднялся с сиденья и дядя сел на его место.

Он тут же достал из грязного рюкзака, висевшего за спиной, шахматную доску, раскрыл ее на коленях и замер над разгадкой трудного шахматного этюда.

Точно в такой последовательности: достал, раскрыл и замер. Не расставляя на доске шахматные фигуры, которые к ней, по случаю, не прилагались.

Сидел, мучительно уставившись в пустую шахматную доску. Не отвлекаясь.

В глубокой гроссмейстерской изоляции.

Даже смеяться бросил.

На следующей остановке двери автобуса раскрылись и, среди прочих, в салон вошла юная особа того самого возраста, когда официально спиртное в Нью-Йорке еще нельзя, а все остальное можно.

Она держала два доллара двумя купюрами и 75 центов тремя американскими квотерами.

Девушка обратилась к попутчикам с просьбой разменять доллары на мелочь.

Водитель дал ей возможность пройти в салон и закрыл за ней двери.

В бруклинских автобусах всего два способа оплаты проезда (он стоит \$2.75): либо метро-картой, которая покупается в соответствующих автоматах на станциях сабвэя; либо наличными, но не денежными банкнотами, а монетами любого номинала. Кассовый аппарат, находящийся рядом с креслом водителя, иначе не принимает.

Я нашел в карманах квотер, несколько никелей и даймов. Всё, что было. Сердобольная старушка, чернокожая и с огромными золотыми круглыми серьгами, вытащила из кошелька какую-то мелочь; стоявший рядом с ней парень-азиат добавил пару квотеров и с десятков центов. Индус, оказавшийся к девушке спиной, бодро развернулся и протянул центов двадцать разными монетами.

Остальные, рядом сидевшие и стоявшие, просьбу девушки игнорировали.

Собранного не хватало до необходимой суммы в два доллара мелочью.

Ситуация становилась критической. Автобус неумолимо приближался к следующей остановке. Если девушка не наберет искомых \$2.75, разменяв сейчас же два доллара, то будет вынуждена покинуть транспорт, поскольку не в состоянии расплатиться за проезд. Абсурд, конечно: деньги у нее есть, но оплатить проезд она не может.

Неожиданно сумасшедший вынырнул из своей задумчивости, отвел голову от шахматной доски и, покопавшись во внутреннем кармане куртки, вытащил метро-карту.

– Вот, возьми.

Мне этот простой ход не пришел в голову: не собирать по сусекам два доллара мелочью, а одолжить девушке метро-карту.

Проще простого.

Девушка схватила метро-карту и протянула дяде два бумажных доллара и семьдесят пять центов.

– Это пустяки, – отклонив руку с деньгами, твердо сказал сумасшедший. – Не о чем говорить!

Спасенная удивленно подняла брови, но спорить не стала. Пробыла в кассовом аппарате карту, вернула ее дяде.

– Так возьми у водителя трансфер, – резонно посоветовал гротесмейстер.

Он меня уже пугал своими рассудочными, верными заявлениями, и слегка командным тоном.

Трансфер берут те, кто заплатил за проезд не метро-картой, а деньгами, и в дальнейшем рассчитывают пересесть на автобус другого маршрута. С трансфером, то есть с разовой картой, им не надо будет платить еще раз.

Девушка вернулась с белой прямоугольной картонкой и протянула ее доброму сумасшедшему. Похоже, она была не в курсе всех этих метро-карт, трансферов и возможности не платить в случае пересадки.

– Это тебе, – сказал дядя, возвращаясь к шахматной задаче. – Мне не нужно, у меня метро-карта есть.

Короче, вариант библейской притчи о добром самаритянине.

Я всматривался в его черты, осознавая, что ничего в нем не понимаю. Что в нем есть Бог и мне перед ним, то есть дядей, да и Богом, неудобно.

Вероятно, такого и называют «божьем человеком», а я, навесив на него всяких дурацких воображаемых историй, оскорбил его и унизил, тем самым унизив и оскорбив себя.

Одним словом, достоевщина.

Мне захотелось как-то сгладить свою вину, которой, вероятно, и не было, хотя, по моим ощущениям, она все-таки была.

Я подошел к дяде, взял двумя пальцами пешку с пустой доски и переставил ее с Е2 на Е4. Пусть у меня будут белые фигуры, и я начинаю первым.

Дядя поднял на меня благодарный взгляд.

Притормозил его над моей головой, словно обнаружил там любопытный вариант контргамбита Нимцовича, и по-детски, безмятежно улыбнулся, показав редкие желтые зубы.

Затем обеими руками крепко прижал уши к голове.

Сосредоточился. Окинул взглядом шахматную доску.

Он смотрел на нее, не отрываясь, и плавно передвигал одну руку вниз. После чего оперся подбородком на кулак правой руки, напоминая мыслителя в известной скульптуре Родена.

Мыслитель пошел пешкой e7-e5.

И продолжил подозрительно следить за пустой доской.

Я решил разыграть дебют хорошо знакомой мне «испанской партии».

На мой ход конем Kg1-f3, мыслитель, после недолгой паузы, хрестоматийно ответил ходом черного коня Kb8-c6.

Мы оба понимали, что у меня нет другого выхода, кроме как пойти слоном Cf1-b5, после чего для обоих игроков открывались самые разные перспективы.

Мне привиделось, соперник решился ходом коня Kc6-d4 на защиту Берда, когда чёрные идут на сдвоение пешек по линии d. Хотя, рука дяди тряслась от волнения, и его ответом могло быть продвижение пешки f7-f5 из гамбита Яниша, либо ход пешкой d7-d6, тем самым разыгрывая защиту Стейница.

Эта защита надежная, но пассивная.

Правда, я больше всего опасался, что мы уйдем в Берлинский эндшпиль, который до конца не помнил.

Человек предполагает, а Бог располагает.

Дядя предпринял, мне показалось, ход слоном Cf8-b4, очевидно, задумав часто применяемый вариант Алапина – это продолжение не ставит белым больших проблем в развитии инициативы.

После чего дядя посмотрел на меня безумными от счастья глазами и объявил мат. На четвертом ходу, едва начав партию.

То есть, вы поймите: мы только начали разыгрывать дебют, а этот сумасшедший уже объявил мне шах и мат.

Он ударил в возбуждении кулаком по пустой доске и торжественно прокричал на весь автобус checkmate, что означало полное мое поражение.

Бред собачий!

В мои намерения изначально входило по-человечески его поддержать, посочувствовать, доставить минуты радости, разделить его одиночество среди окружающих, в массе своей безразличных к нему людей. Как-то показать, что есть те, кто оценил его бескорыстную помощь девушке с двумя долларами по одной купюре каждая,

кто видит его добрую душу, кто готов показать ему, что в жизни не все так скверно, плохо, беспросветно, неуютно. Неуютно в давно нестиранной одежде, зимним морозным утром, в автобусе, в котором едешь непонятно куда, к кому и зачем.

И на все это он ставит мне мат самым возмутительным образом, еще и радуясь своей наглости, своему хамству, своей дьявольской хитрости.

– Спасибо за все хорошее! – только и смог я произнести.

Разочарованно повернулся к нему спиной.

Вышел через заднюю дверь автобуса, который, к счастью, остановился в это время на остановке.

Зачем мне все это было нужно? Какого черта я влез в это дерьмо, вместо благодарности получив оплеухи сразу по обеим щекам! В конце концов, кто он такой, этот дядя в автобусе, чтобы тратить на него время и, в итоге, так расстраиваться.

Я проклинал все на свете, настроение было испорчено.

Забить, плюнуть и растереть. Послать куда подальше, будто ни дяди не было, ни этой глупой шахматной партии.

Ничего такого будто не было в помине.

Хотя, если в конце рассказа, сейчас вы поинтересуетесь: «А были сумасшедший?» – я всё сделаю для того, чтобы уйти от ответа.

Метро. Запахи

Стою в проходе вагона сабвэя.

Смотрю в нескончаемую стену туннеля.

Скучаю.

Мимо проскальзывает девушка, усаживается на сидение неподалеку от меня: стойкий запах цветочных духов, в мочке уха – круглое миниатюрное зеркальце, в другом ухе – подвеска в форме сердечка, в носу между элегантными ноздрями – крошечный кулон, лак на ногтях отвечает модным тенденциям нейл-арта, по лицу – уверенными мазками, штрихами и лессировкой косметика вдоль и поперек (светло-красная помада, тени и карандаш для век, тушь для ресниц, румяна, консилеры, пудра и тональные основы).

Впечатление такое, будто раскрыл дамскую сумочку.

Транспорт. Над метро и по соседству с автобусами

Интересно, как бы вы поступили на моем месте?

Еду на своем Nissan «Murano» сегодня ранним утром по Вестсайд-хайвею. Транспорта почти нет, солнце светит, небо голубое. Манхэттен еще толком не проснулся.

Останавливаюсь на «красном». Передо мной всего одна машина, справа и слева еще несколько.

Стою на красном на 23-й улице и от нечего делать пялюсь в автосалон той, которая впереди.

Там никого, кроме водителя.

Водитель, судя по слабому отражению в зеркале заднего вида и по боковому левому, парень лет до тридцати. Смуглый, с небольшой бородой.

И вот он, стоя передо мной на красном, достает светло-серую маску, из плотной ткани или трикотажа. Из тех, которые с прорезью. Их надевают грабители перед тем, как по-голливудски войти в вестибюль банка.

Он натягивает маску на лицо. Смотрит спокойно в зеркало, разглаживает ткань. Выверенным движением попадает серединой прорези на переносицу.

Я все это вижу. Теперь я могу наблюдать белое, мертвенное лицо водителя-манекена.

А поверх прорези в маске, манекен надевает черные блестящие очки.

И мы оба замираем, каждый в своей машине.

О его намерениях можно только догадываться, хотя догадки эти – не из мира прекрасного. Первое, что мне приходит в голову: рядом с водителем, на переднем сидении, лежит печально известная полуавтоматическая винтовка AR-15. Он выходит с ней из машины, расстреливает всех, сидящих в попутных машинах, то есть меня и соседей справа и слева. После чего садится в свою темно-синюю «тойоту» и нагоняет машины на следующем светофоре.

И там расстреливает всех, кто в это замечательное майское утро выехал из дома пораньше.

И так далее, пока его не убьют полицейские где-нибудь в районе Граунд-зиро, выставив заслон из полицейских машин поперек дороги.

Есть, безусловно, вариант, что он не будет расстреливать нас на месте, а его цель – свернуть с хайвея налево, въехать в город и начать давить людей на тротуарах. Однако, в такое раннее время пешеходов на тротуарах на Вест-сайте почти нет.

Конечно, он может свернуть налево и направить машину прямо к банку – банков на Манхэттене сколько угодно, грабь – не хочу! Но, опять-таки, в семь утра все банки, сколько бы их на Манхэттене ни было, закрыты.

Значит, остается первый ужасающий сценарий.

И пока всё еще горит «красный», надо что-то срочно предпринимать. Успеть до того, как он выйдет в маске из машины и направит на меня полуавтомат.

То есть, надо действовать на опережение: выскочить на трассу, резко открыть его водительскую дверь, выволочь «манекен» на дорогу, сбить с ног, навалиться, сдавить так, чтобы он не мог шевельнуться, пока водители из соседних машин не придут на помощь.

С другой стороны, а если это какой-нибудь дебиловатый клоун, это такой его клоунский костюм и он заранее подготовился, поскольку спешит на детский утренник? Такой себе утренник для нынешних дошкольников, которых после фильмов ужасов уже ничем не проймешь.

И – если это клоун – то не столько я буду скручивать преступника в бараний рог, сколько меня скрутят прибывшие по звонку полицейские, и мало мне потом, возможно, на несколько лет вперед, не покажется.

Только какой может быть детский утренник в семь утра в среду? И никакого взрослого корпоратива, при участии ряженных банкетов и проституток, также быть не может.

В семь утра.

Значит, всё-таки... Надо резко открыть дверь и нестись к «той-оте», которая всё еще стоит на «красном». Действовать решительно, отчаянно, борясь за жизнь, которая может закончиться еще до того, как загорится на светофоре «зеленый».

Звонить в полицию сейчас, в эти секунды? Как они успеют мне помочь? А выскочить из машины и бежать поперек хайвея куда подальше – не имеет смысла. Если «манекен» сейчас выйдет с по-

луавтоматической AR-17 наперевес, то прошьет мою спину сверху донизу.

Добежать до ближайшего здания и скрыться за его углом я не успеваю.

Так безысходность рождает героев.

Или всё-таки, позвонить 911, ничего не предпринимая и надеясь на лучшее?

Как бы вы поступили на моем месте?

До автобусов. В фиакрах

Оноре де Бальзак писал Ганской, что вид фиакров с опущенными шторками на улицах убеждал его: «... несмотря ни на что, в Париже еще сохранились бешеные страсти».

Известная «сцена в фиакре» из романа Флобера «Госпожа Бовари» о том же – фиакры, четырехколесные двухместные конные экипажи, нередко нанимались не как транспортное средство для езды по городу, а для адюльтера и любовных свиданий.

И сразу ближе и понятней становится Париж XIX века.

Век спустя, на другом краю земли, послевоенное поколение американцев, как известно, было зачато на задних сиденьях четырехдверных «Бьюиков» и «Шевроле».

На безлюдных стоянках, на парковке drive-in автомобильного кинотеатра, в кюветах и на обочинах хайвеев.

Ничто не ново под солнцем.

Да и под луной, считали американцы.

И были в этом с французами времен Бальзака едва ли не современники.

А то, что разделяло их столетие, только доказывает правоту известного правила из технической механики: «Была бы пара, а момент найдется».

Геннадий Кацов – поэт, прозаик, эссеист. В середине 1980-х был одним из организаторов легендарного московского клуба «Поэзия». В мае 1989 г. переехал жить в США, где последние 30 лет работает журналистом.

Вернулся к поэтической деятельности после 18-летнего перерыва в 2011 г. Автор 7 поэтических книг; сборника стихотворений,

прозы и эссе «Притяжение Дзэн» (изд. «Петрополь», 1999) и визуально-поэтического альбома «Словосфера» (из-во «Liberty», США, 2013), в который вошли 180 поэтических текстов, инспирированных шедеврами мирового изобразительного искусства. Поэтические сборники «Меж потолком и полом» и «365 дней вокруг Солнца» вошли в лонг-листы «Русской Премии» по итогам 2013 и 2014 гг. соответственно; поэтическая подборка «Четыре слова на прощанье» вошла в шорт-лист Волошинского конкурса 2014 г., а поэтическая подборка «Ты в мире, но не от мира сего» – в его лонг-лист 2015 г. Лауреат премии литературного журнала «Дети Ра» за 2014 г. Со-составитель и участник альманаха «НАШКРЫМ» (миротворческий проект 2014 года, антитеза известной идеологии). В альманахе опубликованы стихотворения о Крыме 120 поэтов разных поколений из 10 стран мира. Со-составитель и участник альманаха «70» (70 поэтов из 14 стран мира), посвященного 70-летию государства Израиль (2018 год). Учредитель литературно-музыкальных вечеров в нью-йоркском музее им. Николая Рериха, сезон 2016-2017 гг.

Публикации последних лет в литературных журналах «Времена», «Дружба Народов», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Семь искусств», «Окно», «Крещатик», «СЛОВО/WORD», «Интерпоэзия», «Новый Журнал», «Новый Гильгамеш», «Литературная Америка», по-английски – в *Cimarron Review* (США), *Blue Lyra Review* (США), *Life and Legends* (США) и других.

Дмитрий ГАРАНИН

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Сказки бытия

Природы полупьяный машинист
свои импровизирует законы
и рычаги со скрипом сверху вниз
над нами дёргает самовлюблённо.

То ветер дунул, то холодный душ.
То началась осенняя прополка.
Изгнание из тел крикливых душ.
То тут, то там, зато посев ребёнка.

Смотри вовсю, чтоб не попасть под нож
не очень управляемой косилки!
Её седок в теории хорош,
на практике же неуместно пылкий –

так мощь природы дух его пьянит!
Он видит – начинает получаться.
Вот погасил пожар. Вот динамит
завозит для дальнейших операций.

2017

Читая Блеза Паскаля

Как лотос на поверхности пруда,
так пребывает человек, распятый
между небытием, чья ждёт страда,
и миром, бесконечностью объятим,

что охватить сознанию не дано –
задача, соразмерная лишь Богу,
что вдруг откроет тусклое окно
и в тростниках нам высветит дорогу.

Ничтожности сознание гнетёт
нас, как растение гибкое, под ветром,
чья мысль для мироздания не в счёт
и не проникнет в план Его заветный.

Искать, стеная, свой опорный пункт,
трудиться для спасения со страхом,
отвергнуть себялюбие, как бунт,
своекорыстия содрать рубаху,

в слиянье с Высшим позабыть себя
и смерть свою изжить в Его бессмертье –
Его лишь частью быть, хвалу трубя
в Ему лишь постижимой круговерти.

2017

Тебя и твой багаж духовный
сметут, как крошки со стола,
и что казалось баснословным,
то будут старые дела.
А если и не баснословно
совсем при жизни дело шло,
а переменчиво-неровно
и результата не дало,
тогда давай уж расслабляйся
ты перед отдыхом большим,
занятия соси из пальца
и, в небеса пуская дым,
обозначай своё dasein
в мгновенном срезе временном,

вопросы ставить не дерзая
пред мутным вечности окном.

2017

По правде, я всего лишь текст,
вертящийся на языке у Бога.
Быть может, нолик или крест,
чей смысл определён нестрого.

На карте дырчатой машинный код,
обрывок мысли программиста,
а надо мною правил свод,
деревья вычислений чистых.

2017

Задумайся о чём-нибудь глубоком
в тени под внешним слоем бытия –
матерьях тонких, в чём не видно прока,
в которых вязнет мысли колея
внизу по казематам оснований,
где механизм покоится, замшел,
в ошибках план, добыча прозябанья,
что разгадать мыслитель не сумел,
и ты поймёшь, что нет туда и входа,
быльём всё беспробудно заросло –
как муха в комнате, что где-то видит воду,
ты бьёшься об оконное стекло,
и как-то всё течёт само без плана,
и струи хаоса дробятся без конца...
Куда придешь, об этом думать рано –
за полосой змеится полоса.
Рябит в глазах. Ты щепкою в потоке
под действием уму неясных сил –

герой случайных взлётов невысоких,
что знаний берег так и не открыл.

2017

Творец меня измыслил кодом,
нажал на Run
и для развития свободу
добавил, пьян
от быстрогодействия машины
сверхтонких сил,
что техник бытия зачином
установил.

Живу, вдыхаю полной грудью
простор полей,
и под рукой труда орудья –
паши и сей,
чтобы в корзинах фруктов с верхом,
зерна коню –
всё, что в программе этой сверху
найдёшь в меню.

Но приближаются по тракту,
хоть тишь и гладь,
татар скуластых симулякры –
их в зум видать!
Решил, что саблюю кривою
меня сразишь?
Я доступ к памяти закрою –
ты вирус лишь.

2018

На ветке вечнозелёного древа
жизни – вечнозелёный плод.
Не созревает для жадного зева –
кондицией всё не тот.

Времени ветры склоняют долу
жизни упругий ствол.
Но под напором свалиться с голой
ветки срок не пришёл.

Неотделимый от пуповины –
бессмертное естество.
Зри – не созревший для пользы мнимой
плод, но идея его.

2018

Если гора не идёт к Магомету
Пусть посылает мышь
Ведь обо всём что мешает свету
Больше вообразишь
Может быть дни последние носит
На лоне её Земля
Гляди – грызунами текут откосы
Тонущего корабля

2019

Вид на Рейн

Реки излучина как серп
Что замахнулся на леса
Как будто Бог жестокосерд
Возжаждал чистого листа

Где весь пейзаж затопит свет
Как бы сквозь дрожь мушиных крыл
И отбелит клетчатый плед
Полей чтоб их покой накрыл

Ведь безнадёжно всё старо
В переплетениях мирских
Где стёрлось божие тавро
Пластмассово торчат ростки

Из превратившейся в компост
Земли пристанища червей
Где поминальный зреет тост
Что только сделает трезвей

Уже ты видишь на просвет
Как через ветхое рядно
Всё как себя бывшего след
Стереть который решено

Покуда блекнет вид с горы
С тем что внизу теряя связь
Ты на краю глаза протри
Чтоб в безопорность не упасть

2019

Дмитрий Гаранин родился и вырос в Москве. Окончил МФТИ, защитил диссертацию по теоретической физике. Работал в Физическом Институте им. Лебедева АН СССР. В 1992 эмигрировал в Германию, работал по специальности. С 2005 года – профессор на физическом факультете Lehman College CUNY в Нью-Йорке. Автор около 130 научных статей.

Писал стихи в 80-е годы, но не публиковал и в литературной жизни не участвовал. После многолетнего перерыва вновь увлекся поэзией. В настоящее время автор 20 книг, изданных под собственной маркой Arcus NY.

Публикации: «Дети Ра», «Крещатик», «Слово/Word», «45-я параллель», «7 искусств», «Зарубежные задворки», «Черновик», «Золотое Руно», «9 Муз», «Asian Signature (Индия, на английском).

Полный список публикаций: <http://www.lehman.edu/faculty/dgaranin/poetry.php>

Джейкоб ЛЕВИН

РАССКАЗЫ

КОНЕЦ БАБЬЕГО ЛЕТА

Ицик лежал по пояс в лыковом мешке на поребрике напротив кирпичной стены. По другую сторону стены была шумная улица Маршалковская. Он, скосив глаза, наблюдал за солдатами Вермахта, которые маршировали недалеко от него посередине дороги. В прошлом году он еще пытался бежать им вслед – он очень любил смотреть на мотоциклы впереди колонны. Когда голод не очень мучил его, он рисовал эти мотоциклы куском извести на асфальте.

Был тёплый сентябрьский день. Ицику было шесть лет, и поэтому он не знал, что за теплым сентябрем обычно наступает дождливый октябрь. Сегодня ему досталось два яблочных огрызка, а третий лежал далеко у стены дома и уже становился золотисто-коричневым. Он ревниво и внимательно следил за воробьями, которые выклевывали из яблочного огрызка коричневые семечки, но доползти и отнять его у воробьев он боялся. Ночью Ицик подползал к тёплой, нагретой солнцем стене дома, но утром дворничиха оттаскивала его лыковый мешок вместе с ним подальше от стены, чтобы он своим жалким видом не портил фасад. Он знал, что его мать тоже лежит недалеко, около стены, только у ворот, и представлял, холодно ли ей сейчас.

Когда она умерла, соседи забрали остатки гречневой крупы. Он целый день провел рядом с матерью, а вечером к дому пришёл худой похоронщик с двухколесной тележкой и спросил: «где она»? Мать была еще более худой, чем он, и ему не составило большого труда положить ее на тележку. Потом он достал из заплечного мешка старый потрепанный талес и укрыл ее. Похоронщик впрягся в тележку, а Ицик взялся за оглоблю, и они втроем двинулись к воротам. Около ворот похоронщик сбросил ее в длинный ряд бывших обитателей Варшавского гетто.

– А ты иди домой, – сказал он Ицику. Ицик понял его.

Они с матерью жили в гетто, в крохотной комнатке два квартала от Маршалковской. Никто не завидовал им, и поэтому никто к ним не подселся. Печки в комнатке не было, раньше в ней хранилось имущество дворника, но, когда Ицик вернулся с «похорон» матери, эта комнатка оказалась занятой – на двери теперь висел маленький замочек. Туда уже успели сложить чьи-то чемоданы.

И вот уже четвертый день Ицик жил на улице, без еды.

Наверное, где-то на Маршалковской уже шел дождь, потому что в чугунную канализационную решетку стекал ручеек чистой воды. Он думал о том, что уже темнеет и пора добираться до теплой стены дома.

В гетто у него не было никого, ни родных, ни друзей. Туда его привезли из какой-то большой квартиры. Откуда он взялся в этой квартире, он не помнил. Отца он помнил едва.

Был конец бабьего лета, и к вечеру появились первые грозовые тучи, но Ицик не знал этих примет и того, что очень скоро польётся настоящий дождь. Улица опустела, ветер погнал по дороге колючий песок и обрывки газет, и начался дождь, но это уже не был летний теплый дождь. Он хотел было заплакать, но слезы кончились в первый день, когда его сандалии унесли взрослые дети. Он подал голос – несколько раз слабо пискнул, но никто его не услышал. Между тем дождь стал сильнее.

Ицик знал о жизни совсем немного, но то, что всем людям не до него и у всех свое горе, он уже понимал. Поборов страх и собравшись с силами, он заставил себя доползти до коричневого яблочного огрызка, съел его и теперь жевал деревянный черенок, просто так, ему было жалко расставаться с ним, хотя яблок в этом году было много.

Он улегся у стены и укрылся промокшим мешком, который теперь уже больше не грел его, и не защищал его худое тело от дождя. Своими тонкими скрученными ножками с неимоверно огромными коленями он напоминал большого паука.

На верхнем этаже открылись створки окна, на него упали остатки какой-то испорченной каши и быстро смешались с дождевой водой. Он не успел ничего подобрать. В дом его никто не позвал.

Раньше в это время он уже спал, но сегодня с наступлением темноты его стало знобить. Взошла круглая луна, и дождь прекратился. Ицик задрожал и начал тихо стучать мелкими молочными зубами.

Вдруг из темноты перед ним возник чёрный человеческий образ. В шляпе, с серой спутанной бородой, сапожник Лазарь склонился над ним. В руках у него был предмет, согнутый из проволоки. Ицик привстал и поднял голову, в это время Лазарь ловко одел ему на голову проволочный прямоугольник и тут же снял его.

– Как тебя зовут?

– Ицик.

– Ты ел сегодня?

– Нет.

– А вчера?

– Нет.

– А третьего дня?

– Нет.

– Тогда возьми два яблока. Благодарить не надо. Ты знаешь, где за кирпичной стеной на Маршалковской молочная лавка?

– Да.

– Ты дойдёшь до неё?

– Нет.

– А если бы не было стены, дошёл бы?

– Зачем? – спросил Ицик.

– У меня родился внук, а дочь Ида умерла. Если я его утром не накормлю, он тоже умрёт. Он уже начал высыхать. Вода не помогает. Утром, когда ещё будет темно, привезут молоко. Когда развозчик возьмёт ящик с бутылками и понесёт в лавку, ты по спицам залезешь на колесо и возьмёшь бутылку молока. Я буду ждать тебя за стеной с большим кусочком хлеба.

– А как я пройду сквозь стену и вернусь назад?

– Внизу стены, у самой земли нет двух кирпичей. А там, за стеной, растёт высокая трава. Моя голова в дыру не проходит, а твоя проходит.

– Но я ещё никогда не был вором. А если все увидят, что я нес еду в гетто?

– Это так, но ты получишь белый хлеб и очень может быть, что он будет помазан маргарином.

– Немецким?

– Немецким или польским. А сейчас спи. Утром я разбужу тебя.

Только сапожник Лазарь на цыпочках отошёл от лежавшего у стены Ицика и повернул за угол, ему повстречался раввин Шпаковский.

– Что ты делаешь здесь, Лазарь? – спросил раввин. – Ведь уже очень поздно. Смотри, попадёшься мальчикам Шеринского. (Юзеф Шеринский, руководитель полиции в Варшавском гетто. – *Прим. ред.*)

– Я уже дома, это моя дверь, – сказал Лазарь. – А вы будьте осторожны.

– Я иду с обрезания, у меня разрешение. А ты что задумал? Почему у тебя в руках проволока?

Лазарь растерялся. Быстрый умом раввин Шпаковский догадался, что означает проволочный прямоугольник.

– Ты измерил этой проволокой чью-то голову потому, что ты нашёл дырку в каменной стене?

– Да, ребе.

– А твоя голова туда проходит? Если голова пройдёт, то и тело подавно пройдёт.

– Но моя голова не проходит.

– А чья проходит?

– Ида умерла, была кружка молока, больше нет. А за стеной в лавке... Правда, не кошерное...

Раввин перебил его и спросил:

– Что же ты задумал? Пролезть в дыру и добраться до лавки?

– Попрошу мальчика.

– Который спит за углом?

– Да.

– А он знает, что его застрелят, если увидят, что он пронёс продукты в гетто?

– Нет. Я ему не говорил.

– Нельзя этого делать, Лазарь.

– Мой новорожденный внук завтра утром без молока умрёт.

– Всё равно – нельзя, спасая одного, убить другого.

– Но если всё обойдётся, то оба будут жить. Правда, недолго. У мальчика в гетто никого нет. Он всё равно скоро умрёт, почему бы мне не попробовать?

– Ты умный Лазарь, жаль, что ты стал сапожником. Лучше бы я был сапожником, тогда ты бы стал раввином, и мне было бы легче объяснить тебе, почему нельзя этого делать.

– Почему?

– Потому что, если сегодня ночью у тебя всё получится, завтра ты пошлешь его опять, и так пока мальчика не убьют. Как его зовут?

– Ицик.

– Не делай этого, Лазарь, – опять сказал раввин Шпаковский, повернулся и растаял в ночной темноте.

На Маршалковской едва светало, когда на пороге своего дома Ядвига Ватковска никак не могла проститься с ефрейтором Шнайбе.

На рассвете Лазарь подошёл и тихонько потрогал Ицика за плечо. Но Ицик уже не спал и дрожал мелкой дрожью.

– Просыпайся, Ицик. Пойдём, здесь близко, полминуты. У меня есть для тебя хлеб с сахаром, почти свежий.

Они пошли к кирпичной стене. Сонный Ицик шёл шатаясь. Лазарь нагнулся, раздвинул лопухи и показал Ицику дыру.

– Давай, Ицик, не бойся, за стеной тоже растут лопухи. Когда появится повозка с молоком, не зевай. Времени у тебя будет немного. Хватай бутылку и бегом в дырку. Только не разбей. Я жду здесь тебя с хлебом и сахаром. Если голова проходит, то всё остальное свободно пройдёт.

Ицик легко пролез в дыру и уселся в лопухах. Когда привезли молоко, было почти светло. Ицик сделал всё, как сказал Лазарь. Но когда Ицик с бутылкой молока слезал с колеса подводы, лошадь, привязанная вожжами к столбу, сделала один короткий шаг. Босые ноги Ицика стояли на спицах, они соскользнули, и он упал на землю. Но бутылку из рук он не выпустил и не разбил. Встать ему помог ефрейтор Шнайбе.

– Ты знаешь мальчик, что воровать нельзя? – спросил ефрейтор почти на идиш.

– Да. Только это молоко не для меня, – тихо сказал Ицик и втянул голову в плечи.

– А для кого?

– Это для Лазаря. У него внук утром умрёт.

- А где сам Лазарь?
- Он по ту сторону стены.
- Так ты из гетто?
- Да.

– Ну пойдём, поговорим с Лазарем.

Ицик собрался идти в сторону дыры в стене, откуда он вылез, но ефрейтор Шнайбе сказал:

– Нет, нет, не туда.

Они пошли через пропускные ворота.

Когда они сзади тихо подошли к Лазарю, он стоял на четвереньках, смотрел в дыру и их не видел.

– Вас махт а ид? (Чем занимается еврей? – идиш. Прим ред.) – намеренно с еврейским акцентом сказал ефрейтор Шнайбе. Сапожник Лазарь вздрогнул и хотел подняться с колен. – Нет, стой так, – сказал ефрейтор Шнайбе и расстегнул кобуру.

– У меня дома лежит внук, он умрёт без молока. Он только что родился. Отпустите меня, господин офицер! Мне надо вернуться домой, иначе он умрёт без меня!

– Тебе не повезло, Лазарь, я не из вермахта, я из «айнзац группе».

Он достал свой «Борхард Люгер».

– Шма Исраэль, – прошептал сапожник Лазарь. – Ох, как надо было слушать ребе Шпаковского, – горько сказал он и опустил голову. – А ты будь проклят, и семя твоё, и дети твои и дом твой, – глухо и невнятно пробормотал на иврите Лазарь.

О, да, надо всегда слушать раввина, – сказал ефрейтор Шнайбе и выстрелил сапожнику в голову.

Босой Ицик стоял рядом и держал бутылку с молоком.

– А ты, мой дорогой мальчик, наверное, боишься молочного сахара?

Ицик не знал значения слов «молочный сахар». В гетто этого никто не знал. В языке идиш этого тоже не было. Он ничего не понял и протянул бутылку с молоком ефрейтору Шнайбе.

– Нет, нет. Спасибо, мой добрый мальчик, но мой желудок не принимает никакой лактозы. Ты пей молоко, пей до конца. В нём есть кальций, он необходим детям. А мне нельзя. “Durchmarsch” (понос – нем. прим. ред.), – объяснил ефрейтор Шнайбе.

Ицик с трудом допивал молоко. Бутыль была уже почти пуста, но на дне ещё оставалось с полстакана. Он уже не мог ни пить, ни дышать. Он перевёл дыхание и со страхом опять устался на лежащего Лазаря.

– А ты где живёшь, мальчик? – спросил ефрейтор Шнайбе.

– Нигде.

– А где ты спишь?

– Около дома пани Корбут.

– Тебя никто не кормит? Ты каждый день засыпаешь без молока? Бедный мальчик.

Ицик, как завороченный, смотрел на мёртвого Лазаря.

– Не смотри на него. Не думай о нём, мой добрый, голодный мальчик. Пей, пей молоко. Не спеши. Пей до конца.

Левой рукой ефрейтор Шнайбе взъерошил жёсткие чёрные волосы на голове Ицика, повернул его голову лицом к стенке, а правой выстрелил ему в затылок. Бабье лето окончилось.

НОЖ «ХЕЙНКЕЛЬ»

Счастье – это краткий миг между обретением желаемого и страхом потерять его

Макс Гилл с раздражением думал: почему на этой улице все односемейные дома одинаковые? За сорок лет он никак не мог запомнить номер нужного ему дома. Но оставалась ещё одна примета – темно-зелёная дверь с деревянной круглой ручкой.

Макс шёл проведать своего друга Дэвида Фишера. Он едва успел сделать один нетерпеливый длинный и два коротких звонка, как в дверях показалась измученная седая Рейчел.

– Ты что – ждала меня, стоя за дверьми? – невесело пошутил Макс.

– Не входи. Давай лучше поговорим здесь. Утром был доктор Бергер. Ночью Дэйву было очень плохо, он даже детей не узнавал. Мы думали, что это конец. Сейчас Дэйв не пропускает ни одного слова, всё слушает и всему придаёт огромное значение.

– Что сказал доктор?

– Он сказал: «Если бы не сердце, то с онкологией он бы ещё

чуть-чуть протянул. А так вряд ли. Теперь смерть может наступить в любую минуту». Дети не спали всю ночь. Всё впустую, только утром они пошли на работу.

– Что он сейчас делает?

Сейчас спит, а может, притворяется. Иди к нему в спальню. Я ему только что сделала укол морфия, – Рейчел пропустила Макса вперед. – Эй, Дэвид, посмотри кто к тебе пришёл!

Из спальни донёсся слабый голосок Дэвида:

– Заходи, Макс, садись. Ты пришёл вовремя: завтра меня бы уже не было. Если я сегодня ночью не умру, дети сдадут меня в хоспис. Там меня уже никто не найдёт. Рейчел измучилась со мной, бедняжка.

– Дэйв, на кресле была твоя одежда – брюки, подтяжки, носки. Я случайно сел на них...

– Это Рейчел, она специально кладёт на кресло мою одежду, чтобы я видел её и думал, что вот-вот встану и пойду на работу. Я уже две недели не встаю. Даже катетер уже не вытаскивают. Я весь в метастазах, как в паутине. Ну, что нового в клубе?

– В клубе всё по-старому. Что там может быть нового? Но сегодня произошло такое! Такого я ещё не припомню!

– Что же произошло? – безразлично спросил Дэвид.

– Я утром проснулся рано, дай, думаю, дойду до нашего антикварного рынка по «Авеню оф Америкас», посмотрю, что там делается. А потом зайду к тебе, ведь это почти рядом. За те пятьдесят лет, что мы коллекционируем складные ножи, такой удачи, как сегодня, у меня ещё не было! Да и во всём «Нью-Йоркском Имперском клубе» коллекционеров ножей такого ещё не было целых двадцать лет! С тех пор, как Ричи Спинелли купил у идиота из Плимута красавца «Роджерса» за сто долларов! Представляешь, иду в самый конец барахолки, туда, где продают золото, кораллы, часы и другое барахло, и вижу незнакомое лицо. Подхожу – и что же? У него на столе лежит идеальный «Роджерс» и два одинаковых немецких «Хейнкеля»! Самого большого размера! Оба примерно 1920 года! Как будто с конвейера только что сошли! Лезвия заточены «appleseed» (способ заточки – прим. ред.). Всё, как полагается! Таковую редкость сегодня на рынке не встретишь. Оба так и просятся в коллекцию. Сколько лет я охотился за таким большим «Хейнкелем»!..

«Роджерс» я для отвода глаз потрогал. Я же знаю, что это не меньше пятнадцати тысяч и не наш это вид коллекционирования. Я спрашиваю осторожно: «Почём «Хейнкели»?» А он отвечает так неуверенно: «Шестьсот долларов каждый», – и смотрит вопросительно мне в глаза. Я не поверил своим ушам, что так дёшево и переспрашиваю: «Сколько?». А он мне отвечает скороговоркой: «Хорошо, хорошо, если это много, то как насчёт пятисот наличными?». Я ему тут же отсчитал пятьсот долларов и думаю: надо быстрее уходить, пока он не передумал. Понятно, что он не в курсе настоящих цен или только впервые на этот рынок попал. Вот, полюбуйся, какой красавец!

И Макс протянул Дэвиду складной нож.

– Я его не удержу, руки слабые, не надо, Макс, ещё упадёт. Я тебе верю. Что же ты второй «Хейнкель» для меня не купил? Ты же знаешь, что в моей коллекции такого тоже нет, – дрожащим от слабости голосом сказал Дэвид.

– Но у меня больше денег с собой не было...

– Мы же с тобой старые друзья, Макс, как же ты так поступил? Надо было оставить ему задаток, зайти ко мне и взять денег. Здесь ведь недалеко.

Макс растерялся:

– Сам не пойму, почему я так поступил... Но я вначале не думал на рынок идти и пришёл без денег. А чеки там не берут, ты и сам это знаешь...

– Знаю...

Дэвид замолчал и отвернулся к стене. Его худые плечи вздрогнули, острая лопатка под натянутой простыней оттопырилась вверх.

Макс сказал:

– Не злись, Дэйв, не надо... У «Роджерса», который лежал у него на столе, лезвие – полные двенадцать дюймов длиной. Но это была подделка. На слоновой кости было нацарапано: «King Farukh». Все знают, что самая большая и полная коллекция «Роджерсов» была у египетского короля Фарука, но королю бы в голову не пришло на ручке нацарапать такую глупость. Между прочим, я узнал, кто откупил всю коллекцию у короля. Это Самюэль Сатиян, за два миллиона фунтов. У армян деньги водятся... А он был женат на дочери аргентинского президента... Ты не слушаешь меня, Дэйв? Ты спишь?

Но Дэвид не спал. Он укрылся с головой и от обиды дрожал мелкой дрожью.

– Ну, хочешь, Дэйв, я опять пойду на рынок? Дай мне денег, вдруг там ещё что-нибудь осталось... Хотя и маловероятно.

Но Дэвид не отвечал.

– Обиделся, – вздохнула Рейчел.

Провожая Макса к выходу, она добавила:

– Хорошо, Макс, что ты ему показал покупку. Он даже о смерти на время позабыл.

Макс спускался по ступенькам на улицу и думал: «Смысл коллекционирования настолько прост, это всего лишь глупое желание обладать вещью, пока ты ещё жив, а что потом? Ты уходишь, а вещь остаётся... Ведь Дэвид прекрасно знает, что ему уже ничего не осталось...».

Рейчел вернулась в спальню и сказала:

– Всё-таки некрасиво получилось, Дэвид. Макс этого не заслужил... Пойду в аптеку, витамины для тебя куплю.

«Какие витамины, когда до смерти осталась всего одна ночь? – подумал Дэвид. – Наверное, пошла шататься по магазинам».

Вдруг его сердце беспорядочно затрепетало, потом забилось быстро-быстро, и он почувствовал новую странную боль в груди. Но это еще не был конец. Тогда Дэвид свесил ноги с кровати, посидел так с полминуты и начал медленно одеваться. Потом он стал искать свои носки и сникерсы и, не найдя, засунул ноги в войлочные тапочки без задников, взял в руку коричневую палку из твёрдого змеиного дерева с набалдашником в виде собачьей головы и медленно переставляя ноги, двинулся к дверям.

Дойдя до выхода, он вспомнил, что не взял с собой деньги. Он вернулся, неуверенным движением снял с книжной полки «Шулхан Арух» Иосефа бен Эфраима Каро, открыл книгу и собрал между страницами последние семь «зелёных» по сто долларов.

Когда он вышел на свежий морозный воздух, у него закружилась голова, его качнуло в сторону, и он едва не упал...

Через час он входил в ворота антикварного рынка. По дороге с ним кто-то здоровался, но он не узнавал этих людей, а последним какой-то мужчина спросил его:

– Дэвид, где твоя обувь?

Его «Хейнкель» всё ещё лежал на столе. Дэвид протянул пять сотен хозяину и почти прошептал:

– Мне этот нож нравится. Здесь пятьсот баксов.

– Такой нож потянет все семьсот.

Дэвид молча прибавил ещё двести.

Продавец завернул нож в кусок рождественской подарочной красно-зелёной бумаги и сказал:

– Можете не проверять, этим ножом ещё никогда не пользовались. У меня их было два. Мой дед купил их и привёз оба в подарок из Германии. Сразу после убийства министра Вальтера Ратенау в 1922 году. Это семейная реликвия. Я бы их не продавал, но внуку нужна операция, он повредил ахилловы сухожилия.

Дэвид медленно плёлся домой. Ему ужасно хотелось спать. Чуть в стороне он увидел скамейку – только бы дотянуть до неё.

Он сел и тут же впал в забытие. Его палка упала на землю. Свободной рукой он изо всех оставшихся сил прижимал к себе свою реликвию. Во сне ему привиделось, что он в 1944 году под Дюнкерком бредёт по пояс в холодной воде вместе с канадскими солдатами. Поднятыми вверх руками он держит над головой винтовку.

На самом деле он сидел в луже мочи, потому что, уходя, забыл пристегнуть мочесборник. Он опять открыл глаза и тотчас же развернул свёрток. «Хейнкель» был на месте.

Дэвид наконец-то был по-настоящему счастлив, ведь счастье – это краткий миг между обретением желаемого и страхом его потерять.

В следующий момент он улыбнулся и умер. Так и сидел он, улыбаясь, а воробы прыгали по его острым худым коленям и уже совсем его не боялись.

Джейкоб Левин эмигрировал из Риги в Нью-Йорк около 40 лет назад. Несмотря на то, что по образованию он инженер по обработке металлов, всегда интересовался историей и знает ее на профессиональном уровне. Основная тема его произведений – Холокост и судьбы людей в период и после оккупации Прибалтики.

Левин широко известен и как эксперт по средневековому оружию, и как дизайнер и изготовитель художественного оружия и миниатюрных изделий, механизмов из металла и различных драго-

ценных материалов. Существует более 30 публикаций на английском, итальянском и французском языках о его художественных работах.

Книги, изданные в США: «Удо и странные предпочтения Боргманов», «Встреча в ньюйоркском сабвее», «Encounter in the New- York Subway» (на английском). Готовится к выходу его книга на французском и русском языке под условным названием «Ньюмен», а также полный сборник его рассказов на русском языке.

Джейкоб Левин – постоянный автор журнала «Времена».

Владимир СОЛОВЬЕВ

КОТ ШРЁДИНГЕРА

Заключительная глава

Начало в N 4 (8) 2018 и N 3 (11) – 4 (12) 2019

PATRIOTISME DE CLOCHER*

В Петербурге жить что лежать в гробу.

Мандельштам

*Великий Город, сам в себя влюблённый:
вознёсшийся, смертельно уязвлённый
своим паденьем каменный нарцисс.*

Виктор Куллэ

– В этих играх втроем было что-то противоестественное, – говорит она. – Жюль и Джим. Только вместо Парижа – наш Город. Хотя, конечно, круть.

Да, фоном был Град Петров. Только фоном активным, действующим, чтобы не сказать агрессивным. Умышленный? Или злоумышленный? Умышленно-злоумышленный Город. Ни в одном другом наш сюжет бы не состоялся. С самого своего основания – противопоставление стране – вплоть до нашего времени – противостояние со страной, победа Города над страной, поглощение малым бóльшего. Внутри одного круга находится другой еще больше. Победа если не Пиррова, но все-так сомнительная: Город заглотал больше, чем смог переварить. Я не только о Нарве и акватории Финского залива. А отсюда уже политическое несварение и сопутствующие недуги.

Поиски аналогов в мировой истории: до италийских горо-

* *Патриотизм колокольни*

дов-республик от греческих городов-полисов (в обратном порядке). Нет, не Афины и не Спарта с их политической противоположностью и военной распрей не на жизнь, а на смерть, а скорее обреченные Фивы с изначальным, с основания, первородным грехом и преследующим роком. Или беспрецедент – нет аналога? То, что ни с чем не сравнивается, не существует?

Иностранный Город в родной стране? А хотя бы и так. Смена матриархальной матрицы на патриархальную. Взамен стране пришло государство, вместо родины – отечество: отечество славим, которое есть, но трижды, которое будет. Хотя начало этому положил еще строитель чудотворный триста лет тому, издав указ, дабы отныне и во веки веков заменить родину на отечество. Маскулинность vs фемининность. Тогда эта маскулиная подмена не привилась, зато теперь, в пределах нашего Города и прилегающих к нему земель, была предпринята новая попытка: долой матриархию!

Прожектерство? Волюнтаризм? Вызов Города (мужик) Столице (мужичка)? Противоборство двух столиц – старой и новой, пока новая не подмяла под себя старую, но потом старая взяла реванш, оставив наш Город с носом, но и с тайными амбициями, которые я с его помощью попытался материализовать. Думал ли я тогда об идеологической экспансии Города на всю страну? Смена парадигм? Программа-минимум и программа-максимум? Политическая изнанка художественной затеи? Имперская закваска в ретро-проекте? Невозможность реставрационных осуществлений без административного рычага? Перспективы: краткосрочная и долгосрочная? Он мыслил завтрашним днем, я – вечностью. Потом рокировка, и мы поменялись местами.

В параллель нашему местному сюжету шла утечка мозгов из Города в Центр, миграционная экспансия Города в столицу, перекачка административных кадров во главе с... и создание политической мафии, сплошь, за редкими исключениями, выходцев из нашего Города. Выдвиженцы и назначенцы. Узница кадров. Кадры решают все. Микро и макро, в чем-то подобные друг другу. Тот же принцип отрицательной селекции. Одновременно с худшими, город покидали лучшие: прежде в столицу, потом за бугор, когда столица если не уподобилась Городу, то брала с него пример. Типа соревнования, наш Город побеждал метрополию с большим отрывом. Синдром

Фукидида, который всегда считал, что противостояние между восходящей и нисходящей державой заканчивается войной? Хотя еще не вечер, но его внезапная смерть перемешала все карты.

– Круть? – переспросил я.

– Жесть!

– Это тебе жесть. Ты забыла, что ты вытворяла перед нами? Выше крыши. Одни твои уличные стриптизы по ночам чего стоят!

– Так ночи же белые, – и улыбается, вспоминая.

Я – тоже:

– Эксгибиционистка.

– Есть малость. Подшофе была.

Брешет на автопилоте. На голубом глазу. Ей соврать, что два пальца.

– Опять лукавишь, – вежливо говорю я. – Трезвая как стеклышко.

– А то вам не нравилось. Смотри!

И она скинула ночнушку и закружила по комнате. Дико возбуждает даже сейчас. И вспрыгнула голенькая ко мне на колени.

– Я же видела, как вы тогда оба балдели, – сказала она спустя. – Перед вами же и расстаралась.

– Есть разница – сейчас ты танцуешь нагишом перед мужем, а тогда – перед мужиками, с которыми у тебя еще не дошло до интима, – говорю я без никакой уверенности.

– А помнишь, когда я уже была голой, а Дворцовый мост стали разводить, и я танцевала на вертикальной стене. Как Фред Астер.

Еще бы не помнить!

– Запросто могла убиться.

– Зато какой восторг! А как вы оба полезли по этому эрегированному чудовищу, чтобы меня спасти. Могли убиться все трое. А кончилось благополучно – в милицейской кутузке, куда нас увезли в воронке за нарушение общественного порядка. Какая была у нас с тобой ночь в том милицейском закутке под лестницей среди бля*ей и воришек! Жаль без секса!

– Ты забыла, почему мы остались там с тобой вдвоем, а его выпустили?

– Так хорошо же, что без него.

Это было первый раз, а потом бесчисленно, когда он отрицал за

собой какую-либо вину. Когда он пошел в политику, это стало его наоборотным знаком качества. А тогда я с ним согласился – мы-то с ней отобьемся, а его могут турнуть из школы. В автозаке договорились. А в милиции я подтвердил его показания – что он не лез на вздыбленный мост, когда она устроила там «откровенные танцы», как стыдливо было указано в протоколе, а ждал нас внизу. На самом деле он вскарабкался быстрее меня и успел даже, рискуя, схватить ее комбинашку с противоположной стороны моста, которая, медленно, как во сне, удалялась от нас. Остальная одежда сгинула в водичке. Мужество неведения? Modus mortis vs, modus vivendi? Я еще не раз выручал его, чтобы не портить ему биографию – он воспринимал всё как должное. Я – тоже. Я списывал всё на его детские комплексы.

– Сказать тебе, о чем я тогда думала?

– Я и так знаю.

– Ну...

– С кем из нас? Или с обоими одновременно? От тебя можно все ожидать. Похоть делала тебя безбашенной.

– Пальцем в небо! Не поверишь, я думала о расширении аудитории. Нет, не о групповухе или оргии. Это были первые профессиональные мечты – танцевать перед большим залом.

В конце концов, они сбылись – она стала профи-танцоркой. Но с опозданием. Помешала преждевременная беременность. Одна страсть перебила другую. Как и у него, но в обратном направлении. А у нее – похоть. Вот наша балерунша и застряла промеж кордебалетом и солистикой, а кончила балетной училкой. Карабкаясь к власти, он ей покровительствовал, находил спонсоров, печатные кудосы в городских СМИ были искренние, но, мне казалось, не то что оплаченная заказуха, хотя кто знает, но хвала завышенная. Не мне, скажете, судить – я начисто лишен слуха. В отличие от них обоих. На любительском уровне он тренькал на рояле. Тот рискованный номер на разводном мосту не пропал даром – по моему сценарию поставили хореографическую миниатюру, где она танцевала малолетнюю стриптизершу у бездны на краю. Так и называлась – «Дворцовый мост». Аплодисман бешеный. Почему всё-таки не состоялась ее балетная карьера? Сгубила поп-артная развлекауха? А, что говорить. Разведенные мосты, как тогда Дворцовый: баба взяла верх над танцоркой. Баба с возу упала, а воз и ныне там.

Когда-то это были мои одинокие прогулки по любимому-нелюбимому Некрополису, я знал этот Город назубок, как драму Шекспирову, потом с моей сопливкой, над которой взял любовное шефство, не решаясь ее трахнуть ввиду несовершеннолетия, а еще потом нас стало трое, и лирические прогулки превратились в ознакомительные – я приучал моего подопечного к Городу, во главе которого ему суждено было стать. Тогда, правда, ни он, ни я так далеко не метили, но кой-какие тайные если не замыслы, то помыслы у меня наличествовали. А у него?

Отдам ему должное – он был благодарным слушателем, что вдохновляло гида – восприимчивым, переимчивым, памятьвым. Слух у него был лучше, чем зрение, что льстило мне, хотя отменное его равнодушие к архитектурным приколам меня смущало. Его цепляла история, а не эстетика. Это я посоветовал ему поступить на истфак, хоть он и противился, рвался на юрфак, но в конце концов внял, о чем не жалели ни он, ни я. Я же натаскал его к вступительным экзаменам, хотя он по любому прошел благодаря своей этнической чистоте и социальному происхождению. Мои городские байки он воспринимал выборочно, застревая на маргинальных, объективно и с моей точки зрения, историях, и требуя подробностей. Это потом я стал анализировать его выборочный, пристрастный, тенденциозный интерес применительно к его склонностям и амбициям, а тогда только диву давался. С самого основания Города – мы застряли на его предыстории. Упомянув Леблону и Трезини, я хотел двинуться дальше – от Леблону не осталось ничего, кроме его гениально-безумного плана, да и от Трезини – крохи. Не тут-то было! Мой юный друг увидел то, на что я не обращал внимания, а он уже примеривал историю Города на себе.

– У основателя было историческое чутье, но не было чуткости к нюансам, – пояснил я, хоть и не в моих правилах было хаять этого императора. Он вступил в единоборство с Б-гом, а ему казалось, что с природой и традицией. Наш русский Иаков. Всё было супротив него – зыбкая болотистая почва, катастрофические наводнения, да и опыт прежних хозяев этой земли – шведам и в голову не пришло строить здесь город, паче – столицу. Наш Город – чисто головное предприятие, а потому и головная боль на десятилетия вперед. Ну да, русская хлябь кого угодно приведет в бешенство. Город и был

реакцией императора на московскую Русь. Вот тут и является Жан Батист Александр Леблон, выписанный императором из Парижа блестящий архитектор, от которого царь потребовал точный план будущей столицы, дабы предопределить ей впрок и навсегда – как расти, куда расти, всё до мелочей.

Кто скучал на этих моих экскурсионных лекциях, так это моя юная подружка, а потому всячески пыталась отвлечь своими танцами и стриптизами – на меня это еще как-то действовало, зато на него никак, почему я и не воспринимал его в качестве соперника, мои ревнучие инстинкты дремали до поры, она принадлежала мне, и только мне, хотя и не полностью, но это зависело от одного меня, а я медлил, тянул, вот и дотянул, что говорить. А пока что продолжал про гениального неудачника петербургского архитектора француза Леблону. Между прочим, больше французы в наш космополитический город не совались, сплошь итальянцы, да еще один скот-палладианец. Я говорю про зодчих, Фальконет с Медным всадником не в счет.

– Леблон вписал город в геометрически четкую и замкнутую форму эллипса, а центр Города, согласно замыслу императора, отделил от остальной России нашей главной водной артерией, разместив на том самом Васильевском острове, куда обещался прийти умирать наш великий земляк, но слова своего не сдержал, умерев из-за не востребоваемости, пережив самого себя, через океан, чтобы потом проследовать в обратном направлении, предпочтя, однако, родному городу неродную Венецию:

Понеже свой континент и черви те же.

Ее-то улыбнуло, она всегда была и осталась смешливой, зато он остался серьезен и даже помрачнел не потому, что агеласт, хотя это тоже, как и любой деспот, пусть и в потенции пока что, но и по вкусовым причинам. Не то чтобы не признавал Рыжего, но к тому времени уже был знаком с его антиподом, из ливрейных, я же и свел их, и они нашли общий язык, тогда как близкие ему вроде имперские идеи были выражены изгоем – изгнанником, но на невнятном ему наречии. Антипод же был прост, как мычание, и говорил на общедоступном языке, да еще в классическую рифму. Поэт на все времена, поговаривали, что проплаченный казачок, не знаю, но будущему городскому голове он оказался в самый раз без никакой примерки,

да и надо же так случиться, оба одного роста, и он крышевал этого недомерку по мере своего продвижения по служебной лестнице, отваливая ему государственные премии и гранты и справляя его юбилеи на общенациональном уровне, хоть и в городских пределах, с прикреплением к груди почетных регалий и объявлением официальным пиитом Города, стихотворный путеводитель по которому тот составил. Изгнанник давно уже помер, а свято место пусто не бывает. Ну да, то самое вакантное место, о котором писал еще один поэт в своем двусмысленном стихе:

*Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.*

Уж коли пошли ссылки на известных поэтов, то сошлюсь опять-таки на общеизвестное. Я даже не о том, что еврей еврейю рознь, но хороший еврей лучше хорошего христианина, а плохой еврей хуже плохого христианина. Кому как не выкресту это знать! Насчет первого не скажу, не уверен, последнее – безусловно. Я не только о поэте-пресмыкателе, но обо всем губернаторском окружении, где мои соплеменники, несмотря на скромные вкрапления, шли в обгон титульной нации. Никто, никто не способен так подсуетиться под меняющиеся времена, как мои гуттаперчевые соплеменники. Причина: генетический талант? историческая изворотливость? желание искупить первородный грех? Да мало ли. Относится ли это ко мне? Наверное. Если бы не я, он не стал бы тем, кем стал. Не в оправдание, но как простая констатация факта: я был экзотом в его команде и самовольно ее покинул, не порывая лично с ним ввиду хотя бы наших семейных связей.

Он искал аналогии и аналогов среди современников и в истории, а я исправно ему поставлял их на бессознательном, правда, уровне, что не оправдание, понимаю. Из двух пиитов он отверг гения и приблизил заурядность. То же в шахматах, театре, синема, музыке, а потом и в политике, где он безошибочно выбирал второй, а то третий сорт и мало того, что противопоставлял первому, так еще и выдавал за первый: апология второ- – третьесортности. Чем ниже

планка, тем меньше разочарований – из его жизненных правил на каждый день, а потому полагал счастливейшими на земле людьми датчан с отсутствием у них великих притязанием. А Гамлет? А сам Губер? Ну, конечно, лукавил и парил выше звезд в своих недоосуществленных экстремальных мечтах. Забегая вперед, эта его практическая установка на усредненность и негативный отбор определили и его кадровую политику, когда он окружил себя сплошь серятиной и убожеством, выбраковывая мало-мальски одаренных, оригинальных, а тем более амбициозных людей, которые выпадали в осадок: Повсюду ходят нечестивые, когда ничтожные из сынов человеческих возвысились, как определил еще один поэт этот отрицательный кадровый отбор в Псаломе Одиннадцатом. Если бы у него была лошадь, он поступил с ней по-калигулски, но из домашних животных у него был только помянутый страшный полкан, которому, по его словам, он верил больше, чем людям. Он сопровождал его на официальных приемах, пугая его гостей, а одна высокопоставленная, но слабонервная кинофобка из-за бугра даже грохнулась в обморок при виде его баскервиля, что доставило ему несказанное удовольствие, хотя отчасти именно из-за этого у Города испортились отношения с ее страной.

Собак он предпочитал людям, бабам мужиков, но и среди мужиков у него не было ни одного друга – он никому не верил, кроме своего пса. Были ли мы с ним друзья? Не знаю. Даже если были на раннем этапе нашего знакомства, то перестали быть по мере его продвижения к вершине власти. Наш союз распался на принципиальной основе, хотя не стану отрицать, что ревность тоже примешана, но сам он, будучи принципиально беспринципен и ревности ни в одном глазу, полагал, видимо, что из-за моего предательства. Однако всё это произошло на общем фоне его психической несостоятельности и крутого одиночества, от которого он не страдал, будучи самодостаточен. Я не мог быть его другом, потому что у него не могло быть друзей, как у импотента женщин. Ссылка на Шпеера: если бы у Гитлера вообще были друзья, я был бы его другом.

Есть люди, которые предпочитают услуги продажных женщин. Так и он приближал к себе только тех, кто не просто был обязан ему служебным возвышением и прибылью с доходного места, но без него утратили бы всё, что приобрели, ввиду неадекватности долж-

ности, которую занимали. Не меритократия, но nepoтизм – отбор чиновничества шел исключительно в зависимости от безоговорочной, беззаветной лояльности городскому голове. Я бы обозначил эту тенденцию как аристоцид и меритофагию – уничтожение лучших. В остатке – неадекваты.

Само собой, эта кадровая деградация совместно с выдавливанием из Города лучших особей не могла не сказаться на остатных горожанинах и привела к ухудшению городской породы в целом. А применительно ко всей стране? Когда с захватом Центра нашими, исходящие из Города моральные миазмы распространились на все государство?

Процветает город Глупов,
Я отечество пою?

В мою иносказательную задачу не входит рассмотрение ситуации во всей стране, но исключительно в моем Городе, чью историю мой протеже не только искажил на свой лад, но продлил и продолжил, полагая себя наследником и преемником.

С другой стороны, однако, вне контекста русской истории наша история не очень представима, а потому ссылки на нее неизбежны, как и это отступление в тексте с подтекстом.

Нет, не тот счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые, а совсем напротив, счастлив народ, история которого скучна, да, мосье Монтескье? И еще парочка цитат в продолжение и развитие этой концепции.

– Несчастлива страна, у которой нет героев...

– Нет! Несчастлива страна, которая нуждается в героях.

Это, понятно, Брехт, а вот за сто лет до него мой любимый русский прозаик англоман и юдофил Лесков в «Русском тайнобрачии»:

– Ишь вы, захотели еще при наших порядках геройства! Героев, сударь, вообще на свет родится немного, да много-то их и не нужно, а особенно на Руси их не требуется. У нас ведь их не жалуют. И знаете, через что?.. Хлопотно с ними.

Да, я принадлежу к бесслезному, жестоковыйному народу, с которым скучать не приходится, пусть его история несколько однообразна, с циклическими повторами, всё

меняется ежеминутно, но ничего не происходит, как, соскучившись, выразился наш лучший историк. Это в будущей обратной

перспективе, типа анфилады в нашем Зимнем дворце, она может показаться скукой, но не когда проживаешь снутри ее и в текущей истории, а не по-прустовски опосля. Прусту единственному подфартило на двойное это существование в разных мирах одного времени – никому более. Уникальный опыт – не подражай, своеобразен гений.

Не только наши правители, но и сам подвластный им народ – черный лебедь. Хотя, конечно, народу далеко до его наиболее ярких вождей, типа Ивана Грозного, Петра Великого, Сталина да хоть нашего Губера, пусть он и не достиг общенациональных высот, как помянутые, не к ночи будут помянуты, зато его влияние на ход истории выходит далеко за пределы нашего Города и может продлиться, кто знает, дольше, чем у его предшественников на более высоком посту, потому как со смертью каждого из них резко оборвалась и была порушена целая эпоха.

То ли не нашлось у них достойных последышей, то ли последыши оказались не на уровне, не на высоте, а то и предатели, как Борис Годунов или коронованные дамы, повернувшие отечественную историю вспять в матриархат после нашего строителя чудотворного да хоть пример из Новой истории – Хрущев. Либо исторические эти титаны были слишком титаничны (а не только тираничны) и невыносимы для народа, который их боготворил, но прогнулся под непосильной исторической ношей, поизрасходовав на их великие дела и деяния все свои жизненные ресурсы, весь свой энергетический потенциал. Великие люди взваливают не только на себя, но и на нелюбимый им народ непосильную ношу, превышающую его физические и исторические возможности. Вожди-пассионарии – и давно прошедший пик свой пассионарности народ. Другими словами, народ оказался недостоин своих вождей, а дать народу отставку и заменить на другой можно, увы, только в альтернативной реальности.

*Российский я народ с престола презираю
И власть тиранскую неволей простираю.*

Хоть драма Сумарокова «Самозванец» привязана к определенному периоду русской истории, но все русские, да и советские вожди были по сути самозванцами и перехватывали власть у законных на-

следников, а Екатерина Великая царствовала в обход трех законных царей – мужа, сына и Ивана Шестого: двое были убиты по ее приказу, а третий по приказу ее любимого внука – и всех бесконечно жаль. Куда важнее, однако, что все русские лидеры, за редчайшими исключениями, были ярыми русофобами, которые не просто с престола презирали своих подданных, но использовали оных в качестве пушечного и любого другого мяса. При всем различии меж ними, они сошлись в этом вопросе и полагали свой народ не целью, а средством.

Пишу это, никак не идеализируя сам этот безжалостный к другим, как и к себе, народ, к которому принадлежу фактом своего рождения, местом пребывания и судьбой.

Последнее его историческое деяние, на которое ушли его остальные силы, выразилось в свержении 300-летней монархии и свержении большевистского переворота – как ни относить, а катаклизм мирового значения, повлиявший на все человечество. На этом смысл его исторического существования сошел на нет, и великий прежде народ перешел в растительную ипостась, стал овощ. Только не надо мне про народные подвиги в Великую Отечественную, про ядрену Бонбу, спутники и свет очей наших Юрия Гагарина за счет дикого перенапряга физических сил народа. Не только титульного, но всего советского народа, давно уже этнически неразличимого: Ау, русские? Нет отЪВа. Пусть поэт ошибся на несколько десятилетий, но в целом его характеристика приемлема:

*Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..*

Ну да, почил, а что? Зависит ли от этого счастье народное или индивидуальное – либо исключительно политические амбиции верховных вождей? Ну, например, борьба России и Польши за Украину. И не только за Украину. В некотором смысле это был порочный исторический круг. Рискну сказать, что одинаково сизифовыми были и регулярные польские восстания против русских и ставшие рутинными русские их подавления. Это было фатально обреченное противоборство, и вечный девиз польских патриотов

«Еще Полска не сгинела!» наталкивался на вечный инстинкт самосохранения сначала русской, а потом советской империи. «Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее. Следовательно, силою ничего окончательного сделать нельзя, – писал в своем дневнике во время антирусского восстания 1831 года князь Петр Вяземский, не захваченный тогда патриотической истерией, в отличие от тех же Пушкина и Жуковского. – При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русско-го часового при каждом поляке».

Поляки – единственный из вассальных у российско-советской империи народов, с которым у русских несколько столетий кряду шла упорная борьба за политическое господство. Где-то на рубеже XVI-XVII веков у России и Польши были равные шансы для создания великой империи. Пожалуй, у Польши поначалу даже бóльшие, предпочтительней: Уния с Литвой, Речь Посполита, имперские амбиции Стефана Батория, успешное поначалу соперничество с русскими из-за той же Украины, вплоть до захвата русской столицы и русского престола польским ставленником Лже-Дмитрием, мнимым отпрыском Ивана Грозного. На узкой исторической тропинке этим народам ну никак было не разойтись мирно, как Эдипу с Лаем – кто-то должен быть взят верх, а кто-то уступить: стать империей или стать колонией. Иначе говоря, у России вроде бы и не было иного исторического выбора как превратиться в империю – в противном случае она бы оказалась одной из польских провинций. Ну, несколькими.

Да, Россия одолела Польшу, что привело к ее разделу и исчезновению с политической карты как самостоятельной государственной единицы. Нет, я сейчас не о том, что Польша в конце концов государственно восстановилась и сейчас одна из самых перспективных стран Европы как с экономической, так и с военной точки зрения, надежный член НАТО да еще строит искусственный фортификационный остров супротив Калининграда – с оборонными или реваншистскими намерениями? Да и Украина, перестав быть окраиной Российской империи, очевидно, не простит своему северному соседу аннексий, войн и провокаций и опять-таки попытается взять территориальный и политический реванш – еще неизвестно, что для России хуже, что катастрофичнее для самого ее существования.

Вернемся, однако, к хрестоматийному четверостишию Некрасова. Мы застряли на предсказанной им потере Россией своей исторической сверхфункции, однако не менее важно метафорическое определение поэтом того, что народ в пассионарный, созидательный период совершил – «создал песню, подобную стону». Как это понимать? По-пушкински?

*Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!*

Или всё-таки в переносном смысле, расширительно, метафорически, игнорируя эмоциональные нюансы, на которые у нас, русских, нет пальцев?

При всем уважении к культурным достижениям вассальных народов, они не идут ни в какое сравнение с теми историческими прорывами, которые свершила страна – сюзерен и гегемон. Именно в имперский период, когда наш Город был столицей империи и происходил чудовищный перерасход народной энергии, зато какие всходы! Навскидку одни имена: Толстой, Достоевский, Чайковский, Мусоргский, Шостакович, Прокофьев, Стравинский, Дягилев, Баланчин, Шагал, Малевич, Кандинский, Менделеев. А наши нобели, главный показатель духовного уровня страны – от Павлова и Мечникова до Капицы и Ландау. С евреями, конечно, не сравнить, они впереди планеты всей, но сколько среди этих еврейских нобелиантов русского происхождения! Да и помимо евреев и нобелевцев такие основоположники, как Сикорский и Зворыкин! Дело тут не в гордости, а в принадлежности к империи, почему тот же Бродский был принципиальным и инстинктивным имперцем, доводя это чувство имперского превосходства до ксенофобии, которая была частью его мизантропии и наиболее четко выразилась в его страстном антихохлатском стихе. «Не было гроша, да вдруг алтын», возрадовались крымнашисты, а его друг Томас Венцлова нашел стих азартным, но присовокупил: «А слабо тебе, Иосиф, прочесть его на киевском стадионе?»

Хоть и младше ИБ всего на пару лет, но с миром державным

я был лишь младенчески связан, повторю вослед любимому моему поэту прошлого века. Скорее эстетская, пассаистская, акмеистическая прививка, и легким этим заболеванием я пытался заразить в наших прогулках по Городу двух моих юных друзей. Однако моей нимфоманке было ни до чего именно по этой причине, а он мотал на ус не совсем то, что я пытался ему внушить: совсем не то. Ну да, нам не дано предугадать, вот мое слово и отозвалось в нем таким своеобразным образом и дало диковинный сначала идеологический, а потом политический всход в каденцию его губернаторства. Уж коли пошли стихи, то вот еще четверостишие, в котором поэт сделал сознательную ошибку, приписав Гегелю слова Шлегеля – кого из братьев? – дабы цитата прошла. Потому как все Шлегели, включая их сестру, были идеалистами и мистиками, а Гегель признан в качестве одной из трех предтеч марксизма, пусть даже мы диалектику учили не по Гегелю – привет Владимиру Владимировичу, который пустил себе пулю в голову, а вы о ком подумали?

*Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад,
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад.*

Шлегель, Гегель, Гоголь, Бабель, Бебель, да хоть Роза Люксембург – разве дело в авторстве и копирайте? Вся фишка в том, что пророк, предсказывающий назад, склонен к ошибкам ничуть не меньше, чем историк будущего. Моя ошибка в оба направления. Ну, само собой, государственная и народная история движутся за редчайшими исключениями в параллель, не пересекаясь и даже не соприкасаясь. А имперские вспрыскивания нацидлера или нашего Губера в народное – инородное – тело не в коня корм, пусть не тешатся. Народ наш, и без того не принадлежа к самым искренним и правдивым на земле, тут и вовсе изолгался на корню в этой экстремальной, двуличной и чреватой ситуации, навсегда распрощавшись с невинностью и чистотой, если когда и обладал ими, в чем сомневаюсь, сужу по себе.

Однако именно в имперский период, обозначенный именем нашего когда-то великого, а теперь захоластного Города, когда он был

столицей империи, в его недрах возникла великая культура, начиная с Ломоносова и Державина, пока Город не исчерпал свое историческое значение, столица была перенесена в Москву, а отдельные индивидуальные вспышки относятся к числителю, который никак не был поддержан знаменателем. Город впал в прострацию, упадок и ничтожество, и моя попытка восстановить его былую славу и историческое значение кончилась самым плачевным образом, в чем нет моей вины – и есть моя вина.

Зловещее предзнаменование еще петровских времен – Петербургу быть пусту – осуществлялось в прошлом веке с какой-то неукоснительной последовательностью, особенно во времена революций, войн, блокады и партийных чисток. Однако при последних кремлевских вождях опустошение города носило более, что ли, вегетарианский характер. Ну, во-первых, выдавливание из Города в столицу или за бугор самых талантливых, а то и просто энергичных индивидуумов и соответствующая замена их амебами. Ту же культуру взять – от поэзии до балета. В самом деле, подобной утечки балетных кадров, как Питере, в столице не было: Город покинули мировые звезды, типа Барышникова, Макаровой, Нуреева. А те, кто не покинули, какая паскудная судьба их ждала – того же Яacobсона, самого талантливого русского хореографа. О литературе уже обмолвился – ИБ оказался не ко двору и был выжат из Города и страны, как инородное тело общими усилиями профи-гебешников и добровольцев из писательского стана во главе с его антиподом, самой яркой посредственностью современной русской словесности – тоже еврей, но ливрейный, поэт на все времена с его сервильным стишком-девизом, переложенным на музыку:

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.*

Всё равно кто – чиновник или поэт, но их длительное существование в качестве подручных городской власти на службе разных господ привело к созданию особого биологического подвида, надежной опоры для нового Губера.

Тем не менее, в отличие от римского императора с лошадью-сенатором, он не зачислил в свой штат любимого пса, зато присвоил

генеральское звание своему телохранителю и назначил военным министром города, а своим замом сделал бывшего зава кондитерским отделом в Елисейском гастрономе, ни при ком другом тот не сделал бы такую блестящую вице-губернаторскую карьеру, был по-собачьи предан хозяину, а тот больше всего ценил в людях лояльность, которая, в свою очередь, определялась сюзеренно-вассальной зависимостью. Даже его массажисту нашлось место в его свите – он был брошен на интернетную контрпропаганду и создал целый институт хакеров и троллей в пригороде, подальше от людских глаз. *Agnosco fratrem*, будучи сам посредственностью, пусть и выдающейся? Даже по физическим параметрам – терпеть не мог высоких людей и его антураж по преимуществу состоял из низкорослых особей. И в этом отношении я был белой вороной среди его субординатов-лилипутьян.

Помню, в самом начале его головокружительного пути наверх я дал ему, смеха ради, американскую статью «In praise for the mediocrity», которую он воспринял на полном серьезе и защитную позицию перевел в агрессивную – апофеоз второ- и третьесортности. *Mediocrasy vs Meritocrasy*. Чтобы не разочаровываться, надо снизить планку – его мем, который он, однако, не относил к самому себе, а только к своим субординатам.

Опять-таки это я рассказал ему о современных клеротерианцах, которые отстаивали древнегреческую доктрину жеребьевки, противопоставляя ее выборной системе.

– В смысле, каждая кухарка может управлять государством? – свел он древний принцип к большевистскому, однако взял его на вооружение и при случае козырял этим греческим словом.

Честно, ливрейного еврея я ему подсунул, потому как сам был одно время увлечен его акмеистскими стихами во славу Города, пока до меня не дошло, что его простота хуже воровства, впрочем, воровство тоже имело место быть, тырил все, что плохо лежит по принципу «налево беру и направо», бесстыдно паразитируя на генеалогическом древе русской поэзии. Зато на Доменико Трезини он повелся, завелся, запал сам – в противоположность Жану Батисту Александру Леблону. Трезини стал для него знаковой, символической фигурой – по его инициативе трехсотлетие этого швейцарско-итальянца была отпраздновано с помпой, салютом и пальбой из

пушек с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости, к строительству которой архитектор руку приложил.

Пусть пример с натяжкой, но то, что ни с чем не ассоциируется, ни на что не похоже – не существует, да? Не факт. Наша история свидетельствует о противоположном: история без аналогий. Аналогии исчерпаны. В настоящем необязательно случается то, что происходило в прошлом. Беспрецедентный виток истории. Мы смирились с тем, что живем в антиутопии, которая прежде, до нас, считалась литературным жанром. Тогдашнее мое гайдство обернулось гадством, учитывая последствия. Вот почему место краеведа заступает не ландшафтовед и не этнограф, но антрополог: несмотря на многочисленные чистки, тотальное уничтожение целых страт населения, смертоносную блокаду, миграционные волны, полную смену одного населения другим, коренных горожан днем с огнем – несмотря на, а может отчасти поэтому Город можно и надо считать гомогенным, с определенным если не генотипом или архетипом, то кодом его народонаселенца, ибо в Городе была выведена особая порода людей, а мигранты быстро ею абсорбировались и в следующем поколении становились неотличны от аборигенов, тоже без году неделя. Ну да, плавильный котел – позаимствуем эту идиому из американского лексикона. Именно порода, на этом я настаиваю, а не национальность, как определяют свою целокупность патриоты этого трижды переименованного города, пользуясь клишированным анкетно-паспортным совкизмом. Мой соавтор Владимир Исаакович Соловьев нащупал этот наронаселенческий феномен – в отличие от москвичей, сибиряков и любых других русскоязычных страт, а мне предстоит – с его подсказа – сделать антропологическое открытие. Собственно, наша общая с ним цель – создать тройной психоаналитический портрет: деспота, Города и народа. И каждый этот портрет будет отчасти автопортретом – иначе как через себя, путем перевоплощения и отчуждения, умом Россию – тьфу, Город – не понять.

Прошу не относиться к моей обмолвке фрейдистски как к оцепятке и прочим парапраксисам и не искать в моем трактате аллегорий. Город есть Город, а Россия есть Россия. Даже живая речь у нас в Городе иная, чем по стране, тем более в столице – правильная, окультуренная, филологическая, классическая – одним словом, мертвова-

тая. Вплоть до таких, казалось бы, мелочей: парадный подъезд мы называем парадной, проездной билет – карточкой, ластик – резинкой, салки – пятнашками, белый хлеб – булкой, бордель – поебликом, а вместо «к нам сегодня придут Вова с Леной» – «к нам придут Соловьевы».

Что́ речь, даже быдло, главная опора нашего Губера и объект его патриотической и милитаристской пропаганды, у нас в Городе окультуренное, с претензией. Даром что ли столица русской провинции, которая стала кузницей кадров столицы официальной, а те там омосковились, почили на лаврах, коррумпировались и, сосредоточившись на распилах и откатах, стали невосприимчивы к национальным идеям, которые, однако, падали на благодатную почву в нашем историческом Городе и в люмпен-провинции, чьим богатством была бедность. Вот почему глухая поначалу оппозиция становилась всё более артикуляционной. И возглавлял ее наш Город, колыбель всех революций в стране, включая обе-две последние контрреволюции – сначала с переездом в Центр бюрократической элиты нашего Города, а теперь вот в самом Городе во главе с нашим Губером. *L'État, c'est moi*, но с русской поправкой. Да, воспринимал Город как свою вотчину, а в потенции, при росте его популистской популярности, и всю страну, отождествляя ее с самим собой: сакрализация власти. А потому допускал применение атомного оружия – с дюжину пусковых установок с ядерной начинкой были разбросаны по нашей области – не только в ответ, что не имело смысла, но и превентивно, если что угрожает самому существованию Города, то есть мне: меня можно уничтожить только со всем Городом. Вплоть до кончины мира: конец времен и прекращенье дней. Зачем мир без Города? зачем Город без меня? В противоположность альтруистскому девизу русского писателя-неудачника Да здравствует мир без меня! опять-таки французское бонмо *Après moi le deluge*.

Вот почему – забегая сюжетно вперед, а хронологически, наоборот, назад – с сообщением о его внезапной смерти власти, находясь в растерянности, припозднились, хотя никакой власти в Городе уже не было, да и сам Город-Государство под сомнением, потому как не только он с его вотчинным сознанием отождествлял Город, а потом и всю страну с самим собой, воспринимая ее с телеэкрана, но и

народонаселение, получая инфу из того же аудио-видео источника, не воспринимало Город и Государство иначе, как сквозь призму его восприятия. Чтобы Город в его приснопамятную эпоху подменил и подмял под себя всю страну? Не территориально, само собой, а политически, идеологически, психологически и антропологически. Вот я и говорю об особой породе людей, выведенной за несколько столетий существования Города.

Считать эту породу возрождением либо, наоборот, вырождением, изъяном, пороком, порчей русской нации – зависит от того, как посмотреть. Однако, как ни смотри, этой человеческой породе грозит не демографическая, но антропологическая катастрофа. И вопрос не как ее избежать, а возможно ли ее избежать? Вот где произошел раскол мнений. Не оптимисты и пессимисты, а идеалисты и фаталисты. Я принадлежал к первым, пока под давлением обстоятельств не перешел в противоположный стан. Еще не фаталист, но уже пессимист.

Самое поразительное, однако, что эти беспородные породистые, оторвавшись от родной почвы и оказавшись за пределами Города – в столице или в эмиграции – сохраняли свою особую породу, не сливаясь ни с титульными гражданами, ни с другими эмигре. Какие-то общие качества преобладали в них поверх индивидуальных, гендерных, этнических отличий. Торжество знаменателя над числителем. Даже при очень мощном числителе, как у Рыжего, который в изгнании, с истощением у него стихового дара (с возрастом, а не по причине отрыва от языковой альма-матер), проявил бойцовые, интриганские, заговорщицкие качества, став паханом русской литературной диаспоры. Аналогично – пахан нашего Города или пахан всей страны, если бы он им стал. Во всех трех случаях пацанство становится паханством: одна из черт обозначенной породы – не единственная. Само собой, дворняга такая же порода, пусть и беспородистая, как спаниель, питбуль, борзая и колли. С тем только существенным отличием, что дворняга – плод естественной любви, а не искусственной случки. К какому роду отнести породу наших горожан? В широком диапазоне от Путина и Бродского до Соловьева с Клепиковой, включая нашу тройку во главе с Губером, который герметически закупорил Город, превратив его в осажденную крепость. Не только метафорически, но и буквально: обнес город крепостной

стеной, а на воротах поставив заградительные отряды янычаров из своей личной гвардии – впуск и выпуск строго по пропускам. Спертый воздух, несмотря на ветры с Озера и с Залива. В самой акватории Финского залива заново укрепил супермодерным оружием Кронштадт и петровские форты, а пограничный Выборг превратил в неприступную цитадель.

Началось же все с той белоночной прогулки по нашему Некрополю со мной в качестве гида.

Начало было так далеко,

Так робок первый интерес.

– Васильевский остров – всё, что осталось от изначального царского замысла, – втолковывал я моим спутникам. – От Большой реки до Малой реки натянута, как леска, прочерченные по леблонной линейке улицы, так похожие друг на друга, что названы линиями и пронумерованы. Зато запах моря – единственное место в городе, где чувствуешь его присутствие.

Мы продвигались к Гавани, морской запах в самом деле бил в ноздрю, был волнительным, а то и возбуждательным. На кого как. Для нас с ней, но не для паренька из Нарвы, который вырос на берегу того же Финского залива.

– В двенадцати километрах от устья реки Нарвы, – пояснил он, догадавшись о моих мыслях.

– Всё, что пришлось мне пропустить, я вас прошу вообразить! – призвал к вниманию заправский гид, увлекшись собственным рассказом. – Или как сказано у того же автора в другой пьесе, воображение дорисует остальное. Мы сейчас не на Васильевском острове, а в Венеции. И шагаем не по улицам, а по набережным каналов, представьте себе. Которые должны были изрезать весь остров по плану великого Леблona. С той только разницей, что в отличие от тамошнего извилистого и запутанного лабиринта, здесь намечалось с помощью геометрически выверенных водных проспектов, пересеченных под прямыми углами тремя продольными магистралями, создать идеальную сетку равных квадратов – отражение безумно-бюрократической идеи замышленного императором идеального города-государства на месте русского хаоса. Città ideale.

– И почему каналы не прорыли, если был царский указ? – спро-

сил будущий градоначальник, которого уже тогда волновали не ведомые, а непослушание.

– Кто сказал, что не прорыли? Прорыли, а потом засыпали.

На волнах качался дедушка русского флота. Или это был макет знаменитого ботика? Сейчас уже не упомяну. Никто из них не задал мне ни одного вопроса – они ждали продолжения. Не стал их томить.

– Царь куда-то укатил – за границу или на войну, а курировать строительство поручил товарищу по детским играм, включая потешный флот, Меншикову. Вот тот и решил сэкономить на ширине каналов, зато выстроил себе на том же Васильевском острове, на берегу нашей главной реки, дворец, роскошный дворец, ни в какое сравнение не идущий со скромным царским домиком в Летнем саду. А когда царь вернулся, этот казнокрад обвинил Леблону в гидротехническом промахе – официальная наша наука поддерживает меншиковскую версию до сих пор. Короче, узкие каналы оказались абсолютно непригодны для судов – а были задуманы именно для водного транспорта – обмелели, засорились, дурно пахли и были зарыты, ибо «от них происходил дух вредительный здоровью». При странных обстоятельствах Леблон неожиданно умер – нет, не новичок и не полоний, но все равно подозрительно! – прокливаемый современниками и потомками за отрыв от реальности, которая существовала до него и помимо него и имела собственные тенденции к развитию.

По памяти, но близко к тексту цитирую современных исследователей. После этой мгновенной Икаровой судьбы Леблону на архитектурном небосклоне восходит заурядная, но заслонившая в конце концов весь небосвод звезда Доменико Трезини. Это чисто местное, чтобы не сказать местечковое явление – не только конкретно Трезини, но сам принцип подмены таланта посредственностью. Явление не случайное, но типическое. Талант у нас не к месту – последний пример судьба Рыжего, который был выдавлен из Города путем отторжения не только властями, но и коллегами во главе с помянутым, хоть и неназванным пиитом. Вот почему отвал за бугор из нашего Города в разы выше, чем по стране, а тем более из столицы. Леблон и Трезини – наглядная иллюстрация: практическое значение каждого из них обратно пропорционально Б-гом данному таланту тому

и другому. Инженерная серость, как и любая другая, становится в нашем кладбищенском городе первой величиной. В этом контексте мой выдвиженец стал идеальным Губером – нет, не мертвого, но мертворожденного Города. Город мертвяков, в котором живой кажется истериком и психопатом. Город умирал неправдоподобно долго – с рождения. Как и пророчествовали добрые феи у его колыбели: быть городу пусту.

А кончилось та наша ознакомительная прогулка ночным заплывом с пляжа Петропавловской крепости. Гольшом – понятно, по чьей инициативе. Он колебался, она сама стянула с него трусы. Стыд? Если стыд, то впрок – чтобы не снизить будущий имидж и не оказаться в роли голого короля до того еще, как он станет королем. Зато он первым бросился в воду. Типа необъявленного соревнования, которому я – в отличие от него – не придавал значения, хотя поначалу вырвался вперед, но все время беспокойно оглядывался на мою девушку, которая поотстала от нас. И тут мимо меня, как метеор, пронесся наш будущий Губер. По натуре я спринтер – еще одна причина, почему я потерял всякий интерес к состязанию и вернулся к моей дрожащей девочке. Вышли на берег, было прохладно, оделись и вглядывались вдаль, но его и след простыл. Прошло, наверное, около часа, а его всё не было. Мы беспокоились, хотя по разным причинам. Теперь я думаю, что лучше бы он тогда утонул. Лучше не только для всех нас, но и для него. Альтернативная реальность – что бы тогда случилось с Городом? Как не ко времени сменились времена Леонида Либкинда – вот стих, который я предпочитаю Временам, которые не выбирают.

Не тогда ли пришла ему в голову идея крещенских купаний, последнее из которых, возможно, и свело его в могилу, когда он схватил двустороннее воспаление легких (один из вариантов)? Став Губером, он регулярно, рутинно и прилюдно, с синхронным показом по ящику, участвовал в праздновании Крещения Господня в качестве моржа у Петропавловки, демонстрируя граду и миру свой молодежавый безволосый торс. Почти голый – в модных, в обтяжку, итальянских плавках, которые ему подарил в комплекте других спортивных аксессуаров Понтифик во время их церемониальной встречи в Ватикане. Скинув на руки телохранителей японский с огнедышащим драконом халат и перекрестившись, он бросался вниз головой в

прорубь и не сразу выныривал, вселяя беспокойство в сердца одних и надежду в сердца других. Его выход из воды торжественно отмечался пальбой из пушек с Нарышкина бастиона.

В тот последний раз у него на лице была гримаса отвращения и обреченности, но он выполнил весь ритуал без запинки, хотя вынырнул быстрее, чем прежде, хватая открытым ртом ледяной воздух, как рыба. Он и похож был на рыбу, даром что ли его прозвали Воблоглазый. Вид у него был жалкий, и его было жалко – такое ощущение, что и ему самому. И то сказать в ту ночь мороз стоял крещенский. Беря реванш, на следующий день он появился как ни в чем не бывало, свежий, как огурчик с пупырышками, на церемонии на Марсовом поле, которую показывали все городские телеканалы, а выборочно, фрагментами – и на всю страну. Пронесло, думали многие – и те, кто опасался за его жизнь, и те, кто желал ему смерти. С тех пор, однако, он надолго исчез вплоть до появления сообщений о его безвременной кончине.

Вы жили когда-нибудь в нашем Городе? Нет, не пару дней или неделю, а хотя бы год, не говоря про ПМЖ? А на кладбище ночью ходить боитесь? Так вот, это одно и то же – ночью ходить на кладбище и жить в Городе. И дело здесь не только в гебистах, которых на душу населения по сравнению с московской нормой и в самом деле преизбыточно: Deep State. Но я так думаю, что это с самого начала начал нашего Града повелось. Жители привыкли и другого не представляют, а кто вырвался, тоскуют и ностальгируют, как Шильонский узник по тюрьме. Вот письма этой ностальгички из Амстердама...

Годы спустя я возобновил свои экскурсии по Городу. На этот раз моим спутником был его сын.

Владимир Соловьев – русско-американский писатель, эссеист, журналист, мемуарист и политолог. В одиночку и в тандеме с Еленой Клепиковой напечатал сотни статей в престижных СМИ по обе стороны океана – от «New York Times» и «Wall Street Journal» до «Московского комсомольца» и «Независимой газеты», и издал немало книг. Среди них «Yuri Andropov: A Secret Passage Into the Kremlin», «Inside the Kremlin», «Boris Yeltsin: Political Metamorphoses», «The Paradoxes of Russian Fascism».

Острые и парадоксальные, на грани фола, произведения Владимира Соловьева – такие, как написанная еще в России горячая исповедь «Три еврея», роман-биография «Post mortem. Запретная книга о Бродском» и исторический роман о современности «Семейные тайны» – неизменно вызывают шквальную полемику в среде читающей публики.

В последние три года выпустил в Москве десять книг, включая мемуарно-исследовательское пятикнижие «Памяти живых и мертвых», предсказательную книгу о Трампе задолго до его победы на выборах и «США – pro et contra. Глазами русских американцев».

Постоянный автор журнала «Времена».

ЭД ПОБУЖАНСКИЙ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Простор

Чем дальше в лес, тем ниже солнце,
А на краю вселенской тьмы
Стоят вплотную мачты-сосны
И ловят космоса шумы.

В НИИ сидит учёный мрачный,
Пред ним приборов арсенал,
Но не они, а эти мачты
Из бездны выловят сигнал.

А на другом краю вселенной
Мальчишка руки распротёр,
Чтоб тонким телом, как антенной,
Принять мерцающий простор.

Гёте

Мы все под Богом, да бес под боком:
Следит за мною лукавым оком.
К столу подходит, стучит копытом:
«Сгоняй за водкой, пока открыто!»
А то, бывает, нашепчет в ухо:
«Твоя-то краля совсем старуха!»
А я: «Ну, черти, ну вы даёте!» –
И в харю томом
Иоганна Гёте!

Мураками

В студенческой общаге нашей
Был заведён режим монаший.

В любой сестре-филологине
Я видел признаки богини.

Я тенью шёл за ними в келью,
Чтоб на ночь почитать Коэльо.

И брал их голыми руками
Вдвоём с Харуки Мураками.

О, скольких помнят эти руки!..
Теперь уже не тот Харуки.

Поэт

Хомо поэтикус выйдет из дома –
Так, как выходят наружу из комы:
Морщась от шума и щурясь от света,
Не узнавая ни лиц, ни предметов.

Хомо поэтикус выйдет за небом —
Так, как выходят за водкой и хлебом.
Выйдет вдохнуть этой выси и сини...
Впрочем, и водки купить в магазине.

Сколько в поэте подённого флуда?
Если брать брутто, немало как будто,
Но остаётся же главное – нетто,
Что нашептал ему призранный Некто.

Литературное

Свой век мотаю от и до,
От Грина до Довлатова,
И можно выйти по УДО –
Но лишь в окно с девятого.

А у рабочего стола
Стоит герой лирический,
Ему что стопка, что стопа –
Вставляет неямбически.

Он, может, ангел во плоти,
Да смотрит чёртом вражеским.
Прости, я занят до пяти,
А после – покуражимся!

Разговор

Я начал разговаривать с котом.
И с радио. А что потом, Алиса*?
Покрыться мхом и снулым стариком
Поглядывать в окно с тоскою кислой?

Я начал разговаривать с собой.
И рад бы пошутить над этим, рад бы...
Но вышел разговор как ближний бой –
На расстоянье вытянутой правды.

Я начал разговаривать с отцом.
Мы были с ним полжизни не враги ли...
И вот я тут. Седой. С его лицом.
Реву и рву пустырник на могиле.

* Алиса – голосовой помощник Яндексa.

Пуговицы

«Вы, русские, всегда всё усложняете, –
вздыхнул чешский поэт и переводчик,
закрывая мою книгу. –
Кому сейчас нужны рифмованные стихи?
Разве что детям!
Рифмы сегодня так же нелепы,
как пуговицы на голом теле!..»
Я промолчал.
Мне было неловко признаться,
что в детстве,
когда я приезжал на лето
к бабушке,
то любил перебирать
разноцветные пуговицы
в жестяной коробке.
Перламутровые, деревянные, стальные,
разных форм и цветов —
они казались мне настоящим
сокровищем!
Я даже хотел стащить одну —
жёлтую пуговицу со звездой, —
чтобы выменять её
на рогатку...
А когда мы с дружкой Сашкой
убегали на озеро,
то возвращались домой
только под вечер,
когда июньское солнце
закатывалось за горизонт,
словно большая
красная пуговица.

Подлодка

Когда я остался один,
Бедой захлебнувшись, как водкой,
Твой дом из кромешных глубин
Поднялся подводною лодкой.

Тяжёлые воды беды
Затянуты тиною чёрной,
И я, как буёк, из воды –
Торчал головою никчёмной.

Но был я внезапно спасён
И выжил в твоей субмарине,
Где были и сон, и Бессон,
И даже немного мартини.

Триллер

Триллер пахнет попкорном и пивом
И остатками жизни с изнанки,
Где фон Триер в ботфортах игриво
Входит в сон пожилой нимфоманки.

Мы живём как в смертельном угаре,
Шутки плоски, прозренья недолги,
А в каком-нибудь старом ангаре
Ждёт актёров несыгранный «Догвилль».

За углом не маньяк или киллер,
А весёлый Альцгеймер в каталке.
Вот на титрах закончится триллер,
И фон Триер изучит останки.

Сны

Мобильника бойкая трель
Ударит отчаянно в руку.
Ну вот и исчерпана треть
От месячной нормы друг друга.
Любовь эта с двух до восьми
Нам светит, как солнце в Палермо,
Но сны – непечатные СМИ –
Считают иначе, наверно.

Эд Побужанский родился в г.Черновцы (Украина). Детство и юность провёл в г. Единцы на севере Молдавии. Окончил школу с золотой медалью. Служил в армии. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького.

Автор поэтических книг «Светосплетенья» (1992), «От мира сего» (1993), «Ересь» (2012) и «Между слов» (2018). Стихи публиковались в журналах «Москва», «Крещатик», «Плавучий мост», «Слово/Word», «Новый Свет», «Алтай», «Дальний Восток» и др., были переведены на румынский, украинский, чешский, армянский и английский языки. Член Союза писателей России.

Основатель и главный редактор издательства «Образ». Живёт в Москве.

Валерий СКОБЛО

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В 37-м стубили чуть менее миллиона,
 в коллективизацию – миллионов семь.
 В войну – миллионов тридцать...
 Но Сталин ни при чем здесь совсем.

Впрочем, и к предыдущему
 он совсем ни при чем –
 И не смейте-не смейте-не смейте
 его называть палачом!

Это такая железная логика,
 что хоть жги, хоть на кол сажай:
 ...А не нравится – вали отсюдова,
 из нашей страны уезжай!

А почему она, собственно, ваша
 и почему сталинист – патриот?
 Никто обсуждать не станет
 у лагерных крепких ворот.

Коллекционная серия

Медали, блин, из серебра,
 А сверху позолочены!
 И с ликом Сталина – ура!
 Без всякой червоточины.

Пусть собиратели страны,
 Пополнивши коллекции,

Спокойно ночью видят сны.
Зачем им чьи-то лекции?

Зачем нам знать кровавый счет?
«Вчера» прошло навеки.
Другая «вертикаль» придет,
Другие псы и зэки.

Нет, мы не жаждем перемен –
Стабильность – наше знамя!
Страна опять встает с колен...
На четвереньки – с нами.

.....
Медали, блин, из серебра,
А сверху позолочены!
И с ликом Сталина – ура!
...И звонкий звук пощечины.

Еврейский мотив

Я помню всё: мы кочевали со скотом
И мелкой живностью по землям Палестины...
Я помню куст горящий... и о том,
Как фараоновы бичи полосовали спины.

Я помню их: дворцы и города...
Свобода, рабство, царская корона...
Но в памяти моей – на равных навсегда –
И вавилонский плен, и храмы Соломона.

Я помню, как мечи гонителей остры.
И на кого ты нас оставил, Боже? –
Мы не спросили. Помню всё: костры...
Испанию покинутую тоже.

Я помню всё: и песни матерей –
 Напев их вечный грустен и беспечен.
 ...Всё ближе к нам: погромы у дверей,
 Навет кровавый и позор местечек.

Двадцатый век – совсем задуть свечу...
 И больше, чем сказать: на сердце жутко.
 Но дальше – нет... я помнить не хочу...
 Прошу, Господь, лиши меня рассудка!

Посылают на томографию, предполагая
 Онкологию... прерывая обыденное бытие.
 Жизнь не кончается... Чувствуешь: есть и другая –
 Громыхает томограф, намекая явственно на нее.

Запертый в тесной трубе, точно библейский Иона,
 Отсчитывая под грохот томографа свои полчаса,
 В эту, другую, спускаешься, точно со склона,
 Оставив в лихом аппарате на память свои телеса.

Эти тьма и стук нестерпимый – прообразы ада?
 Или это чистилище?.. не решусь намекнуть вам на рай.
 После всего – заключения даже не надо.
 Не улизнешь – в руки суют: Оплатил МРТ – забирай!

Славь медицину за модный наиновейший метод!
 Думаешь, ты совсем распрощался с клиникой...
 жуткой трубой?..

Врач улыбнется: Не на этот раз... не на этот... –
 Глядя в спину тебе...
 предполагая встречу еще с тобой.

Постригшись налысо, что думать о голове?
Чудовищный вид отпугивает прохожих.
И в этом смысле вполне доверяй молве,
Что, мол, встречают и провожают по роже.

При таком раскладе ни потерять, ни найти.
Таким всегда достаются одни горбушки.
Чисто по жизни – такому, как ты, по пути
Разве что с вышедшим только что из психушки.

Вот ты ему объясняй, что же имел в виду:
Перепутал... не понял, что на «гражданке»?
Падай и поднимайся... снова скользи на льду,
Но и в тепле никогда не снимай ушанки.

Е.Ш.

В далеком Сан-Хосе под Сан-Франциско
Приятель жил... Он и сейчас живет
На том краю земли... О, да – неблизко,
А впрочем – меньше суток... самолет.

Приятель – бывший, выразимся точно,
Мы раздружились – вот и все дела,
И кто из нас обижен не нарочно,
Не разберешься – жизнь почти прошла.

За эти восемь лет чего со мною...
А, впрочем, ведь и с ним наверняка.
Не мучаюсь я этою виною,
Но это грустно... скажем так: слегка.

История и нас коснулась краем,
Судьбу скрывая, как пейзаж в дыму...
Какой урок из жизни извлекаем? –
А никакой... не учит ничему.

Кем я уж точно не был – ангелом во плоти.
Впрочем, и дьяволом не был, я очень надеюсь, тоже.
Все женщины подразумевали: сначала плати!
Я не деньгами платил... что всегда обходилось дороже.

И на сегодняшний день я подвожу итог:
Не сходятся дебет с кредитом – что за фигня такая?
Ни к себе, ни к другим не был по жизни особо строг,
А список претензий возник, угрожающе нарастая.

Поскольку наша Нева впадает
уж отнюдь не в Бискайский залив,
В дальней северной нашей области
краток будь, сдержан и молчалив.

А горячий взрывной характер
уместен в совсем уж иных местах.
На кой ляд сдались тебе акции, демонстрации...
эти пылкие возгласы: ох и ах!

Ну, не нравятся американцы –
зачем грозить им пуском ракет?
Лучше забей на ихний Виндоуз,
и вообще гребаный Интернет.

В нашем суровом климате
не теряй рассуждений тонкую нить:

Прикинь, не любви тебе трансвеститы –
так стоит ли к ним подходить?

И обличать в Фейсбуке не стоит,
не стоит вовсе иметь дела.
К спору с геями и лесбиянками
что за дурь тебя привела?

Что за блажь? У тебя все в порядке:
кто побил тебя, кто обокрал?..
И чего тебе, в сущности, надобно,
коль гетеро- ты сексуал?

На ветру, в метели и в сырости
так продрогнешь... измаешься весь...
Нет, дошли бы сюда апостолы,
и они бы сказали: Не лезь!

Никогда не пиши по инерции,
не пишется – и фиг с ним.
То ощущение утренней свежести,
может, так сохраним?

Ведь не пишут же тополя и ясени,
ласточки и стрижи,
Маки, тюльпаны, нарциссы...
а как же свежи.

Не фиксируй ты обязательно
то, что просится из души,
Ни к чему здесь ручки, компьютеры
и бумага-карандаши.

Разве так уж это и тягостно,
ощущать свою немоту?
А пиши – бог с тобой, болезный –
если совсем уж немоту.

Валерий Скобло – поэт, прозаик, публицист. Родился в 1947 г. Окончил ЛГУ. Работал научным сотрудником в ЦНИИ «Электроприбор». Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики.

Сборники стихов «Взгляд в темноту» (СПб, 1992), «Записки вашего современника» (СПб, 2011), «О воде и воле» (СПб, 2015), «За тайной печатью» (СПб, 2017). Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

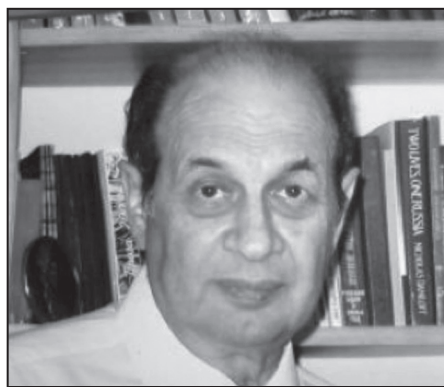
Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Украина, Финляндия, Франция, Эстония и др.) литературной периодике.

Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (Хельсинки, 2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А.А. Ахматовой (СПб, 2015).

Живет в Санкт-Петербурге.

Сергей ЕСИН – Семен РЕЗНИК

ЧЕРЕЗ ОКЕАН*

Путем взаимной переписки

Предупреждение одного из авторов

Я долго думал над тем, имею ли право ставить на обложку этой книги имя Сергея Есина, чем как бы напрашиваюсь к нему в соавторы. Согласия на это Сергей Николаевич мне не давал, а теперь уже его не спросишь. Но выпустить только под своим именем книгу, добрая половина которой написана Есиным, я не могу, потому из двух «зол» выбрал меньшее.

Оправданием мне может служить уверенность в том, что Сергей Николаевич не возражал бы против публикации нашей переписки. Порукой тому могут служить тома его Дневников, которые он отважно издавал при жизни, ничего не утаивая, а также книга: Сергей Есин – Марк Авербух. Случайная закономерность: Межконтинентальные разговоры (М., «Терра», 2009), которая составлена из

* фрагменты книги.

переписки Сергея Есина с его американским другом Марком Авербухом. В его дневнике есть и прямое указание на то, что наша переписка вполне может стать совместной книгой.

Когда переписка Есина с Авербухом вышла в свет, я не был знаком с Сергеем Николаевичем. Наша переписка, а затем и личное знакомство начались двумя годами позже, при посредничестве Марка, которому я за это очень признателен.

Доминирующий предмет обсуждения в письмах Сергея Есина ко мне и моих к нему – литературные произведения, которыми мы обменивались, и литературная среда, в которой жили. Сергей Николаевич щедро дарил мне свои книги, я пытался не отставать, но производительность у писателя Сергея Есина была значительно большей, чем у меня.

Получая от него объемистые тома, я чаще отвечал куда более скромными подношениями, «пристегивая» их к своим электронным письмам.

Сергей Николаевич очень живо и конкретно откликался на мои «пристежки». Их тоже пришлось включить в книгу – без этого смысл писем был бы значительно обеднен. То же касается фрагментов из произведений Есина, на которые откликался я.

Отчетливо сознаю, что подбор фрагментов из произведений Есина, которые вошли в эту книгу, субъективен. Следовало бы поместить обсуждаемые произведения Есина целиком, но тогда объем книги разросся бы до невероятных размеров – в несколько толстых томов. Вполне вероятно, что Сергей Николаевич выбрал бы иные фрагменты, но он уже этого сделать не может, так что читателю придется довольствоваться тем, что отобраано мною. Впрочем, к каждому фрагменту дана библиографическая справка, так что при желании читатель может без труда найти обсуждаемое произведение.

Независимо от того, как я сегодня отношусь к тем или иным высказываниям С.Н. Есина и моим собственным, смысловых правок в текст писем не вносилось. Так что публикуемые письма вполне аутентичны оригиналам.

Семен Резник

НЕУЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Памяти Сергея Есина [1]

С большим (полугодовым) опозданием я узнал о кончине известного писателя, ученого-литературоведа, профессора и многолетнего ректора Литературного Института им. А.М. Горького (1992-2006) Сергея Николаевича Есина.

Мы виделись за месяц до его неожиданного ухода, в Москве, куда я был приглашен в связи с Вавиловскими юбилейными торжествами и выходом в свет моей книги «Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время» (М., «Захаров, 2017).

Сергей Николаевич был и выступил на презентации моей книги в Тимирязевской Академии. А на следующий день принимал нас с женой в своей прекрасной, по московским стандартам, квартире, в одном из лучших районов Москвы, в двух кварталах от станции метро «Университет». Все комнаты в огромной квартире были заставлены набитыми до отказа книжными шкафами. Книги лежали стопками на столах, стульях, креслах... Мы пировали в узком кругу, по-свойски, за кухонным столом. Кроме нас троих, был ученик и коллега Сергея Николаевича по Литературному институту, профессор Сергей Петрович Толкачев.

Сергей Николаевич угощал нас тыквенным супом собственного изготовления и другими вкусностями. Он умел и любил готовить. И получал явное удовольствие, видя, как гости уплетают шедевры его кулинарного искусства.

Хотя кулинаром он стал не от хорошей жизни.

На заре своей юности, будучи начинающим журналистом и работая в редакции газеты «Московский комсомолец», Сергей Есин особо отличил сотрудницу той же редакции Валентину Иванову – талантливую журналистку, у которой, по его собственным словам, он многому научился. Валентина Сергеевна Иванова стала позднее ведущим российским киноведом.

Они сошлись – не столько характерами, сколько общими интересами. Совместная жизнь супругов не была безоблачной. Горячие споры нередко переходили в столкновения, что привело к разрыву и разводу. Пять лет ушло на то, чтобы оба поняли, что не могут жить друг без друга. Они снова сошлись и были по-настоящему счастли-

вы, пока судьба не обрушила на них страшную беду. На Валентину Сергеевну навалилась тяжелая, неизлечимая болезнь: ей отказали почки. По многу часов, три раза в неделю ее увозили в больницу, где кровь очищали от шлаков сеансы диализа – болезненные, выматывающие все силы... Встречи с киноактерами и режиссерами, посещения киностудий, горячие обсуждения, поездки на кинофестивали, даже на дачу – всё это ушло в прошлое...

Передо мною лежит книга, единственная в своем роде, составленная Сергеем Есиным уже после кончины его супруги.

На обложке крупным планом очень привлекательное, задумчивое женское лицо и под ним одно слово **ВАЛЕНТИНА**.

На титульном листе: **Сергей Есин. ЕЕ ДНИ...**

Подзаголовок уточняет: «В книгу включена повесть Валентины Ивановой “Болезнь”, в 2008 году опубликованная в журнале “Новый мир”». [2]

Ниже дарственная надпись:

«С.Е. Резнику – дорогой Семен, горьковатая это книга. С.Е.»

Повесть Валентины Ивановой «Болезнь», потрясая читателей поразительной открытостью автора, просветившего, словно рентгеном, самые таинственные закоулки души человека, обреченного на повседневные страдания и близкую неминуемую кончину, обрамлена исповедальными страницами ее мужа, выписками из его дневников, воспоминаниями коллег, друзей, знакомых... Завершает повесть единственное в своем роде интервью Валентины Ивановой с собственным мужем, в котором она допытывается: как живет ему, такому неукротимо-деятельному человеку, писателю, профессору, ректору, участнику всевозможных комиссий, комитетов, фестивалей, – как ему живет с нею, отрезанной болезнью от мира, замкнутой на себя, беспомощной, одинокой, наполненной черной тоской, которую она выплескивает на мужа, когда он приходит домой после предельно напряженного дня... [3]

Книга не горьковатая, а очень и очень горькая!

И – полная оптимизма.

Потому что эта книга не о болезни. Она о мужестве. О верности. О любви.

... С Сергеем Николаевичем Есиным я познакомился уже после смерти Валентины Сергеевны, через нашего общего друга Марка Авербуха, который послал ему две мои книги: «Непредсказуемое прошлое» и «Запятнанный Даль» (обе вышли в 2010 г.). Зная, как Сергей Есин завален повседневными обязанностями, а сверх того – книгами и рукописями разных авторов, жаждущих его авторитетного отзыва на свои творения, я полагал, что до моих книг он доберется нескоро. Однако он сразу же их прочитал и прислал очень теплое письмо.

Так завязалась наша переписка. Она не была интенсивной, прерывалась на многие месяцы, но сейчас, когда я ее просмотрел, то увидел, что она значительно содержательнее, чем я сам ожидал.

Встретились мы в 2011 году, когда я был в Москве, вскоре после выхода в свет моей книги «Сквозь чад и фимиам», изданной под эгидой Московского бюро по правам человека [4]. Директор Бюро Александр Брод организовал обсуждение книги в Общественной палате РФ. На то время, на которое было назначено обсуждение, у Есина в Литинституте был назначен семинар. Он его отменил, пришел на обсуждение и выступил одним из первых. Его выступление было коротким, но очень содержательным.

В те же дни я был у Есина дома и испытал на себе его щедрое хлебосольство. Заочное знакомство перешло в личную дружбу.

У меня на полке 20 книг Сергея Есина. Одна из них, написанная совместно с Марком Авербухом, подарена Марком, остальные – самим Сергеем Николаевичем. Последний щедрый подарок привезен нами из Москвы: его пятитомное собрание сочинений. Некоторые из романов, включенных в пятитомник, как «Имитатор», «Марбург», я читал раньше, другие прочитал впервые. Всего в пятитомнике 14 романов – малая доля им написанного.

И вот мы увиделись! Разговор был таким живым и интересным, что мы с женой допустили непростительную оплошность, о которой вспомнили, когда уже садились в такси: забыли все вместе сфотографироваться.

Перед отъездом из Москвы я позвонил Есину по его мобильному номеру, чтобы попрощаться. Он сказал несколько очень мне, как

автору, приятных слов о книге «Эта короткая жизнь» и сообщил, что говорит со мной из Екатеринбурга.

Мое последнее письмо Есину датировано 10 июня 2018 года. Я не знал, что он уже не сможет его прочитать.

Не получив ответа, я решился побеспокоить Сергея Петровича Толкачева, отыскав его визитную карточку в пачке карточек, привезенных из поездки в Россию. Ответ пришел незамедлительно: Сергей Николаевич Есин умер еще в декабре...

Неуемный был человек.

Мир праху его.

Примечания

[1] Эссе опубликовано в сетевом издании «Мастерская» от 6 июля 2018 г. (<http://club.berkovich-zametki.com/?p=39130>)

[2] Дата в подзаголовке указана ошибочно. Повесть Валентины Ивановой «Болезнь» была опубликована в «Новом мире» в 1998 г., № 11.

[3] Интервью Валентины Ивановой с Сергеем Есиным, включенное в книгу в качестве послесловия к ее повести, было впервые опубликовано в «Литературной газете» в 2001 г.

[4] Семен Резник. Сквозь чад и фимиам. Историко-документальная проза разных лет: События, портреты, полемика // М., Academia, 2010.

СЕМЕН РЕЗНИК – СЕРГЕЮ ЕСИНУ

17 февраля 2011 г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Извините, пожалуйста, что так задержался с ответом на Ваше столь теплое письмо. Снова убеждаюсь, что мы в одной лодке! Вы вспомнили, что первым дали на радио материал о Гумилеве, и я в связи с этим припомнил, как пристально мы здесь следили за событиями и, в частности, за тем, как трудно пробивалась правда о Гумилеве. И не только следили, но что-то пытались делать. «Огонек» тогда тоже осмелел, стал флагманом гласности. Вероятно, после Вашей передачи там появился большой очерк о Гумилеве Владимира

Карпова, тогдашнего Первого секретаря Союза Писателей. Я впился в эту статью, прочитал залпом. Написана она была очень крепко, добротнo, чувствовалось превосходное знание материала, то есть всей жизни Гумилева, понимание его творчества, места в истории поэзии, и всё было подано сжато, четко, без сюсюканья. Словом, превосходная статья. Хорошо помню промелькнувшую тогда мысль: откуда бы Карпову так хорошо владеть этим материалом. Но затмила эту мысль концовка статьи, прозвучавшая диссонансом к остальному тексту: два или три очень слюнявых абзаца о том, как-де трудно писать о Гумилеве, который был расстрелян по решению суда, потому реабилитировать его нельзя, но, учитывая заслуги, его следует помиловать. Посмертно – помиловать?! И о приговоре суда три или четыре раза в двадцати строчках.

Что это за приговор суда? Я биографией Гумилева не занимался, многого, что было в той статье, не знал, но о том, что Гумилев был расстрелян бессудно, мне было известно. Будучи очередной раз в Библиотеке Конгресса, я решил это перепроверить. Заказал тот самый номер «Петроградской Правды», на который ссылался Карпов, и прочел в ЗАГОЛОВКЕ: *«По решению Петроградской ЧК расстреляны следующие активные члены Петроградской боевой организации»*. Вот так – без всякого суда! В списке, под номером 30 – Гумилев. А всего расстрелянных 61. И каждая фамилия сопровождалась короткой справкой. Я внимательно изучил весь список – кого там только не было! Вплоть до старушек-домохозяек, хотя и пара бывших белых офицеров, оказавших при задержании сопротивление.

Посмотрел я всё это, также другие материалы и написал статью в «Новое русское слово» [1] – я тогда там регулярно печатался – об этой придуманной чекистами организации и о трусливом вранье Карпова.

А параллельно со мной, но совершенно независимо, на статью Карпова обратил внимание живший в Нью-Йорке поэт Борис Хургин (которого я никогда не знал). Он был более меня эрудирован в поэзии и сразу углядел, что статья Карпова – это статья не Карпова, а Глеба Струве, крупного литературоведа первой волны эмиграции, чьим биографическим очерком открывалось четырехтомное собрание сочинений Гумилева, изданное ИМКА-ПРЕСС. Карпов дословно переписал статью Струве, добавив от себя только ту жалкую

концовку! Обе статьи, то есть моя и Хургина, были напечатаны в НРС с разрывом в несколько дней. (В России, конечно, на нее никак не прореагировали, но Карпову, надо полагать, доложили). А потом еще попался мне странный, крайне сбивчивый материал в «Новом мире», написанный каким-то генералом, о деле Гумилева, якобы на основании его архивного дела, но там тоже все было запутано и перевернуто с ног на голову. Я послал письмо в редакцию, очень короткое, но получил ответ от Залыгина [2], который с пафосом сообщал, что перед журналом стоят великие задачи – вернуть советским читателям произведения классиков-эмигрантов [3], потому для моего письма у них нет места. Они-де привлекли внимание к делу Гумилева, а дальше им должны заниматься другие инстанции. Я ему на это ответил, что Гумилевым другие инстанции уже занимались. Но это, конечно, было в пользу бедных.

А что касается литературных премий, то в юности я смотрел на них как на знак качества, и старался читать все, что отмечено лауреатством. Но, повзрослев, стал ко всему этому относиться скептически, а еще позднее вывел чуть ли не закономерность: чем больше премий у писателя, тем меньше он писатель. Конечно, нет правил без исключений, но чаще всего это так. Был такой письменник от КГБ Н.Н. Яковлев, прославившийся тем, что, оклеветал А.Д. Сахарова и его жену, потом явился в Горький интервьюировать ссыльного Сахарова, а тот вlepил ему пощечину. Вероятно, Вы знаете, о ком я говорю, но может быть, не помните, что начало его карьеры было озаглавлено книгой «1 августа 1914 года», в которой он «объяснил» Февральскую революцию и поражение России в Первой мировой войне заговором масонов, за что получил премию Ленинского комсомола. [4] А есть еще поэт Валерий Хатюшин – его Вы тоже, видимо, знаете. Он «защищал» от моей русофобской клеветы В.И. Даля. В связи с этой «полемикой» мне пришлось познакомиться с некоторыми его стишками, из коих я понял, что это озлобленный на весь мир графоман, лишенный дара членораздельной речи: его вирши – это сплошное рычание. Но он лауреат премии Сергея Есенина – может быть, самого тонкого и прозрачного лирика во всей русской поэзии! [5] Ничем иным, как надругательством над памятью Есенина и вообще над поэзией, это не назовешь. Ну, да хватит об этом.

Вы уже вторично пишете о диссертательности моей книжечки о Дале и даже беретесь позондировать почву относительно защиты. Спасибо огромное, но вряд ли я займусь этим на старости лет. Должен Вам сказать, когда я закончил эту работу, то я сам писал кому-то, что это готовая диссертация, и будь я помоложе и честолюбивее, то, пожалуй, попытался бы защититься. Но теперь уже это, пожалуй, поздно.

Буду с большим нетерпением ждать Вашу книгу, сообщая свой почтовый адрес, а Вы сообщите свой.

Всего Вам доброго!

Ваш С.Р.

Примечания

[1] «Новое русское слово» (НРС) – старейшая ежедневная газета на русском языке, издававшаяся в Нью-Йорке.

[2] Сергей Павлович Залыгин (1913-2000) – писатель, в то время главный редактор журнала «Новый мир».

[3] Благодаря политике «гласности» в «Новом мире» и других журналах печаталось много произведений писателей-эмигрантов первой волны, которые ранее были запретными.

[4] Яковлев Николай Николаевич (1927-1996) – историк, тесно связанный с КГБ. Его книга «1 августа 1914» была опубликована в 1974 году и удостоилась премии Ленинского комсомола. В том же году была опубликована его статья-донос «Продавшийся и простак», в которой А.И. Солженицын представлен матерым предателем, продавшимся американским спецслужбам, а академик А.Д. Сахаров – наивным простаком, которого эти же спецслужбы используют втемную. Кульминация «творческой» деятельности Н.Н. Яковлева стала книга «ЦРУ против СССР» (1979; второе издание: М., «Правда», 1983). В ней Сахаров и его жена Елена Боннэр изображены уже матерыми, сознательными агентами ЦРУ. За оскорбление жены Сахаров и вlepил ему пощечину. Текст книги Н.Н. Яковлева выложен в интернете: <http://www.kulichki.com/moshkow/POLITOLOG/yakowlewnn.txt>

[5] В.В. Хатюшин – «русский поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, публицист. Лауреат Литературной премии им. Сергея Есенина (2001), а также Международных литературных премий им. М. А. Шолохова и А. П. Платонова (2007). Главный редактор журнала «Молодая гвардия»» (Википедия).

СЕРГЕЙ ЕСИН – СЕМЕНУ РЕЗНИКУ**4 марта 2011 г.**

Уважаемый Семен Ефимович! Уж больно было много дел и Вы, конечно, знаете, как приходится выкраивать время, чтобы и твоя собственная работа не стояла. Стоит. Идут дипломные работы, и многое в них меня раздражает, да в стране так интересно и весело, что не зафиксируй – убежит. Кстати, эта мысль – я только недавно, но во всем объеме внес ее в свой дневник – о совпадениях в восприятии, принадлежит немецкому лингвисту Виктору Клемпереру [1]. Я только что довольно случайно снял ее с полки и начал перечитывать – «Язык третьего рейха». Много совпадений и много тонких замечаний, соотносимых и с нашим временем. Соображение относительно статьи о Гумилеве в Вашем письме меня поразило. Идея плагиата, хотя и старая, но меня всегда приводила в изумление. Как же надо не любить себя, чтобы пользоваться чужой славой.

Зачем это понадобилось бывшему разведчику [2], я тоже не знаю. Полагаю, что это игры обслуги. Вряд ли сам Карпов эту статью бы и нашел. Но опять, зачем?

Из моих последних событий, в них я предстаю, как человек любящий подтравливать окружающих, это мое выступление на Мандельштамовской конференции у нас в Институте. Но это связано с некоторым раздражением, что никто и ничего не читает. На конференцию я пошел только потому, что в списке выступающих числилась М. Чудакова [3]. И в этот раз она говорила очень интересно, всё остальное было средне. Кое-что любопытное говорил о

«Мандельштамовской Москве» ее автор – книга у меня есть, я ее в свое время прочел, но фамилию не помню. [4]

Но здесь надо вспомнить еще и мой роман, который Вы в марте, конечно, уже получите. В нем есть три любопытных места, касающиеся О. Э. [Мандельштама]. [5]

Во-первых, как мне кажется, я в известной мере разгадал загадку отзыва о Мандельштаме Пастернака Сталину. [6] Во-вторых, полагая, что О.Э. не каждому встречному читал свое стихотворение, а всё же людям своего круга, т.е. пишущим, я задался вопросом: так кто из своих выдал? [7] И на этот вопрос, заданный мною в самом конце собрания, я получил ответ: многим читал, несколько человек,

видимо, и написали. Ах, как бы мне хотелось узнать имена этих конкретно выдавших. Но был еще и третий момент, отчасти у меня в романе проработанный. Самый последний публичный творческий вечер Мандельштама состоялся в Литгазете, которая помещалась на 2-м этаже нашего дома. А этажом ниже, в бельэтаже, находился, видимо, общий зал. Надо видеть этот зал в нашем институте сегодня. По стенам – три портрета поэтов XX века, которые в последний раз в своей жизни публично читали стихи в этом зале: это Есенин, Маяковский и Блок. Всё это рассказав, я предложил восстановить историческую справедливость.

Теперь я, как обычно, буду ждать, кто об этом же самом скажет еще раз, но в качестве своего собственного откровения.

Из последних литновостей роман Улицкой – еще не читал, и премия

Солженицына Е. Чуковской. Прочел сегодня ее интервью в «Р.Г.» и в связи с этим вспомнил некоторые пассажи из дневника деда [8].

Здоровья, не забывайте. С.Н.

Примечания

[1] Виктор Клемперер (*Victor Klemperer*) (1881-1960) – немецкий филолог, писатель и журналист, еврей по национальности, автор знаменитой книги «Язык третьего рейха», составленной после его смерти из его дневников. Русское издание: Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. Пер. с нем. А. Б. Григорьева. – М.: Прогресс-Традиция, 1998.

[2] Писатель Владимир Карпов в годы войны был разведчиком, был удостоен звания Героя Советского Союза.

[3] Чудакова Мариэтта Омаровна – литературовед. Наибольшей известностью пользуются ее исследования о жизни и творчестве Михаила Булгакова.

[4] Речь, очевидно, идет о Л.М. Витгофе и его книге: «Москва Мандельштама. Книга-экскурсия», М. 2006.

[5] Сергей Есин. Твербуль, или логово вымысла. Роман места. Книга была получена позднее.

[6] Отрывки из романа «Твербуль», касающиеся треугольника

Мандельштам-Сталин-Пастернак, приводятся ниже в приложении 2.

[7] Речь, конечно, идет о знаменитом стихотворении Осипа Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны».

[8] Елена Цезаревна Чуковская (1931-2015) – внучка Корнея Ивановича Чуковского.

СЕМЕН РЕЗНИК – СЕРГЕЮ ЕСИНУ

4 марта 2011

Дорогой Сергей Николаевич!

Только собрался отправить Вам ответ на прошлое письмо, как получил новое, чрезвычайно для меня интересное!!

Но я на него пока не отвечаю, а посылаю Вам то, что только что закончил (писал в два приема). И с ним посылаю статейку обо мне из ж-ла «Лехаим». Но сначала откройте письмо, а потом уже статейку, хорошо?

Еще раз напоминаю – жду Ваш почтовый адрес, чтобы послать книгу.

Ваш С.Р.

3 марта 2011 г.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Теперь я затянул с ответом и, прежде всего, хочу предложить – давайте не считать себя обязанными друг перед другом в этом отношении. Напишется сразу по получении письма, хорошо, а нет, значит, напишется позже, не будем из этого делать проблемы.

Книгу Вашу буду терпеливо ждать и прошу еще раз сообщить Ваш адрес, чтобы послать Вам мой роман.

Письмо Ваше снова вызвало у меня ассоциации с прошлым – вероятно, это возрастное. Пушкин, едва перевалило за тридцать, стал вздыхать, что лета к суровой прозе клонят, ну а когда перевалило за 70, то клонит к мемуарам.

Вы, безусловно, правы, что в нашей жизни очень многое зависело от конкретных людей «на местах», ибо перестраховывались

по-разному, кто больше, кто меньше, кто от большого ума, кто по глупости, кто от излишней осведомленности, а кто на всякий пожарный. А еще вкусовщина, отсутствие чутья к художественному слову, наконец, мелкая зависть – ведь сколько сидело по редакциям несостоявшихся письменников, озлобленных неудачников, элементарно завидовавших чьему-то успеху!

Сейчас, вглядываясь в те годы, я понимаю, как мне фантастически повезло, что я попал в серию ЖЗЛ, которой тогда руководил Ю.Н. Коротков. Это был поразительный человек, причем он сам рос духовно и нравственно на моих глазах, и я, будучи еще очень молодым, неустоявшимся человеком, формировался под этим влиянием. А с чего начался этот процесс, и откуда всё это у него пошло, для меня так и осталось загадкой. Он ведь был провинциалом с очень скромным образованием – аж Воронежский пединститут! Да и в том институте, он, как можно было понять с его слов, не столько учился, сколько занимался комсомольской работой, и, будучи энергичным парнем, сразу попал в райком, потом в горком комсомола, оттуда в ЦК (так он попал в Москву). Представляете, каким надо было быть правоверным и ортодоксальным, чтобы в короткий срок, без связей, проделать такую карьеру! В ЦК комсомола, правда, у него не заладилось, его взяли референтом к кому-то из высшего начальства, вернее, спич-райтером, но эти самые спичи у него не шибко получались, и тогда его спихнули в «Молодую гвардию», и так как диплом у него был исторического факультета, то поставили завож ЖЗЛ. Тут он нашел себя – не иначе, как на небе был разложен этот пасьянс. Только что прошел 20-й съезд [1], в публике появился обостренный интерес к исторической правде, стали более доступными архивы, цензура помягчала, так что все сошлось в один узел волшебным образом.

Сейчас мало кто помнит, что с ЖЗЛ началось возвращение Булгакова. Его «Мольер» именно для ЖЗЛ был написан, но сам Алексей Максимович [Горький] его зарубил, почувяв в подтексте излишнее вольнодумство. А Коротков, зная, конечно, всю предысторию, поставил запретную книгу почти запретного автора в план, пробил и издал! И потом, уже на моей памяти, когда Коротков задумал и осуществил издание альманаха «Прометей», он в один из первых номеров хотел поставить «Понтия Пилата» из «Мастера и Маргариты».

ты». Помню до сих пор, с каким упоением мы всей редакцией читали рукопись. Но ситуация тогда еще не созрела, еще несколько лет должно было пройти, прежде чем Симонов сумел пробить роман в «Москве». [2]

Коротков всё время раскрепощался и в этом отношении порой опережал самых именитых и заслуженных авторов, которым, казалось бы, вообще бояться было нечего. Помню, шло у нас переиздание книги Корнея Ивановича Чуковского «Современники». (Недавно, кстати, ее снова переиздали в ЖЗЛ, я ее купил и с наслаждением перечитал). Так вот, ее запустили в производство, никаких проблем не ожидалось, и вдруг корректуру затребовал [Ю.Н.] Верченко (тогда он был нашим директором), прочитал, вызвал Короткова и говорит: «А ведь постановления ЦК партии о журналах ”Звезда” и “Ленинград” никто не отменял. Очерки об Ахматовой и Зощенко надо снять». [3] Наш Юрий своим ушам не поверил. Книга-то уже выходила с этими очерками, никаких нареканий не было, и вдруг – гром среди ясного неба. Все попытки что-то объяснить оказались тщетными. Тогда Юрий пустил в ход последний козырь: Как же мы можем снять, ведь это всё-таки Чуковский, он ни за что не согласится. «А Вы поговорите с ним, попробуйте убедить». Юрий позвонил Корнею, ни в чем, конечно, убеждать его не стал, а просто объяснил ситуацию. Затем снова пошел к Верченко и говорит: «Я говорил с Корнеем Ивановичем, он ни в какую не соглашается. Текст апробирован, никакой критики не было – словом, не хочет снимать. На его стороне авторское право, так что делать нечего, надо издавать в том виде как есть». «Коли так, – отвечает Верченко, – попросите Корнея Ивановича зайти ко мне».

Коротков снова позвонил Корнею, объяснил, что хочет отстоять книгу в полном объеме, нужно проявить твердость. Корней приехал в редакцию, Коротков проводил его в приемную директора, сам остался ждать. И вот буквально через пять минут К.И. выходит и говорит, что согласился снять оба очерка. Юрий наш как в дерьмо опущенный. А потом еще на собрании всего коллектива книжных редакций Верченко ему добавил: «Нам, товарищи, лучше надо работать с авторами. Вот, например, книга всеми уважаемого Корнея Ивановича Чуковского выходит в ЖЗЛ. Юрий Николаевич Коротков не сумел убедить автора в необходимости снять очерки

об Ахматовой и Зощенко. А пришел Корней Иванович ко мне, я ему объяснил, что решения ЦК партии не отменены, мы обязаны ими руководствоваться, и он согласился. Мы все уважаем Корнея Ивановича, но ведь он человек беспартийный, а мы с Вами обязаны проводить партийную линию».

...Не говорю уже про историю с «Чаадаевым» А. Лебедева. Книжку редактировала Галина Померанцева, самый опытный у нас редактор, на ней была вся русская литература. Книга была острая, вся наполнена аллюзиями. Аллюзий хватало и в других наших книгах, но они обычно были упрятаны за специфическими реалиями описываемой эпохи, придаться было трудно. Лебедев же подчеркивал не специфическое, а общее, не скупился на публицистические обобщения, почти прямо перекидывая мостик из николаевской эпохи в нашу лучезарную действительность. Галина пыталась все это смягчать, но автор упирался, уступал очень мало, и когда она заново прочла книгу в корректуре, то наметила еще несколько кусков к удалению – по ее разумению, самый минимум. Но Лебедев снова уперся, и она сказала, что в таком виде книгу в печать не подпишет, так как не хочет потерять работу. После этого Коротков ее обматюгал и сам подписал корректуру, взяв все на себя. С гонений на эту книгу и начался его закат.

Ну, а возвращаясь из прошлого в сегодняшний день, прилагаю рецензию на мои две книги (одна из них Вам известна) в еврейском журнале «Лехаим». Вы его вряд ли читаете.

Всего самого доброго

Ваш С.Р.

Примечания

[1] XX съезд КПСС, на котором Хрущев выступил с развенчанием «культы личности» Сталина, состоялся в 1956 году.

[2] Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» был впервые опубликован в журнале «Москва» в 1966 г., при содействии и с предисловием Константина Симонова.

[3] Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14 августа 1946 года. В постановлении изничтожались произведения Анны Ахматовой и Михаила Зощенко как антинародные, антипатриотические и т.п., после чего Ахматова и

Зощенко были исключены из Союза Писателей, их перестали издавать, недавние друзья боялись с ними общаться, даже здороваться. Десять лет спустя, после развенчания «культы личности», о скрупулезном решении партии как бы забыли, произведения Ахматовой и Зощенко снова широко издавались. Однако официально постановление 1946 года было отменено только в 1988 г.

Приложение 1
Павел Басинский
РОМАН С ДНЕВНИКОМ
О новой книге Сергея Есина
(отрывок)

В двадцатые годы прошлого века Ольга Форш написала замечательную книгу о Доме искусств, где после Октябрьской революции до кронштадтских событий ютилось целое поколение писателей: Николай Гумилев, Евгений Замятин, Вячеслав Ходасевич, Осип Мандельштам, Михаил Зощенко, Алексей Ремизов и многие другие, впоследствии уничтоженные, эмигрировавшие или оставшиеся в СССР. Книга называлась «Сумасшедший корабль», и это название стало почти нарицательным.

Для Литературного института имени А.М. Горького больше подошло бы другое корабельное название – «Летучий голландец». Это старинный барский особняк на Тверском бульваре, 25 весь пропитан мистикой. Недаром именно он возникает в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», именно здесь сходящий с ума поэт Иван Бездомный впервые говорит о явлении Воланда с его свитой. «Сумасшедший голландец» – вот что такое Литинститут. Странно, что за семьдесят лет его существования никому из писателей не пришло в голову продолжить идею булгаковской главы «Было дело в Грибоедове». Написать об этом здании мистический роман. Если такие попытки и были, то прошли незамеченными. Единственный полноценный роман о Литинституте был написан в 1950 году молодым Юрием Трифоновым. Он назывался «Студенты» и удостоился Сталинской премии, о чем позднее Трифонов не любил вспоминать. Разумеется, никакой мистики в нем не было и в помине.

Литературный Институт был основан Горьким в 1933 году. Но его литературная история начинается куда раньше – с 1812 года. 25 марта по старому стилю, незадолго до вторжения Наполеона, в Россию «вторгся» первый классический диссидент – Александр Герцен. В этот день он родился в барском особняке на Тверской, незаконнорожденный сын немки Луизы Гаг и русского помещика Ивана Яковлева. Луизе было шестнадцать лет, когда Яковлев уговорил ее родителей в Штутгарте отпустить красивую девочку «покататься» с русским баринком по Европе. Результат этого путешествия предсказать было нетрудно: девочка забеременела и уже в Москве родила будущего революционного трибуна, которого, как известно «разбудили» декабристы, он «разбудил» народовольцев и – дальше по цепочке. Маленькому бастарду дали фамилию Герцен, от немецкого Herz – сердце. То есть фамилию Герцен можно перевести как Сердцев. О своей незаконнорожденности Герцен узнал лишь в молодости и был этим так потрясен, что, оказавшись в Англии, не принимал никаких положительных свидетельств из России, только отрицательные, обозначая таким образом идеальный ментальный тип русского диссидента-эмигранта, который «аукнется» в начале XXI века карикатурным образом Бориса Березовского.

Когда в 1812 году Москва горела, здание на Тверском сохранилось: всё-таки каменное. Но потом его спалил Бегемот в романе Булгакова, довершая дело французских экстремистов. До этого мистического пожара в здании кто только не побывал! Все виднейшие западники и славянофилы: Аксаковы, Хомяков, Чаадаев, Грановский и другие (когда особняк от Яковлева перешел к Свербеевым, устроившим здесь философско-литературный салон). Здесь в свой закатный час публично читали стихи Блок и Мандельштам, а последний еще и проживал во флигеле вместе с Надеждой Яковлевой. Здесь правил бал Пролеткульт и располагалась «Литературная газета». И здесь реально, как утверждает бывший ректор Литинститута Сергей Есин, находился описанный Булгаковым писательский ресторан, приметы которого ректор вдруг обнаружил в помещении нынешней студенческой раздевалки.

Роман Сергея Есина «Твербуль, или Логово вымысла», опубликованный в «Юности», при всех недостатках – первая художественная попытка осознать здание на Тверской, 25 как мистический

феномен. И сами недостатки романа («повествование места», как определил свой жанр сам автор) вытекают из неизбежного обстоятельства: непросто найти точку зрения на мистическую подоплеку реальной биографии реального здания. Зрение в романе постоянно троится, распадаясь на внутренние монологи трех героев: современной студентки, подрабатывающей валютной проституцией, ее бойфренда, тоже студента и одновременно охранника института и массажиста (какие времена, такие нравы), и автора, взвалившего на себя руководство институтом в трудное время дележа собственности и вынужденного почти превратиться из почтенного ректора в кризисного менеджера.

У Сергея Есина есть одно писательское качество, которое редко встречается не только среди писателей, но и вообще среди русских людей. Он не ленив и любопытен. За время своего кризисного правления он изучил Литинститут насквозь, прощупал его рентгеновским лучом. В этом луче высветилось множество великих, больших и малых писательских теней, каждая из которых оставила в этом здании вполне реальные следы...

«Но в чем же мистика?» – спросите вы. Ответить на этот вопрос непросто. По-настоящему мистика Литинститута могут оценить только соприкасавшиеся с этим зданием люди. Например, студенты. Из личных воспоминаний. Однажды летом мы, трое студентов, красили крышу флигеля какой-то жуткой зеленой краской. От жары спасались на чердаке. Нашли в куче хлама толстенную домовую тетрадь. Открыли ее на случайной странице и прочитали чернильную строку: «Три литра керосина получил. А. Платонов». «Ага», – сказали мы себе. И... положили тетрадь на место.

В романе Сергея Есина эти писательские тени оживают и являются на защиту диплома дерзкой студентки, чтобы ее поддержать. Гении и графоманы, мученики и пособники палачей (среди писателей это была не редкость) единым вихрем врываются в актовый зал, чтобы отстоять свою любимицу, избранную, способную их видеть. К ним присоединяются классики из XIX века...

В этом карнавале мало веселого. Бесконечный раскол, раздрай, споры и ссоры. И только кокетливый взгляд институтской Манон Леско примиряет спорщиков. Но ведь так оно, в сущности, и было. Два века существования светской русской литературы писатели

ссорились, ругались, чуть ли не стрелялись (Толстой и Тургенев, Блок и Белый, Гумилев и Волошин). Но перед женщинами все были безоружны, за вычетом редких случаев, вроде Михаила Кузмина, предпочитавшего дамам офицеров. Его куртуазная тень тоже есть в романе.

Роман Сергея Есина, конечно, очень сумбурный. Его взгляд на тех или иных писателей порой слишком пристрастен, хотя он старается быть объективным. Но сумбурная мистика дома на Тверском бульваре, 25, поразительного здания с двухсотлетней литературной историей, передана в нем замечательно. И впервые.

Вам не приходилось бывать ночью возле бронзового Герцена в литинститутском сквере? Посетите перед наступлением Нового года. Вы увидите у его ног бутылку шампанского, откупоренную заботливой рукой. Утром 1 января она, разумеется, оказывается пустой.

Приложение 2

[Фрагменты из главы пятой романа «ТВЕРБУЛЬ», посвященные «треугольнику» Мандельштам-Сталин-Пастернак, а также оргсекретарю Союза писателей В. Ставскому, чей донос добил Осипа Мандельштама]

«С Мандельштамом связана не одна тайна. Но тайна из тайн – это разговор о нем Пастернака со Сталиным. Всё известно об этом разговоре, данные сходятся, мотивы, казалось бы, очевидны, контуры разговора есть. Нет только одного: почему Пастернак на прямой вопрос Сталина заюлил с ответом? Судьбоносный разговор о русской и поэзии, и этике. На одной стороне стояла очевидная и справедливая рефлексия поэта, на другой – жизнь.

Сталин, конечно, не хотел остаться в памяти потомков душителем литературы. Семинарист и прилежный читатель знал, на чьих крыльях западают в бессмертие цари, полководцы и тираны. А тут этот, как говорят выдающийся, поэт, с еврейской фамилией и вдобавок странной политической ориентацией. Политически странная она у них у всех. Этот – акмеист, от греческого акме, вершина. Вершина чего? Безобразничанья? Много, словно Овидий в Риме, позволяет себе щуплый еврейчик.

*Наши речи на десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца...
Он один лишь бабачит и тычет»...*

Вольно размышляет интеллигент! И эстетично ли сравнивать пальцы с червями? В университетах, как Мандельштам в Гейдельбергском или как Пастернак в Марбургском, вождь не учился, но понял, что с вершины такого умствования самого «альпиниста» ожидает только падение в бездну небытия. Но, прежде чем отправить этого маленького жидовина подальше в соответствии с его неразумным поведением, надо уточнить, не новый ли это Овидий. Нужен знающий эксперт, которому можно доверять безусловно. Такими экспертами для Сталина той поры были два человека: Ахматова и Пастернак. Водрузить все вопросы на Пастернака занятнее, тут вмешается еще и некая общность кровей. Если уж еврей не станет защищать еврея, то Пилат может умыть руки.

Ха, определенно Саня очень недурно втюрил сюда Пилата. Такая сцена, если б только она не была уже в Библии и в «Мастере и Маргарите», украсила бы любой роман. Сталин в белой тоге с красной каймой у себя в кремлевском кабинете звонит Пастернаку. Разговор двух восточных людей.

Все вопросы-ответы этого короткого разговора как хрестоматийные, Саня даже про себя повторять не станет. Тога всё время спадала у Сталина с плеча, и неловким движением суховатой левой руки вождь ее поправлял. Из-под двери в щель дуло, ноги в сандалиях мерзли. Расстрелять бы кого-нибудь из хозяйственников. Что смотрит его секретарь Поскребышев, да и другие преторианцы! Сталин задает последний вопрос об этом немолодом жидовине. Вопрос он составил замечательно и предвкушал, как Пастернак закрутится, словно уж на сковородке. Гений всегда на эпоху – один, выразитель. И вождь – один. И поэт – один. И мастер – один. А не разберетесь ли вы, ребята, кто из вас первый?

Сталин удобнее устраивается в кресле, поправляет тогу, что-бы складки падали, как на его будущем монументе где-нибудь в донских степях, и задает в трубку вопрос. Он творит историю. Нет, сначала Сталин почти упрекает Пастернака: «Я бы на стену лез,

если бы узнал, что мой друг поэт арестован». Но Пастернак резонно ответил, что если бы не его, Пастернака, хлопоты – впрочем, хлопотали и Ахматова, и Бухарин, – то Сталин вряд ли бы ему позвонил. Жалобы и ходатайства элиты интеллигенции еще принимались. У Сталина восточная логика: «Но ведь он ваш друг?» Это был тот случай, когда на прямой вопрос надо было давать прямой ответ. <...>

<...> У человека, чья мысль предельно напряжена долгим решением какой-то задачи, а все ходы многократно проверены, непременно возникает ощущение, что разгадка близка, надо лишь сделать последнее усилие. Последнее ли это усилие, или нет? Но разгадка, как раскрытый лотос, обязательно появляется к утру. Из груди Сани готов был вырваться крик: «Эврика!» Всё очень просто, но так вот, под таким неожиданным ракурсом никто и никогда не думал, даже Дима Быков.

Разгадка таилась в маленькой – хвалебно-восторженной, дружеской, подчеркнул бы Саня – статейке о ранней книге любовной лирики Пастернака «Сестра моя – жизнь». Но для того, чтобы это понять, надо вспомнить о женственной психологии художника вообще. О кокетстве Пастернака в частности, широко известном его стремлении нравиться во что бы то ни стало, его нетерпимости к конкурентам. Здесь были смутные счёты. Всё очень просто – одна страничка рецензии стоила жизни поэту... <...>

<...> А сейчас, по какой-то неясной игре ассоциаций, Саня вспомнил роковую статейку, которую Мариэтта Омаровна Чудакова, знаменитый профессор, кажется включала в список обязательной литературы. Сразу всё совместилось, как старые негативы. Один силуэт проглядывал через другой. Пастернак был, конечно, смертельно обижен!

Мандельштам, вместо традиционной, кисло-сладкой рецензии, придумал пространную метафору. Можно представить, как молодой поэт лихорадочно рыскал глазами, спотыкаясь только на своем имени, на том, что касалось непосредственно его. Зачем ему были нужны эти красоты и рассуждения! Но что же пишет этот акмеист! «Перед нами замечательное патриархальное явление русской поэзии Фета». Пастернак – эпигон какого-то Фета? Фет – прошлый век! «Величественная домашняя русская поэзия уже старомодна, она

безвкусна...» Это о нем-то, каждое слово которого – как упрек уходящей традиции! Это о стихах, куда вложен весь пыл его молодой жизни! Какой позор: «Книга «Сестра моя – жизнь» представляется мне сборником прекрасных упражнений дыханья...»

В то мгновенье, сдерживая дрожь в руках, чтобы не плясали строчки, Борис Леонидович, наверное, хотел, по моде того времени, застрелиться. Или застрелить. Револьвера не было под рукой. Это у предусмотрительного Маяковского было пять разрешений на ношение боевого оружия! Но как эти строчки запомнились, как это отложилось на всю жизнь! Уже позже, вернувшись к отброшенным вначале пассажирам из ненавистой рецензии, Пастернак поймет талантливое и неизбежное продолжение каждой фразы. Поймет изысканный контекст этих собранных в щепоть гениальных абзацев. Но отражение первого восприятия смысла предательской змейкой, как в корзине Клеопатры, уляжется в душе. Первоначальный мстительный гнев.

И опять в своем сознании Саня возвращается к легендарному разговору. Как это сладко – договаривать и решать за великого поэта и великого тирана. Поэт в домашних тапочках, тиран в римской тоге. Повинуясь неосознанному авторитету власти, поэт навтыяжку стоит у телефона; тиран поигрывает телефонной трубкой, как кастетом. Какое это блаженство – сыну сапожника унижить интеллигента во втором поколении. Папа рисует, мама играет на фортепиано. С Львом Толстым, видите ли, дружили.

У поэта приливная волна того старого гнева уже давно трансформировалась и улеглась, но, тем не менее, в этот момент испытания и личной опасности снова чуть всколыхнулась и приподнялась над резким всхолмлением телефонного разговора. Поэт не может быть искренним, никогда. Пастернак знал это и попытался объяснить Сталину, что в литературе есть дружба и есть отношения. Здесь, как за кулисами театра, всё очень сложно. Но птицелов уже везде разлил клей, на котором должна была прилипнуть птичка.

«Но ведь он же мастер, мастер!» – Сталин провесил эту мысль как раздражающую приманку. Может быть, он и рассчитывал на неадекватный восточному представлению о дружбе ответ.

«Да не в этом дело», – ответил поэт. Как и многие представители советской литературной элиты, Пастернак хотел дружить с вла-

стью. В конце концов, он первым написал стихотворение о Сталине, если не считать, конечно, Сергея Михалкова, опубликовавшего прелестный стишок про некую девочку Светлану. Обычно детские стихи просто так не появляются в «Правде». А разве не хотел дружить, вовлекая Сталина в неосуществившуюся переписку, Булгаков? Дружба с властью делает писателя почти неуязвимым в своей собственной среде. Не совсем наивный Пастернак, играющий сразу две игры, тут же, в телефонном разговоре, признается, что давно хотел встретиться с товарищем Сталиным и «поговорить серьезно». В бытовой психологии есть такой прием вовлечения собеседника на свою площадку.

«О чем же?» – великий читатель всё же интересовался своими поэтами. Дневников он не писал, но память была хорошая. Хотел всё знать. Пастернак, как и положено интеллигенту, продолжая заманивать собеседника и стремясь казаться интересней, чем того требовал разговор, ответил в философском плане. Распушил павлиний хвост: «О жизни и смерти». Но птичка уже была на клею. Вождь всех народов переложил ответственность за жизнь и свободу одного великого поэта на другого. Интрига заключалась в том, что те оба были евреями. Правда, оба формально отошли от иудаизма: один принял протестантство, другой... в стихах увлекается новозаветными сюжетами. Похоже, что у одного из них заиграло очко. Сталин хорошо знал эту интеллигентную публику. Хотя бы по эпизодам борьбы с Троцким и его окружением.

Как быстро в сознании творческого человека проносятся разные фантазии и литературные видения. Может быть, лишь несколько секунд или минута потребовались Сани, чтобы разделаться с давней загадкой психологов и литературоведов. Да и он ли всё это решил? Здесь, в этом доме, стены такие, что не позволяют ни душе, ни сознанию лениться. Подскажут и подведут к решению. Есть ли вообще в Москве еще подобные дома? Есть, конечно, местечки, которые обросли вечными вопросами. Но уж на Лубянку, в Кремль, в ведомства Кудрина и Чубайса пусть лезут другие любители. <...>

...> Любовь Сани к кафедре общественных наук связана с еще одним обстоятельством. Он давно привык при осмотре помещения утром или даже вечером, когда сотрудники уже разошлись по до-

мам, закусывая чем-нибудь вкусеньким, оставшимся от профессорского застолья, обязательно любопытствовать, что за рукописи оставлены на столах. Для общего развития. Будто берешь в библиотеке книгу, которую всё время перехватывали у тебя из-под носа другие. Здесь безнадзорно лежат такие увлекательные студенческие курсовые, такие замечательные работы аспирантов по эстетике, такие новаторские рефераты по древней Греции или Междуречью, что просто зачитаешься. Вбираешь в себя эти сливки и сгустки мыслей и тут же умнеешь. Саня любит здесь повышать свой культурный уровень. Вот и сейчас, держа в одной руке бутерброд с семгой, а в другой кусок «Птичьего молока», он пробегает взглядом по столешницам и на столе лаборантки кафедры Валентины Ивановны, уже немолодой женщины, вечно что-то читающей, вместо того чтобы вовремя составлять ведомости или перепечатывать экзаменационные билеты, спотыкается почему-то о раскрытую, но лежащую обложкой вверх книжку со странным названием: «С гурьбой и гуртом...» Автор – П. Нерлер. Саня опрометчиво подумал: «С чего бы это Валентина Ивановна занялась животноводством? Про выпасы читает, о гуртах». Перевернул книгу – и... Сразу бросилось в глаза: «Сов. секретно». Разве возможно в молодом любознательном возрасте пройти мимо такого начала? Но дальше шло еще занятнее: «Союз писателей СССР. 16 марта 1938 года. Наркомвнудел тов. Ежову Н.И.» Кем был Ежов, Саня знал. Сердце у него полно и мощно застучало. Это было редчайшее попадание в десятку: уже на второй строке письма высветилась фамилия Мандельштама. Что, на ловца и зверь бежит? Возможно, здесь подошла бы и какая-нибудь другая пословица – слишком уж много сегодня Саня думал об Осипе Эмильевиче. Но почему книжка к его приходу на кафедре оказалась открытой именно на странице с самым подлым за всё время существования человечества и писателей письмом? Тут не без чертовщины!

Саня, не переводя духа, сначала залпом проглядел письмо. И не поверил глазам. Потому что такое письмо не могло появиться в среде людей, занимающихся выращиванием слов и знающих им цену. Ведь писатели, уверен он, особые люди, с ясным пониманием своего назначения и своей роли в жизни. У большого писателя всё идет от природы, от Бога. Каждый человек неповторим, но писатель непо-

вторим вдвойне. Ну, понятно, одному меньше, чем другому, могли заплатить гонорара. Другому кажется, что его обделили жильем. Третий считает, что с ним несправедливо поступил критик. Настоящему писателю, конечно, всё это надо бы перетерпеть и никому не предъявлять претензий. Впрочем, подумал Саня, и писателям ничто человеческое не чуждо. Среди них ведь есть и середняк. Но чтобы так легко, при помощи письма, отчетливо сознавая, что делает, один писатель посылал другого на смерть, нет, с этим Саня по своей наивности согласиться не мог.

Он прочитал это небольшое письмо еще раз, уже внимательно. Потом сел за стол и, подчиняясь какому-то неясному импульсу, начал его переписывать. По себе Саня знает: таким образом тексты уясняются отчетливее.

«Уважаемый Николай Иванович!

В части писательской среды весьма верно обсуждается вопрос об Осипе Мандельштаме».

Автор берет быка за рога. Это беспроигрышный прием в бюрократическом письме: сразу заявить о проблеме и ее оценке, со ссылкой на анонимное коллективное мнение. Саня, естественно, уже знал, кто его подписал. Был такой писатель Ставский, который командовал всеми организационными делами Союза. Что сделал как писатель? А что написал Верченко, администрировавший среди писателей в недавние годы? Имя-то известное; ничего вроде пером не натворил, но и плохого не слышно. В трехтомном словаре «Русские писатели XX века», который Саня отыскал на полке, фамилия Ставского отсутствовала. Были, конечно, писатели, которые поддерживали партийную линию, но, если это были настоящие писатели, то они остались и в литературе. Всеволод Иванов вон на сцену МХАТа даже бронепоезд 14-69 вывел, тем не менее во всех энциклопедиях присутствует. Или другой Всеволод, Вишневский, автор «Оптимистической трагедии», уж какой был ортодокс, а всё равно – классик русского театра. Алексей Толстой написал повесть «Хлеб», где в героях вывел лично товарища Сталина, – без него тоже русская литература в двадцатом веке не обошлась. Ставский – это особая порода писателей. Главное, что их отличает от других – без руководящего места, без кресла они вообще не писатели. Но только почему этот Ставский, вместо того чтобы заниматься организационными

делами, квартирами, пайками для писателей, бумагой для них же, вдруг стал собирать, какие по Москве ходят слухи? Зачем на своего стучит? И на кого? Он что, не видел ни разу Мандельштама? Поэты вообще дети, а уж этот-то...

«Как известно – за похабные клеветнические стихи и антисоветскую агитацию О.Мандельштам был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки кончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»)». А рассказ об эсере Блюмкине, о знаменитом рукопожати Дзержинского разве Ставский не помнит? Наверное, он был человеком невежественным. Хотя это преимущество времени: Саня знаменитые мемуары Георгия Иванова читал, а Ставский мемуары эмигранта прочесть не мог, да тогда они еще и не были написаны. Какой был писатель, хотя и покинул родину, как хорошо отзывался о советской литературе! С какой доходчивостью и ясностью рассказал о Серебряном веке. Здесь, конечно, можно было бы привести страницы его воспоминаний. Но это значит, собственный рассказ превращать в чужой. У Иванова всё выстроено с поразительной логикой, и через сюжет о том, как тихий и скромный, всего боящийся Мандельштам подошел к знаменитому убийце немецкого посла Мирбаха, с пьяной медлительностью перебирающему, слюнявя пальцы, расстрельные списки и в уже подписанные Дзержинским ордера самовольно вставляющему еще какие-то фамилии, так вот этот трусливый, чуть выпивший Мандельштам просто взял и порвал ордера. Не очень интересно для этого сюжета, что Блюмкин потом с револьвером в руках носился по Москве в поисках человека с птичьим профилем и рыжими бакенбардами; интереснее благодарность Дзержинского: «Вы поступили как настоящий гражданин». А кем, собственно, были эти предполагаемые жертвы расстрела для Мандельштама? Ставский же ковыряется в чужой судьбе и всех вяжет ответственностью, посылая «под пристальное внимание» органов своего коллегу, чье существование в литературе оправдывало его собственную, оргсекретаря Союза писателей, жизнь. Саню поразил профессиональный характер подлости: человек выслуживается так, будто сам в чем-то замешан.

«Но на деле он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом – литераторов. Его поддерживают, собирают для него

деньги, делают из него «страдальца» – гениального поэта, никем не признанного». Как это никем? Еще его первый сборник, о котором Пастернак в 24-м году взахлеб писал автору: «Да ведь мне в жизнь не написать книжки, подобной «Камню!»» – вышел с предисловием Михаила Кузмина; он дружит с Ахматовой, которая со Ставским наверняка не стала бы дружить. В его защиту открыто выступали Валентин Катаев, Иосиф Прут и другие, выступали остро. Вот, Валентин Катаев тоже не последний писатель, а Иосиф Прут, кажется, был связан с теми же органами, что и Ежов. Значит, и у него была высшая цель. Потому-то и выступали, что талантливый поэт. Но может быть, этот опытный чиновник, приводя два имени рядом, имел в виду нечто другое; здесь, пожалуй, было проявление того, что мы нынче называем агрессивной провокацией или даже красно-коричневой опасностью. Попробуйте, дескать, любезный Николай Иванович, что-нибудь возразить.

С целью разрядить обстановку О. Мандельштаму была оказана материальная поддержка через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме. Как иногда, думал над письмом Саня, в мелочах вскрывается действие государственной машины. Создали Союз советских писателей, чтобы через него писателям помогать и их защищать. Организовали Литфонд, который призван был создать материальную основу писательской жизни. А оказывается, писателям помогают не тогда, когда они нуждаются в помощи, а когда возникает особая общественная обстановка.

«Вопрос не только и не столько в нем, авторе похабных клеветнических стихов о руководстве партии и всего советского народа. Вопрос об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь». Как, интересно, товарищ Ставский представлял помощь, которую ему должен оказать товарищ Ежов, руководящий репрессивным аппаратом, тюрьмами и лагерями? Тот что, устроил бы поэта воспитателем в детский сад? Но товарищу Ежову проще было вписать фамилию Мандельштама в расстрельный ордер.

В общем, очень талантливое по своей подлости и мотивам письмо. Многоходовка. Вроде бы забота об идеологии. В случае чего сам в стороне: предупредил, просигнализировал. Какой же либерализм мог проявить расстрелянный впоследствии Ежов – не желай ближ-

нему, получишь сам! – если неглупый Ставский так явно намекнул ему, о ком именно Мандельштам писал «похабные» стихи.

И товарищ Ежов не должен сомневаться: товарищ Ставский просит воздействовать не на выдающегося поэта, а на нечто нелепое, чрезвычайно среднее, просто человеческий материал. Берите и сажайте. *«За последнее время О. Мандельштам написал ряд стихотворений. Но особой ценности они не представляют – по общему мнению товарищей, которых я просил ознакомиться с ними (в частности, тов. Павленко, отзыв которого прилагаю при сем)».* Для Сани и этот писатель не тайна: после военной разрухи он написал повесть «Счастье». А такое разве сочинишь, если где-нибудь не сподличал и надо отмазаться. Повесть, конечно, о долге, о любви к родине.

«Еще раз прошу Вас помочь решить этот вопрос об О. Мандельштаме». И подпись.

Письмо отложено. Может быть, то, что случилось дальше, и не произошло бы, подпишись Ставский как-нибудь очень просто. Скажем, с пожеланием здоровья и успехов, хотя успехи в деле, которым был занят тов. Ежов, с душком. Наконец, просто условное: «жму руку». Так нет же, Владимир Петрович Ставский размахнулся вширь и ввысь: «С коммунистическим приветом»...

Для Сани коммунизм как явление идеальное не очень-то вялзлся с наглым предательством, с каким он только что воочию ознакомился. Он так возбудился от этого несоответствия, в такую пришел ярость, что, не зная, на ком сорвать злость, с тигриной прытью заметался по комнате. И, наконец, что было сил треснул кулаком по партийному сейфу. Кулак не раскололся, но вдруг – в реальности пресловутое «вдруг» имеет право на жизнь больше, чем в романе – в углу, рядом с сейфом, появилось, по законам, конечно, диалектического материализма, какое-то весьма респектабельное тело, похожее на вполне сытого чиновника. Это в дневное-то время! Саню сковала непривычная робость.

– Звали, товарищ потомок? – Голос, который издавало тело, был сановный, покровительственный. – Как вы здесь учитесь и работаете? Говорят, у вас новый ректор? Не обижает ли? Если что, обращайтесь, у нас есть свои связи. Если и дальше я вам когда-нибудь понадобится для совета, стучите, как и сегодня, по сейфу,

это условный сигнал. Всегда рад поговорить с живым существом. Вы, кажется, представитель трудового народа, входящего в интеллигенцию?

– А вы-то, собственно говоря, кто? – выдохнул Саня робость, уже смутно догадываясь, что за персону зрит перед глазами. – И почему без пропуска прохаживаетесь по институту? У нас здесь духовные и материальные ценности.

– Владимир Петрович Кирпичников, честь имею, – церемонно представился незнакомец, – литературный функционер, как написал обо мне вон в том «Лексиконе русской литературы XX века», – махнул он рукой на полку с книгами, – немецкий славист Вольфганг Казак. Но я больше известен под литературным псевдонимом Владимир Ставский. Слышали, конечно? Из рабочей, между прочим, прослойки. А что касается материальных ценностей, раньше их в институте было поболее. – Сановная тень вела себя вполне уверенно, говорила со знанием дела. – Расхищают? Плохо следите за хозяйством. Сейчас у вас рабочие новые рамы в корпусе, выходящем на Тверской бульвар, вставляют; так вот подоконники они на пустоту поставили, строительной пеной ее забили, весной всё к чертовой матери полетит.

«Вот подлец-»доброжелатель», еще и других критикует, – подумал Саня, зачем-то снимая с полки указанный зарубежный труд и раскрывая его на букве «С». – С «честью» твоей в личном плане я уже ознакомился, посмотрим, каково ее писательское качество».

Тень явно пыталась перевести разговор в доверительное русло, приземлить. Но Саня быстро прочел кусочек резюме почтенного литературоведа: «Ставский принимал активное участие в насильственной коллективизации крестьянства и написал об этом фальсификаторские, не имеющие художественной ценности повести...» – и, окончательно рассеяв робость, пошел в наступление: <...>»

СЕРГЕЙ ЕСИН – СЕМЕНУ РЕЗНИКУ

10 октября 2012 г.

Дорогой Семен Ефимович! Ах, как трудно повторить то, что написал, повинуюсь какому-то внезапному порыву. Встал рано утром,

а тут на меня с полки, возле которой моя постель, в очередной раз свалилась пачка книг. Стал разбирать и тут же на глаза попался Ваш подарок – «Сквозь чад и фимиам». Открыл главу о Солженицыне и оторваться уже не мог. Всё знаю, но Вы обладаете какой-то магией доказательств и составления [видимо, постановки] правильных слов в нужных местах. Какая система и какая логика! Вспомнил наши разговоры на кухне, как хорошо было, какой Вы точный и замечательный человек. Многому по-хорошему позавидовал. Вот об этом и написал, но какой-то враг заменил всё это на точки и крючочки. Берегите себя. Привет близким.

Да, вчера послал Вам новый том моих дневников – за 2010 год. И Марку послал.

С.Н.

СЕМЕН РЕЗНИК – СЕРГЕЮ ЕСИНУ

10 октября 2012 г.

Я очень тронут и взволнован Вашей реакцией на это небольшое эссе. Если уж Вы нашли время заглянуть в эту книжку, то, может быть, найдете и на пару других статей. Это, конечно, сборная солянка, но при составлении ее я пытался выдержать некую линию, чтобы целое получилось больше суммы частей. Не знаю, удалось ли это [1].

Что касается Солженицына, то Жорес Медведев пишет сейчас очень интересные воспоминания и присылает мне некоторые главы [2], там много о Солженицыне. У них ведь были долгие личные отношения, да и весь солженицынский круг он знал. Я-то анализирую тексты, а он пишет подробно о его поступках, отношениях к людям и т.п. В совокупности с тем, что я знаю по писаниям самого Солженицына, вырисовывается жуткая картина. Человек был абсолютно бессовестный. Использовал людей, как хотел, из-за него рисковали карьерой, свободой, жизнью, а он использовал и выбрасывал за ненадобностью ближайших друзей.

И тут возникает поистине ФИЛОСОФСКИЙ вопрос – уже не о Солженицыне, а о нас самих: как могло получиться, что ТАКОЙ человек стал символом НРАВСТВЕННОГО сопротивления для целого поколения?? Я задал этот вопрос Жоресу, и он ответил, что сам

об этом постоянно думает. Ответа на него, конечно, нет, но наводит на грустные мысли.

С нетерпением буду ждать Ваш дневник.

Будьте здоровы и деятельны как всегда.

Сердечно, Ваш С.Р.

Примечания

[1] Книга «Сквозь чад и фимиам» имеет подзаголовок: «историко-документальная проза разных лет». В ней два эссе имеют отношение к А.И. Солженицыну. Эссе «Сквозь чад и фимиам», ставшее названием всей книги (Стр. 310-344), было написано после прочтения книги Людмилы Сараскиной «Александр Солженицын» // М., «Молодая гвардия», 2008. Эссе «Что значил А.И. Солженицын для меня и моего поколения» (Стр. 345-351) – в связи с известием о его смерти.

[2] Речь идет о книге Ж.А. Медведева «Опасная профессия».

СЕМЕН РЕЗНИК – СЕРГЕЮ ЕСИНУ

22 октября 2012 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Только что принесли Вашу книгу – дошла очень быстро! Тронут дарственной надписью [1]. Обложка и форзац очень забавны. Буду читать.

Спасибо!

Ваш С.Р.

Примечания

[1] У меня есть два экземпляра книги: Сергей Есин. Дневник 2010 // М., Академика, 2012, подаренные им в разное время – оба с дарственными надписями, но в одном нет даты дарения, а в другом дата неразборчива. Дарственные надписи: Дорогой Семен, я очень дорожу нашей дружбой. С.Есин. Вторая: Дорогой Семен Ефимович, не забывайте, я всегда с признательностью и восторгом вспоминаю нашу беседу. С.Н.

СЕРГЕЙ ЕСИН – СЕМЕНУ РЕЗНИКУ**26 июня 2013 г.**

Дорогой Семен, поздравляю Вас с 75-летием. У таких людей как Вы жизнь не идет под гору. Спасибо Вам за Даля и постоянную рефлексию, которой Вы украшаете нашу умственную жизнь. Без дрожей не бывает хлеба. Долгих и счастливых Вам лет.

Сергей Есин.

СЕМЕН РЕЗНИК – СЕРГЕЮ ЕСИНУ**16 июля 2013**

Дорогой Сергей Николаевич!

Спешу сообщить, что Ваша бандероль с двумя томами Дневника пришла [1]. Спасибо за царский подарок! К сожалению, пока не могу ответить Вам тем же. Правда, одна небольшая книга в работе, должна выйти в сентябре, если не подведут, другую дописываю. Давно должен был ее закончить, но вмешалась медицина, из-за которой пришлось остановить работу, а потом сын привез внуков, которые требуют полной отдачи. Сейчас, правда, жизнь входит в свои берега, и я надеюсь через 3-4 недели ее закончить. [2] Словом, постараюсь недолго оставаться Вашим должником!

Будьте здоровы и деятельны.

Всегда Ваш С.Р.

Примечания

[1] Сергей Есин. *Дневник не-ректора 2006*. М., Академика, 2013. *Дарственная надпись: Не умею считаться*. С. Есин, апр. 2013. Видимо, в тот же пакет был вложен второй экземпляр *Дневника-2010*.

[2] С. Резник. «Убийство Ющинского и дело Бейлиса: к столетию процесса века». Книга вышла позднее в том же 2013 году, в издательстве «Алетейя», Спб.

СЕМЕН РЕЗНИК – СЕРГЕЮ ЕСИНУ**20 октября 2013**

Дорогой Сергей Николаевич!

Вчера получил Вашу книгу – дневник 2011 года. [1] Первым делом заглянул в именной указатель и был удивлен, обнаружив там свое имя, да с большим количеством цифр при нем. Просмотрел все эти места и был еще больше и очень приятно удивлен тому, как Вы обо мне отзываетесь. Я это высоко ценю, тем более, что хорошо понимаю, насколько эти оценки могут быть не по вкусу некоторым Вашим друзьям и знакомым. Сердечно признателен. Одно место меня несколько озадачило: Вы нашли «довольно претенциозным» заголовок романа «Хаим и Марья». Прежде всего, правильное название «Хаим-да-Марья» (выражаясь по-одесски, две большие разницы). Я всегда считал его ироничным и даже саркастичным, в чем претенциозность, мне трудно понять.

Стал читать Дневник сначала, когда прочту, напишу подробнее.

Теперь я уже перед Вами в таком неоплатном долгу, что из долговой ямы мне не вылезти. Но все же небольшую часть долга намерен погасить. Пару дней назад получил, наконец, из Питера мою небольшую книжку «Убийство Ющинского и Дело Бейлиса». Правда, ничего нового в ней нет. Сейчас юбилей (100 лет) дела Бейлиса, и я собрал под одной обложкой ряд вещей об этом деле и кровавом навете вообще (включая известную вам работу о Дале). Мне представляется (м.б., ошибочно), что собранные в один кулак они представляют некое новое качество. Сейчас я занят рассылкой книги, Ваше имя, конечно, в списке, но поскольку я все делаю сам, то идет это небыстро. Надеюсь завтра-послезавтра отправить.

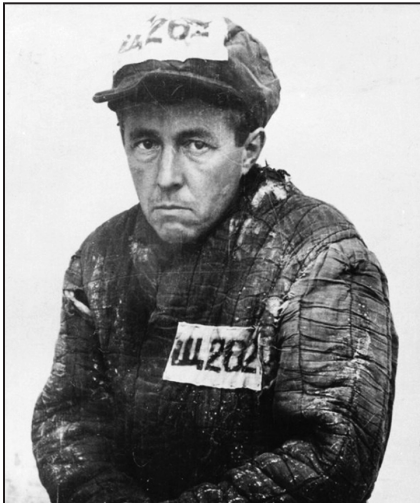
Приложение**Семён РЕЗНИК (Вашингтон)****Солженицынская трагедия**

В России шум и гам и суэта. Сенсация. Солженицын ответил! После трех лет грозного молчания – ответил на критику своей последней двухтомной книги «Двести лет вместе». [1] Ответил так, что

перья летят. Знай наших! Кому же и что он ответил? Об этом и поговорим.

Спасительный компромат

О том, что в интернете появились «страшные разоблачения» А.И. Солженицына, мне сообщили вместе с адресом сайта – сразу же после их публикации в марте этого года. Открыв сайт, я оказался в «Домашней библиотеке компромата Сергея Горшкова». Кто такой этот компроматчик, я понятия не имел, ничего не знаю о нем и теперь. Общий заголовок сайта – «Весь сор в одной избе» – втиснут между дважды написанным «Kompromat.Ru». Жирным

Лагерное фото

шрифтом набран аншлаг: «Солженицын свою “карьеру” начал с того, что “создал” контрреволюционную группу». Затем следует отсыл: «Оригинал этого материала ИА «Город 24» 19.03.2003 [2]. Заголовок сенсационной публикации звучал так:

«СМИ не пишут правду о стукаче Солженицыне».

В аккуратной рамочке – широко известная фотография молодого Солженицына в тюремном бушлате, с большой белой биркой на груди. На ней ясно прочитывается буква «Ш» и не совсем ясно

— число: то ли «282», то ли «262»; такая же бирка на колене, но она прикрыта рукавом, из которого выглядывает запястье зябливо просунутой в другой рукав (или подсунутой под него) руки. Фигурка съезжившаяся, голова втянута в приподнятые плечи, тонкие губы сжаты, взгляд затравленный, вместе с тем хитроватый. А рядышком с портретом – узкой ковровой дорожкой стелется «убойный» текст первого абзаца:

«”Я не желаю, чтобы имя моего отца упоминалось рядом с именем подонка Солженицына!” – с точки зрения обывателя, мозги которого основательно промыты телепропагандой, эти слова Николая

Виткевича-сына выглядят просто святотатством. Но у него есть веские причины так говорить – избранный на должность “всероссийского мессии” Александр Солженицын свою «карьеру» начал с того, что на бумаге “создал” контрреволюционную группу, в которую записал себя, свою жену и своих друзей».

Кульминационным моментом разоблачений следует считать главку «Экибастузский донос», с фотокопией написанного от руки сообщения «куму» от 20 января 1952 года – о готовящемся лагерном восстании. Подписан донос агентурным именем Солженицына «Ветров». Наискосок наложена резолюция, есть и еще пометки, показывающие, что с бумагой работали.

С возраставшей брезгливостью я заставил себя дочитать этот «компромат» до конца (больше 13-ти страниц компьютерной распечатки), просто чтобы убедиться в том, что бросалось в глаза с самого начала: это перепевы гебистских фальсификаций 30-40-летней давности. В свое время органы вовлекли в это занятие бывших соучеников, однодельцев Солженицына (Симонян, Виткевич), его первую жену Наталью Решетовскую, мстившую ему после развода, агентов влияния и просто агентов КГБ, в их числе провокатора-чеха Томаша Ржезача и немца из Западной Германии Франка Арнау. (Наивный расчет гебистов состоял, видимо, в том, что на Западе иностранцам скорее поверят, чем доморощенным компроматчикам).

Де́за запускалась в оборот потому, что возразить по существу на содержащиеся в «Архипелаге ГУЛАГ» разоблачения коммунистической системы Кремль не мог. Делали ставку на то, чтобы вывалить в перьях автора и тем ослабить силу воздействия его произведений. Но эффект получился обратный: Кремль лишний раз продемонстрировал, что способен на любую низость. Убедившись, что провокация не проходит, КГБ постарался сделать всё, чтобы она поскорее забылась.

И вот кому-то понадобилось разогреть щи, протухшие тридцать лет назад. Кому и зачем? На это у меня ответа нет. Но кому должна быть на руку реанимация помоев как раз в то время, когда стала подниматься волна возмущенных откликов на вышедший в свет второй том книги Солженицына «Двести лет вместе», мне как-то сразу же стало понятно.

В первом томе сравнительно немногие критики увидели – по-

зволили себе увидеть! – то, что под умиротворяющей обложкой цвета морской волны, под убаготворяющим заголовком благоухают коричневые цветы племенной розни и ненависти. Второй том трактует события, которые памяты миллионам. Тут и слепцы прозрели. В этот момент и выпорхнули старые гебистские фальсификации.

Мне звонили и слали электронные послания, советовали взять этот «убойный» материал на вооружение. Приходилось разъяснять, что хотя мои «заметки на полях» книги «Двести лет вместе», печатавшиеся около года в журнале «Вестник» [3], нелицеприятны, я не веду «войну» против автора, а полемизирую с ним по конкретному кругу вопросов. Текст его книги для этого самодостаточен. Да и в любом случае, подменять обсуждение книги уличением автора в прошлых грехах и преступлениях (действительных или мнимых) – это непрофессионально и неэтично, как и в ответ на конструктивную критику трубить о его заслугах. Солженицыну как раз и выгодно вести разговор подальше от текста книги, но я за ним не последую. В моем компьютере сохранилось несколько электронных посланий, отражающих эти разговоры. Приведу одно из них, опустив имя адресата:

Да, да именно эти имена – Ржезач и Арнау. Они «почему-то» получили доступ к самым секретным архивам ГБ и приводят в фотоконпии тот самый донос «Ветрова» от 20 января 1952 г. И появилось это в то время, когда Солженицын был в пике славы. Это была типичная провокация, крайне неуклюжая, так всеми и было понято, и репутации Солж[еницына] не повредило, да и сам ГБ, видимо, понял, что дальше педалировать эту тему слишком рискованно (а ведь если бы «Ветров» написал этот донос, то должны бы быть и десятки других — чего же они их в ход не пустили тогда же?) И вот теперь эта тема всплыла снова, когда он вляпался с этими двумя томами [«Двести лет вместе»]. Появились они [разоблачения] на каком-то сайте, состряпанном в Беларуси [ошибка: надо в Брянске], а мне его прислали из Германии. Я предполагаю, что на то и был расчет, чтобы это перешло в печать, возник шум, а когда ситуация нагреется, тогда и можно будет сказать: «видите, как евреи клеветуют на русского писателя. Чего же удивляться, что в его честном стремлении разобраться в русско-еврейских отношениях они усма-

тривают антисемитизм». Конечно, это моя догадка, ничем не доказываемая...»[4].

Тогда это была недоказанная догадка, но теперь доказательство налицо: статья А.И. Солженицына «Потёмщики света не ищут» [5] написана словно бы по предложенному мною сценарию. Она произвела на определенную аудиторию именно то впечатление, на которое рассчитывал автор. Судить об этом можно по тому, что одновременно с «Литгазетой» ее напечатала «Комсомольская правда», по позитивному отзыву Интерфакса, Lenta.ru, по другим подобным реакциям. Можно не сомневаться, что пока пишется эта статья, появятся и другие.

«Известный писатель и общественный деятель Александр Солженицын решил ответить на критические выпады, которым подвергся со стороны ряда СМИ в связи с выходом последней части его историко-публицистической книги “Двести лет вместе”, посвященной истории евреев в России», – сообщила «Lenta.ru». И тут же привела пять фрагментов из статьи Солженицына. Но ни в одном из них ни слова не говорится о книге «Двести лет вместе» и критике в ее адрес [6].

Это не случайный промах редакции «Lenta.ru».

Дело в том, что о критике «Двухсот лет» в статье Солженицына, занимающей целую газетную полосу (восемь страниц компьютерной распечатки) не сказано почти ничего! Она о другом. В ней с большой страстью опровергаются давно опровергнутые гебистские инсинуации, многократно предаются поруганию давно поруганные имена Ржезача, Виткевича, Арнау, Решетовской, Симоняна, изобличается давно изобличенное сотрудничество этих «компроматчиков» с КГБ. Только отъехав на две трети от начала статьи, автор перекидывает шаткий мосток к критике «Двухсот лет»: «...а текст статьи [цитированной выше по сайту Сергея Горшкова] всюду один, слово в слово, – и дальше раскатом, теперь уже неприкрыто сплетаясь у обвинителей с гневным раздражением моим недавним двухтомником “Двести лет вместе”»[7].

Тут бы перевести дух и воскликнуть: «Наконец-то!» Наконец-то Солженицын перешел к «ответу критикам» его книги. Ан, нет! Мосток повис над бездной, не обретя никаких опор. Последняя

треть статьи – про то же, что первые две трети. Про генерала ГБ Филиппа Бобкова; про бывшего зэка М. Якубовича, оклеветавшего своего друга-солагерника; про боевые награды, полученные за ратные подвиги плюс неполученные («но 9 февраля 1945 года настиг меня арест – и меня успели вычеркнуть из наградного списка»); и про многое другое – вплоть до заключительного аккорда: «И остается догадываться: почему вдруг оживились и гебистские фальшивки 70-х годов, и клевета на лагерные годы мои с 40-х на 50-е, и годы войны, и юности, – почему на всё это дружно кинулись и за океаном и у нас – именно с начала 2003 года?..» [8].

Выходит, возрожденный из пепла гебистский компромат оказался очень кстати Александру Исаевичу. Он использован им против критиков «Двухсот лет вместе» точно таким же манером, каким КГБ тридцать лет назад пытался использовать его против «Архипелага ГУЛАГ».

Компромат оказался спасительным для Солженицына.

Кроиться в черепе

В 2000-м году некий Анатолий Сидорченко выпустил книгу из трех частей, причем автором первой из них – под названием «Евреи в СССР и будущей России» – указал Александра Солженицына [15].

Солженицын категорически отверг какую-либо свою причастность к этому тексту, назвав его *желтым опусом, фальсификацией и провокацией умалишенного хулигана* и посетовав на то, что не может обратиться в суд – из-за невменяемости фальсификатора [16]. Ему, конечно, поверили.

Но после выхода второго тома «Двухсот лет» оказалось, что значительная часть «фальшивки» перекочевала в этот том! За разъяснениями снова обратились к Солженицыну: в газете «Еврейские новости» появилось обращение к нему Открытое письмо главного редактора Николая Проппирного. На этот раз ответа не последовало. Затем появились статьи других авторов: журналиста Валерия Каджая, доктора исторических наук Геннадия Костырченко и автора этих строк. Причем, все трое, не сговариваясь, пришли к выводу, что автор «опуса» – Солженицын.

Поскольку я избегаю голословных утверждений, то текст «опу-

са» (72 страницы книжного формата) я сопоставил с двухтомником «Двести лет» абзац за абзацем. Параллельным цитированием я показал, что больше половины «опуса» переключалось в «Двести лет» дословно или с ничтожными редакционными поправками, а *меньшая половина* родственна двухтомнику по идейной направленности, но отличается тем, что шаблонные антисемитские мифы в ней озвучены с гораздо большей прямоотой и экспрессией [17]. В эту меньшую половину входит и глава, смысл которой сводится к тому, что «Протоколы сионских мудрецов» — это глубокий злодейский план разрушения государства с последующим захватом власти, а Ленин и его партия — исполнители того плана. Под статью и название главы: «Протоколы сионских мудрецов и ленинско-еврейская революция в России». Всё это детально разобрано в моей статье, так что «ленинско-еврейскую революцию» Солженицыну «впарил» я. Почему же в ответе «потёмщикам» Александр Исаевич приписал мой грех Марку Дейчу? Да ведь замалчивание неудобных оппонентов – эффективнейший метод полемики. Если крыть нечем.

Но, при всём желании отличиться, я не могу претендовать на приоритет во «впаривании», ибо я только процитировал творение самого Солженицына — теперь ведь он от «опуса» не отрекается. То, что он сперва назвал «желтым опусом, вlepленным под моим именем», он теперь признает своей собственной (собственной!) черновой рукописью, хотя и «насквозь изгаженной грязной фальсификацией».

Шаг в правильном направлении, но только первый шаг. Изгажен ли текст или представлен в первоизданной чистоте, предстоит выяснить. В любом случае, слово «насквозь» употреблено Александром Исаевичем со свойственным ему перефразом: ведь *большая половина* черновика перенесена им в «Двести лет вместе» в *том самом виде*, в каком она появилась в книге Сидорченко. Стало быть, как минимум, эта половина текста не изгажена. С *меньшей* половиной разобраться сложнее, но свет на это может пролить только сам Солженицын. Может, но не хочет.

«Потёмщики» *ищут* света, Александр Исаевич! Ищут, но не находят. Помогите! Опубликуйте сами ту черновую рукопись, и тогда все увидят, в какой степени она была или не была «изгажена» при «воровской» публикации ее Анатолием Сидорченко.

И еще. Если публикация «опуса» не была с автором согласована, да текст был злостно изгажен, то автор понес моральный ущерб. В таких случаях он обращается в суд. Вменяем его обидчик или невменяем, – это решать суду. Солженицын идет другим путем: объявляет Сидорченко *умалишенным, хулиганом, вором, фальсификатором, провокатором*. Немалая нужна изобретательность, чтобы собрать воедино такой букет ругательств. Не букет, а кастет. Тот, которым автор «ста томов партийных книжек» призывал *кроиться в черепе*. Но «лучший талантливейший поэт советской эпохи», по крайней мере, не путал кастета с *правосознанием*. А Александр Исаевич путает. Это у его оппонентов уродливое правосознание, а не у него! И «нормы литературного поведения» тоже искажает не он, а кто-то другой, перепродающий краденое!

Но если произошла утечка информации, даже самой секретной, шпионской, то не воротишь. Если джинн вырвался из бутылки, назад его уже не загнать. Как заметил Валерий Каджая, «*ни Дейч, ни я, ни Костырченко, ни Семен Резник не выкрадывали этих злополучных черновики – Солженицын сам поместил их во второй том “Двухсот лет вместе”*» [18]. Совершенно верно – если не считать того, что кое-что вклинилось и в первый том. Из всех, кто высказался по этому поводу, нормы литературного поведения нарушил только сам Александр Исаевич – сперва «галилеевым» отречением, потом вынужденным признанием своего авторства, тут же перекрытым криками: «Держи воров!»

Когда друг убивает друга

...В центре Вашингтона, на Капитолийском холме, в одном из величественных зданий американского Сената была открыта выставка «Пермь-36». «Пермь-36» – это случайно уцелевший обломок затонувшей Атлантиды: один из немногих островков ГУЛАГа, который не был демонтирован после смерти Сталина и продолжал функционировать до самого конца советской власти. Усилиями местных краеведов «Пермь-36» превращена в музей, существующий, главным образом, благодаря их энтузиазму и некоторым американским благотворительным фондам, далеко не самым богатым и щедрым.

Тем не менее, нашлись деньги на то, чтобы привезти выставку в Вашингтон. Тогда как в Москве, в Государственной Думе, где планировалось одновременное открытие такой же выставки, произошла задержка – «по техническим причинам». Мелкий, но выразительный факт.

В связи с открытием выставки здесь же, в здании Сената, в огромном зале на втором этаже, куда ведет беломраморная лестница, состоялась дискуссия-презентация на тему «Политическое наследие советского ГУЛАГа». 14 участников. И почти все с тревогой говорили о том, что память о ГУЛАГе едва теплится; что в России это страшное наследие почти забыто, – нет, хуже того, в общественном сознании это наследие не фиксируется как нечто ужасное, с чем невозможно мириться. Из наследия ГУЛАГа не извлекается необходимых уроков, с чем участники дискуссии напрямую связывали сегодняшний произвол и коррупцию в обществе. Уровень беззакония в стране очень высок, попытки противостоять этому злу не получают широкой поддержки, правозащитные организации немощны и малочисленны, опросы общественного мнения указывают на рост популярности Сталина.

Говорилось и о том, что в сознании всего мира, в том числе и Америки, наследие ГУЛАГа не занимает подобающего места. Участники дискуссии подчеркивали, что гитлеровский и сталинский геноцид – это явления одного порядка; но если о Холокосте не перестает говорить весь мир, если в Америке, в Европе функционируют десятки музеев Холокоста, работают исследовательские центры, выходят и широко демонстрируются художественные и документальные фильмы о Холокосте, если это наследие изучается в школах, то память о ГУЛАГе увядает. Музеев нет, научных центров – почти нет, фильмы не снимаются. Когда-то был снят фильм по «Ивану Денисовичу», но успеха не имел и давно забыт...

Выступавшие, конечно, вспоминали книги Солженицына, цитировали их. Те, давние.

«Красного колеса» здесь никто не вспоминает, а о двухтомнике «Двести лет вместе» почти никто и не знает.

Слушая выступления «за круглым столом», я вдруг с какой-то особой остротой и болью осознал, почувствовал, как фатально в свое время ошибся Александр Исаевич, как бесповоротно проиграл

вторую половину своей жизни, и сколь широко и грозно разошлись круги от этой его ошибки.

Представить нетрудно, как сложилась бы его судьба, если бы он, оказавшись на Западе в середине 1970-х годов, еще полный энергии и в зените славы, с репутацией великого писателя, правдолюбца, гуманиста, стойкого борца с тоталитарной властью, – если бы он тогда, да хоть бы в печально знаменитой Гарвардской речи,

А.Солженицын и В.Путин

кликнул клич и возглавил движение – за увековечение памяти узников ГУЛАГа, за сохранение и сбор материалов, связанных со сталинскими (и досталинскими, и послесталинскими) преступлениями коммунистического режима... Да он бы всколыхнул мир! В такое движение, возглавляемое *самим* Солженицыным, влились бы лучшие интеллектуальные силы многих стран, рекой потекли бы деньги из самых крупных благотворительных фондов, от отдельных меценатов. Десятки, сотни Соросов толпой штурмовали бы вермонтскую цитадель, за честь считая выворотить карманы и пожертвовать свои миллионы. Хватило бы на строительство самых богатых музеев, в которые рвалась бы сегодня публика, как она рвется в музей Холокоста; на сеть исследовательских центров; на образовательные программы, телевизионные сериалы и на многое другое.

Можно не сомневаться, что такая кампания ускорила бы паде-

ние коммунистического режима в России, а главное, распад системы проходил бы иначе – под гораздо большим давлением и влиянием гуманизирующего демократического начала. Суд над компартией, затеянный после прихода к власти Ельцина и так постыдно провалившийся, дал бы совсем другие результаты. Сам Солженицын был бы увенчан многими наградами, возможно, еще одной Нобелевской премией – мира. А главное, страна, Россия, сегодня была бы иной. Красные и коричневые были бы поставлены вне закона, – де-факто и де-юре. Вряд ли сегодня продавались бы на всех углах «Майн Кампф» и «Протоколы сионских мудрецов», «Бестселлер» Проханова, «Генералиссимус» Владимира Карпова. Гражданское общество пустило бы глубокие корни, охватило бы широкие слои населения и не дало бы разыграться тому беспределу, который мы с ужасом наблюдали все эти годы и наблюдаем сегодня.

Александр Исаевич пошел другим путем. Вместо того, чтобы стать центром объединения всех антикоммунистических и демократических сил, он стал тараном разъединения и раскола. Он стал крутить неподъемные красные колеса, доказывая миру и самому себе, что «во всем виноваты евреи» – как раз по сценарию «еврейско-ленинской революции», давно уже, как оказывается, набросанному в его потайной тетрадке. В чем нельзя отказать Александру Исаевичу, так это в последовательности. Путь от «Ленина в Цюрихе» и от столыпинского довеска в «Августе 1914» к двухтомнику «Двести лет вместе» – это путь, увы, столь же логичный, сколь и печальный.

Кажется, Виктор Шкловский заметил когда-то, что если враг убивает врага, то в этом нет материала для драмы; а вот когда друг убивает друга, это трагедия.

Ну, а если великий человек тратит вторую половину жизни на то, чтобы убить то, что невероятными усилиями своего таланта и духа созидал в первую половину? Это трагедия в квадрате, супертрагедия.

«Но вот сейчас явно избрано: опорочить меня как личность, запятнать, растоптать само мое имя. (А с таимой надеждой — и саму будущую жизнь моих книг?)», – жалуется Солженицын [19].

Не знаю, кто вынашивает такие коварные замыслы, но знаю, что осуществить их под силу только одному потемщику – Алексан-

дру Исаевичу Солженицыну. С грустью и горечью приходится отметить, что с этой титанической задачей он начинает справляться. Друг убивает друга? Нет, самого себя.

Такова Солженицынская трагедия.

Примечания

[1] А.И. Солженицын. *Двести лет вместе (1795-1995). Часть I* // М., «Русский путь», 2001; А.И. Солженицын. *Двести лет вместе. Часть II* // М., «Русский путь», 2002.

[2] Я не поленился заглянуть в этот «Город 24», дабы посмотреть, откуда ноги растут; попал на сайт, прописанный в Брянске, но при беглом его просмотре данного материала не нашел и вернулся в «Библиотеку Горикова».

[3] «Вестник», 2002, №№ 8-26; 2003, № 1-3. Опубликованы отдельной книгой: см. Семен Резник. *Вместе или врозь? Заметки на полях книги А.И. Солженицына*. М., «Захаров», 2003.

[4] Архив автора.

[5] А. И. Солженицын. *Потёмщики света не ищут* // «Литературная Газета», 2003, октябрь, № 43, стр. 3; редакционная вводка под названием «Ответ Солженицына» — там же, стр. 1.

[6] <http://culture/2003/10/20/solzhenitsin/22.10.2003>

[7] А. И. Солженицын. Ук. соч. «ЛГ», № 43, 2003, стр. 3; компьютерная распечатка на восьми с небольшим страницах, стр. 6.

[8] Там же.

[9] Там же, стр. 7.

[10] Цит. по транскрипту передачи на сайте «Эха Москвы». Компьютерная распечатка на десяти страницах, стр. 1.

[11] А. И. Солженицын. *Потёмщики света не ищут*. «Литературная газета», 2003, октябрь, № 43, стр. 3, компьютерная распечатка на восьми страницах, стр. 7.

[12] Марк Дейч. *Бесстыжий классик. Александр Солженицын как зеркало русской ксенофобии*. «Московский комсомолец», 2003, 25 и 26 сентября.

[13] См.: Семен Резник. Ук. соч., стр. 338, 411 и ряд других. В книге, кстати, более пятисот точных ссылок на разные источники и столько же — на текст самих «Двухсот лет», но этой критики Солженицын прицельно не замечает.

[14] А.И. Солженицын. «Потёмщики света не ищут», ЛГ, 2003, октябрь, № 43, стр. 3; компьютерная распечатка на восьми страницах, стр. 7.

[15] Александр Солженицын. Евреи в СССР и будущей России. В кн.: Анатолий Сидорченко. *Soli Leo Gloria*, М., «Печатный двор», 2000, стр. 3-75.

[16] «Московские новости», 19-25 июня 2001 г. № 25.

[17] Семен Резник. «Лебедь Белая и шесть пудов еврейского жира», «Вестник», 2003, № 11-12.

[18] Валерий Каджая. Рукописи не горят или ответ на ответ Александра Солженицына по поводу его «травли». «Еврейские новости», Москва, 29.10.2003. Статья появилась, когда мои заметки были уже почти завершены, и я с удовольствием обнаружил, что частично наша аргументация перекрывается.

[19] А. И. Солженицын. Потёмщики света не ищут. ЛГ, № 43, стр. 3, компьютерная распечатка на восьми страницах, стр. 7.

СЕМЕН РЕЗНИК

Вместо заключения

В ожидании публикации последнего рассказа Сергея Есина я регулярно заглядывал на сайт журнала «Новый Мир», и через какое-то время обнаружил «Анонс 10-го номера за 2018 год». В разделе «ПРОЗА» прочитал:

«Сергей Есин. Смерть приходит по-английски. Опыт биографической прозы. Публикация С. П. Толкачева.

Когда появился, наконец, октябрьский номер журнала, я тотчас прочитал рассказ Есина, открывший мне новые глубины личности этого большого писателя и очень сложного человека, прожившего внешне благополучную, а по сути очень трагичную жизнь.

В рассказе (я бы назвал его маленькой повестью) два героя, тесно связанные друг с другом как сиамские близнецы. Это вымышленный персонаж, от чьего лица ведется повествование, и сам автор, который его придумал. Две судьбы, героя и автора, так причудливо переплетены, что не всегда можно понять, о ком из них и от чьего лица ведется рассказ.

Герой повествования – больной, беспомощный старик, всеми забытый и медленно угасающий на больничной койке. Всю жизнь он пытался освоить английский язык, но так и не преуспел. На пороге неумолимо надвигающейся смерти он вспоминает свою жизнь, в чем ему активно помогает автор, подсказывая забытое, додумывая недодуманное, подменяя то, что смутно мерещится персонажу, эпизодами из своей жизни. Рассказ так построен, что читатель не всегда может понять, что на самом деле вспоминается персонажу, а что самому автору.

Лично для меня в этом мастерски написанном произведении раскрылось то, о чем Сергей Есин мне никогда не писал и не говорил. Думаю, и никому другому не говорил, разве что, проговаривался в порыве особой откровенности с кем-то из самых близких друзей – во много раз более близких, чем я. Поведать сокровенное он смог только наедине с собой, в этом пронзительном рассказе.

Из него можно понять, чего больше всего на свете боялся Сергей Есин. Он боялся долгого одинокого стариковского угасания... Как мрачная туча, оно с роковой неизбежностью надвигается на героя рассказа и на переплетенного с ним тысячами нитей близнец-автора.

Насколько оправдан был его страх?

Для Сергея Есина – более чем оправдан. Достаточно припомнить медленное угасание на его глазах единственной женщины, которую он беззаветно любил, чтобы понять, почему он боялся подобной же участи. Он привык трезво смотреть в глаза правде, какой бы горькой она ни была, и не обольщался относительного того, чего ему следует ожидать.

По теории Есина, всё в этой жизни повторяется дважды (такая мысль рефреном проходит через многие его произведения, а первая его повесть так и называется: «Живем только два раза»). Потому к участи своего беспомощно умирающего персонажа он, без всякого снисхождения, приговорил и себя.

Впрочем, нет, не совсем так! Автор всё же резервировал и другой возможный вариант своего конца, о чем говорится в следующем за двумя приведенными абзаце:

«Лучше всего, конечно, умереть на ходу, возвращаясь домой с работы или вечером на пути из театра. Никаких забот и никаких

одолжений от близких или соседей. “Скорая помощь”, уверенные руки фельдшера, потом приемный покой, иногда реанимация, потом палата и медленное, на уровне гниения, угасание. Счастье – это сразу не реагирующий на свет зрачок. Между этим, уже неживым состоянием и крематорием имеется прокладочка, прослойка: морг, пьяные санитары, два-три дня в холодильнике с биркой, привязанной к большому пальцу ноги. Более униженный всё же первый вариант: из реанимации в палату. Но что там станет нашептывать не до конца угасшее сознание? В конце концов, у героя, да и у автора, крепкая генетика: бабушка умерла 102 лет отроду. Просто от старости. Поэтому будем уstraиваться с повествованием в больничной палате».

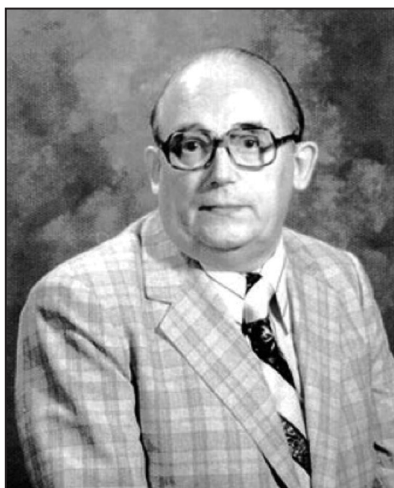
О том, что надежда умирает последней, лапидарно сказано и в другом месте рассказа – с присутствием писателю Есину подтруниванием над автором, то есть над самим собой:

«Это пленительная способность наблюдать и приписывать всё худшее и опасное у автора своему герою. Иногда автор думает, что даже смерть случится не с автором, а с персонажем. В конце концов, литература бессмертна».

Фортуна помогла Сергею Есину избежать участи своего персонажа. Он покинул этот мир внезапно, не попрощавшись, **по-английски**. Полный энергии и творческих сил. Он ушел из жизни, но не из литературы. **Ведь, в конце концов, литература бессмертна.**

Игорь ЧИННОВ

ПЕРВЫЙ ПОЭТ РУССКОЙ ИММИГРАЦИИ

Имя Игоря Чиннова малоизвестно (или попросту неизвестно) большинству читающих по-русски. А ведь это замечательный поэт – и уникальный случай в национальной словесности. Через первую, послереволюционную волну эмиграции и знаменитую «парижскую ноту» 1930-40 годов он является связующим звеном между Серебряным веком и современностью. После смерти Георгия Иванова Чиннов был признан первым поэтом русской иммиграции, а его творчество предвосхитило появление современных «метареалистов» и поэтов необарокко 1980-90-х годов.

Самое удивительное – в России он почти не жил, а Москву и Петербург впервые увидел, когда ему было уже за восемьдесят. Все связи Чиннова с Россией находятся исключительно в духовной сфере, но, тем не менее, он всегда оставался русским поэтом.

Второго такого явления в нашей поэзии не было. Творчество поэтов «первой волны» в основном закончилось вскоре после Вто-

рой мировой войны, а поэты «второй волны» эмиграции были уже носителями советской культуры и в эстетическом смысле творчество таких поэтов, как Иван Елагин, Перелешин или Моршен мало чем отличается от магистральных направлений в советской поэзии. Творчество же Игоря Чиннова как бы продолжает традицию Серебряного века до наших дней (Игорь Чиннов скончался в 1996 году и до самой смерти продолжал писать стихи). По складу своего дарования Чиннов – поэт классической русской традиции, поэтому особенно интересно проследить, как трансформировались принципы классической поэтики в современных условиях.

Чиннов был человеком европейски образованным (знал четыре языка), а значит прекрасно представлял себе то, что творилось в западноевропейской поэзии. Поэтому его эксперименты с теми или иными формальными и техническими приемами или же игнорирование тех или иных «находок» современности – вполне осознанны, и продиктованы тонким чутьем и отменным вкусом – качествами столь же ныне редкими, сколь и определяющими в случае с Чинновым.

Литературный круг русской эмиграции (особенно первой волны) был очень узок, и мнения «критиков и современников» (особенно если учесть, что среди них были и Адамович, и Вейдле, и Георгий Иванов) естественно накладывали свой отпечаток на творчество Чиннова, впрочем, весьма, на наш взгляд, положительный.

Многочисленные эксперименты поэта были направлены на то, чтобы выработать новый язык (в самом широком смысле) для современной лирики. Такая задача подразумевала известное новаторство практически на всех структурных уровнях – от лексического до стилистического и интонационно-содержательного. Очень существенным в случае Чиннова является не только русская лирика двадцатого века, но и общий контекст западноевропейской поэзии, особенно немецкой, английской и французской.

Вот его краткая биография.

Родился в семье адвоката. В 1914-1922 семья Чинновых жила в России, затем уехала в Латвию. Окончил юридический факультет Рижского университета (1939), работал юридическим консультантом. Опубликовал первые стихи в журнале «Числа» (1933).

Был депортирован из Латвии в Германию на принудительные работы, после освобождения был зачислен в американскую армию, служил во Франции. Демобилизовавшись в 1946 году, поселился во Франции.

В 1950 году в Париже вышла его первая книга стихов. Затем переехал в Мюнхен, где работал в русской редакции радиостанции «Освобождение» (позднее «Свобода»). С 1962 года – в США, профессор русского языка и литературы в различных университетах.

С 1991 стал печататься в СССР, а затем в России. В 1992 и 1993 годах приезжал в Россию.

Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Его архив хранится в Институте мировой литературы РАН.

Любопытный факт. Сорок лет назад в Мэрилендском университете прошли два вечера, посвященные русской поэзии. Газета «Новое русское слово» писала, что их «правильнее назвать творческими вечерами двух выдающихся поэтов русского зарубежья – Иосифа Бродского и Игоря Чиннова». Оба поэта, как бы соревнуясь, по очереди читали свои стихи.

И еще одно совпадение: оба скончались в один год, 1996-й, с разницей в четыре месяца (Бродский 28 января, Чиннов – 21 мая).

Мы публикуем большую подборку стихов Игоря Чиннова. Надеемся, наши читатели по достоинству оценят его поэзию.

Неужели не стоило
Нам рождаться на свет,
Где судьба нам устроила
Этот смутный рассвет,

Где в синеющем инее
Эта сетка ветвей –
Словно тонкие линии
На ладони твоей,

Где дорожка прибрежная,
Описав полукруг,
Словно линия нежная
Жизни – кончилась вдруг,

И полоска попутная –
Слабый след на реке –
Словно линия смутная
Счастья – там, вдалеке...

Так посмотришь небрежно,
И не вспомнится позже
Этот снег неизбежный,
Этот светленький дождик.

Незаметно задремлешь,
И не видеть во сне бы
Оснеженную землю,
Светловатое небо.

Это радостный признак,
Это – счастье, поверьте:
Равнодушие к жизни
И предчувствие смерти.

Петух возвещает, чуть свет,
Что ночь позади;
Кукушка – что столько-то лет
Еще впереди.

Куку или кукареку –
Значенье одно:
Что сыплется (будь начеку!)
Струю зерно.

Ты знаешь, есть птица одна,
Она не поет:
Лишь время, как семя, она
Неслышно клюет.

Яснее с каждым годом: да, провал
Смешных попыток, тягостных стараний.
Быть может, рок нам счастье обещал,
Но, кажется, не сдержит обещаний.

Так в незнакомом тесном ресторане
Вдруг видишь, в зеркалах, просторный зал,
Идешь – и убеждаешься в обмане:
Всё те же люди, тот же тесный зал
На ледяной поверхности зеркал.

В Булонский лес заходишь в декабре:
Деревья в сизом, снежном серебре.

И видишь, в довершение картины,
Как будто наши, русские рябины –

И чувствуешь, острее с году на год,
Ту горечь терпкую холодных ягод.

И рот кривишь. От этого всего –
Оскомина. И больше ничего.

Шагаешь по мокнущей груди
Безжизненных листьев, во тьме –
И вдруг вспоминаешь о людях,
Погибших тогда, на войне.
И знаешь, что помнить не надо:

Умершим ничем не помочь.
И память – как шум листопада
В глухую осеннюю ночь.

Вот, живешь: суета, нищета
Только тщетно считаешь счета,
Только видишь, что сумма не та;

А умрешь – темнота, немота
И такая, мой друг, пустота,
Будто ночью под аркой моста.

Немного рыбы и немного соли
На медленном огне – какая скука!
Живая рыба корчилась от боли,
Старуха злилась, плакала от лука,

Над луком, над стручком засохшим перца,
Багровым, как запекшаяся рана,
Морщинистым, как маленькое сердце,
Увядшее у газового крана

От жара, холода и равнодушья:
Сухое сердце той, худой, убогой,
Открывшей, словно рыба, от удушья
Бескровный рот и поминавшей Бога...

А дальше что? Что Бог – благой и кроткий,
Что грешников поджаривают черти,
Что в тишине чадит на сковородке
Немного жизни и немного смерти.

Мальчик бился над задачей,
Верил, что найдет ответ,
Не мирился с неудачей –
А в задаче смысла нет.
От других отнять – и что же?
Общий жребий разделить:
Состояние умножить,
Да и голову сложить...
Уравнений интересных,
Мальчик, больше не решай:
Слишком много неизвестных –
Счастье, истина, душа...
Ничего не надо больше,
И не всё ль тебе равно,
Что поменьше, что побольше,
Что равно, чему равно...

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Порой, читая вслух парижским крышам
Его стихи таинственно-простые,
В печали, ночью, в дождь – мы видим, слышим
(В деревне, ночью, осенью, в России):

Живой, знакомый нам, при свечке сальной
Свои стихи негромко он читает,
И каждый стих, веселый и печальный,
Нас так печалит, словно утешает.

И кажется – из царскосельской урны
Прозрачная, хрустально-ключевая
Течет струя свободно и небурно,
Курчавый облак ясно отражая.

И полной грудью мы грустим – но счастьем,
Как вдохновеньем, безотчетно мудрым
Наполнен мир, и стоит жить и, настежь
Открыв окно, дышать парижским утром.

Опять подымается ветер,
Опять лиловеет восток,
И в сумраке еле заметен
Летающий опавший листок.

(Листок за листком пролетает.)
Опять начинает светать,
Опять мы встаем – и считаем,
Что всё повторится опять.

Опять мы заводим пружину
Часов на положенный срок,
Опять мы бросаем в корзину
Один календарный листок.

Наклонись над рекой, погляди:
Тень твоей головы и груди
Неподвижна, как если бы в пруд
Ты гляделся; а воды текут
Мимо тени, тебя и всего,
Мимо светлого дня твоего.

Только – сердце боится слегка:
Есть на свете другая река,
Уносящая солнечный день,
И твою мимолетную тень,
И тебя самого заодно
На глубокое, темное дно.

В стакане стынет золотистый чай,
Чаинка видит золотой Китай.

Желтеет чай, как Желтая Река,
И тает сахар, словно облака.

Кружок лимона солнцем золотым
Просвечивает сквозь легчайший дым.

Легчайший пар напоминает ей
Туман прозрачный рисовых полей.

И ложечка серебряным лучом
Упала в золотистый водоем,

Где плавает чаинка, где Китай,
Блаженный край, ее недолгий рай.

Я слышал где-то анекдот:
Спешит по делу пешеход
Весенним полднем городским.
А некто семенит за ним
И говорит, неясно, в нос:
– Простите. Маленький вопрос:
Вы верите, хоть иногда,
В загробный мир, скажите, да? –
И ждет. И, получив в ответ
Слегка рассеянное «нет»,
Бормочет грустно: – Очень жаль!
И, закрутившись, как спираль,
И делаясь совсем сквозным,
Рассеивается как дым.

Ну вот и всё. Ведь если вдруг
Ты скажешь, поглядев вокруг,
Что ты не веришь в этот мир,
Мир не уйдет, как дым, в эфир.

Быть может, в мире всё иначе,
Быть может, мир совсем другой,
И всё вокруг не больше значит,
Чем бред, воображенный мной, –
И только вихри электронов,
Как заведённые, кружат?
И нет ни этих старых кленов,
Ни девушки, входящей в сад...

Но вот, сейчас, я прижимаю
Мою щеку к твоей щеке,
И ты, простая и живая,
Стоишь со мной, рука в руке.
Всё достоверно, всё понятно:
Желтеют клены, воздух тих,
А небо – синее, как пятна
Чернил на пальчиках твоих.

Нам кажется, всё ясно, очень просто:
На уличной скамейке рядом с нами
Худой старик, замученный работой,
Сидит, согнув сутуло позвоночник,
Глядит на заскорузлые ладони.

Не позвоночник, а тростник прибрежный
Сгибается; не линии ладоней,
А ветки почернелые деревьев
(На фоне желтоватого заката)
Потрескались под градом и под ветром.

Не сердце бьется, а морские волны,
Не кашель, а раскаты громовые,
И не озноб, а Млечный Путь проходит
Насквозь пронизывающей струею.

А может быть, он спит в своей постели,
С женой бранится иль гниет в могиле.

Солнечная зыбь на реке,
Солнечная рябь на листве.
Тени от ветвей на песке,
Стая голубей в синеве.

Рыба сторожит червяка,
Пестрая сияет река.
Тень от моего поплавка
Синью отливает слегка.

Может быть, когда я умру,
Может быть, тогда я пойму
Легкую, простую игру –
Солнце, полусвет, полутьму...

Бывает, поддашься болезни,
Так долго в больнице лежишь
И просишь здоровья и жизни,
И вот, на рассвете, сквозь тишь –

Как будто бы голос далёкий
(Не знаю, не спрашивай – чей)
Такой отзывается мукой –
Страшнее больничных ночей...

И скорбью, и болью о мире
(Ты смотришь, платок теребя)

Иное, нездешнее горе,
Как счастьем, пронзает тебя...

О чём ты? – Лицо исказилось,
И жилка дрожит на губе.
Напрасно тебе показалось,
Что кто-то ответил тебе.

Этот мир, тускловатый и тленный,
Этот город и эта зима –
Только тени на стеклах вселенной,
Светотень в мировом синема.
Это – светом прикинулась тьма.

Но неважно. Важней, что порою
Мы, глаза прикрывая рукою
И впадая почти в забытье,
Вспоминаем и видим другое,
Необманчивое бытие.

Гекатомбы, катакомбы,
Ближний, дальний – улюлю!
Я щелчком нейтронной бомбы
Удивлю так удивлю!

Взять плутония, урана
(Дважды надо взять уран) –
И вблизи Альдебарана
Наш очутится баран.

Может, Бог тебе поможет.
Человечество, спасайсь!
Если кто, конечно, может...
Кто не может – не спасайсь!

Кто американ, кто рашен,
Кто алкаш, а кто зека.
Мы с нейтронами отпляшем
Гопака и трепака!

Я живу – смешное дело! –
В стороне от здешних мест.
Эх! среда меня заела!
И четверг меня заест!

Благоразумие – безумие,
Всего разумнее бедлам.
Я разум, мертвенный, как мумия,
Пошлю Эразму в Роттердам.

Лисица превратится в ласточку,
А я ничуть не удивлюсь;
Я превращу ее в ракеточку,
Компьютерами заслонюсь.

Ворона полетит в прикрытие –
В подлодку превратим ее.
Прелюбопытное событие –
Отплытие в небытие!

Дома почти не окровавлены,
А дыры покрывает ночь.
На синем черные развалины:
Гоморра и Содом точь-в-точь.

Адью! Примите уверения!
Шлём термоядерный привет!
Переселяемся в селения,
Которых не было и нет.

Уйти? Остаться? Сердце мается.
«Свобода воли»... Полно врать:
Свободой воли называется
Необходимость выбирать.

А выбирать — не знаю, стоит ли.
Пусть лучше выберете Вы.
Ах, две охапки сена стоили
Ослу ослиной головы:

Две одинаковых (Нелепица!
Ну хоть бы спор Добра и Зла!),
И между ними всё колеблется
Тень Буриданова осла:

Какой охапке предпочтение
Отдать? Какую первой съесть?
Стоял осел в недоумении,
Пока его не съела смерть.

Болею манией величия!
(Смиреньем не спасаю душу я!)
И на людское равнодушие
Я отвечаю безразличием.

Сосед любезный homo sapiens,
Обмениваемся поклонами.
Я уезжаю на Галапагос
За черепахами зелеными.

Вот поймана большая партия.
Читаю им стихи (о пьянице).
Ко мне одна с восторгом тянется
Из-под наскучившего панциря.

Другой милей стихи об аисте,
О розе, небе, свете, ласточке.
Она кивает понимающе
И аплодирует мне ластами.

И носороги с осьминогами
Приходят слушать... (Твари Божии!)
Сравни со многими двуногими:
Они совсем не толстокожие!

Не феями и не каменами,
Не ходом звезд или луны,
А хромосомами и генами
Нам роли определены.

Долой, наследственная химия,
Моя врожденная беда!
Переменю тебя, как имя, я
И улечусь в никуда!

Неясно, говоря по сути, нам,
Где – в царстве света или тьмы, –
Чьим – добрым или злым – компьютером
Запрограммированы мы...

Хай, Микки-Маус! Лапку миккину
Жмет вольнодумная душа:
Сейчас я на прощанье выкину
Невиданное антраша!

Из картотеки смотрит рожица,
Пищит: – Не разводи бобы.
Ведь точно жизнь твоя уложится
На карточке твоей судьбы.

Слышно, как Лермонтов песню заводит на Тереке.
Слышно – доносится выстрел из Южной Америки.
Видно, как нищий замерз на холодном пристанище.
Слышно – тоскует солдат по убитом товарище.

Видно, как вишни цветут, умирают в Японии.
Слышно, как физик жене говорит о плутонии.
Видно, как бронзовый Царь поскакал за Евгением.
Видно, как месяц встает над последним сражением.

Слышно, как Данте бормочет стихи о чистилище.
Слышно – в пещере взрывается бомбохранилище.
Видно – казнимый глядит на летучее облако.
Видно – на кнопки нажали два розовых робота.

Слышно – шумит Карфаген, победителя чувствуя.
Видно – под Петей Ростовым лошадушка резвая.
Впрочем, не стоит так долго о смерти, о гибели?
Скажем: на Остров Блаженных блаженные прибыли?

Окружена публичными домами
Стариннейшая церковь в Амстердаме
В любом окне по непречистой даме.
И прислонились к стенке писсуара
Младой турист, девица и гитара.
Над ними свет закатного пожара.
И отражается в воде канала
Красавица с таблеткой веронала.
Она стареет и она устала.
И тридцать три малайца-сутенера
(Для девочек непрочная опора)
К двум неграм подошли – для разговора.
И девочка, купившая наркотик,
Ругает их, кривит увядший ротик.
К ней ковыляет бледный идиотик.

По-разному живут на свете люди.
Большой закат напоминал о чуде,
А проповедник говорил – о блуде.
Свобода выбора... Свобода воли...
А если всем определяет роли
Сам Саваоф на огненном престоле?

Куда-то плыть осенними туманами
И задремать и вдруг проснуться:
Оранжевыми инопланетянами
Полно летающее блюдце.

Они покачивают длинными антеннами,
И всё здесь кажется им странным:
Им непривычно плыть туманами осенними
Навстречу варварам-землянам.

И, поборов естественную ксенофобию,
Они кричат: «Людишки, здрасте!
Вы созданы, хи-хи, по образу-подобию
Всевышнего? Вы это бросьте!»

И уверяют голосами очень тонкими:
«Самообман смешон, опасен!»
И машут угрожающими перепонками,
И улетают восвояси.

Мы не Аттилы, не Калигулы, не Дракулы;
Но и на Бога непохожи?..
Да, но пускай нам это скажут ангелы,
Сияя в небе светлом, Боже.

Мы положим на чашу весов
Тонкий запах осенних лесов,
Серо-сизые краски реки

И в полях негустые дымки,
Журавлиный стрельчатый полет
И закат над туманом болот.
Мы положим с тобой на весы
Тишину в голубые часы,
Вечереющие облака,
Желтоватый огонь маяка,
Синеву, окружившую мост,
И мерцание маленьких звезд.
Мы положим с тобой на весы
Лунный отблеск речной полосы,
Понемногу сходящей на нет;
И уже проступавший рассвет,
Легкий ветер в осоке сырой,
След лазури над белой горой,
Засиявшую каплю росы
Всё положим с тобой на весы.
Лепесток в озаренном пруду,
И от лодки в пруду борозду,
И зыбучую тень от листка
Над полуденным жаром песка,
И – «ау!» молодых голосов –
Всё положим на чашу весов.

Спор сумасшедших с полоумными,
Спор одержимых с бесноватыми;
Не надо вмешиваться, милый.
Займемся летними полуднями,
Займемся зимними закатами,
Луной на улице застылой.
Пусть шизофреник параноику
Изложит новую теорию
О политическом прогрессе –
Пройдем по солнечному дворику,
Пройдем к цветущему шиповнику,
К цветистой бабочке ванессе.

Пускай вороны с мериносами
К шакалам пристают с вопросами
Об историческом процессе –
Гляди на нежные соцветия,
На отдаленные созвездия,
На знаки смерти и бессмертия,
На облачное поднебесье.

В ночном Нью-Йорке снег. Уснул, затих Нью-Йорк.
Под мокрым снегом он промок, продрог.
В нем воздух за день, кажется, прогорк.
Дневная суета, бескрылый торг!

Но торг не кончен. Бродят у витрин
Мальчишки – и подходит господин,
И юноша, прекрасный, как павлин,
Вдруг выступает из ночных глубин.

Два фонаря рассеивают мрак,
А там, в аллее, черный кадиллак.
В нем проститутку задушил маньяк.
Он режет ей над сердцем странный знак.

Смутна луна, туманен ореол.
Вот наркоман: он делает укол.
Он в белом парке негра подколол:
Ведь мертвый черный – меньшее из зол.

О небоскребы, темный вертоград!
Никто не выбросился? Нет, навряд:
Кому охота прыгать в снегопад?
(Несчастный случай – частный случай, брат.)

Когда Адам брюхатил Еву,
Нас даже не было. Но Бог
Нас наказал, поддавшись гневу.
Адам, распутник, чтоб ты сдох.
И вот – с полвека, на работу!
На холоду и в темноте...
Как будто бы в штрафную роту
Свободы ради? Те-те-те!

Да, Богу будто бы угодно
(Что знают книжники о Нем?),
Чтоб мы пришли к Нему свободно
(Хоть и сгибаясь под ярмом).

Бог – всеблагой и всемогущий,
Всеведущий? Зачем Ему
Испытывать меня? (Я в гуще
Смолы кипящей всё пойму?)

Мне говорят, что я агностик
(Я этим прозвищем не горд),
И мне показывает хвостик
Худой зелено-черный черт.

Ах, к черту черта! Я три года
Готовлюсь к райскому лучу.
Зачем, о Господи, свобода?
Блаженства светлого хочу!

Святой блаженствует в экстазе и
Златую осушает чашу,
А нам за наши безобразия
Покажут кузькину мамашу.

Пребольно выпорют бездельников,
Пропишут ижицу – а дальше,
Ой, надававши подзатыльников,
Пошлют куда-нибудь подальше.

В аду, гостеприимной пристани,
Нас черти приютят, наверно,
Но скоро, присмотревшись пристальней,
Пренебрегут высокомерно.

Что ж, посидим над мелкой речкою,
Следя за ангелом крылатым.
Мы не были ни Богу свечкою,
Ни черту кочергой... Куда там!

Мы давно отдыхаем
На чужих берегах.
Здесь, над пальмовым раем,
Мой развеется прах.
Нет, какое там горе?
(Ельник, холмик, снега?)
Увезут в крематорий,
Да и вся недолга.
Ни тоски, ни обиды.
Не вернемся домой.
Падай с неба Флориды,
Пепел серенький мой!
Нет, какие могилы?
(Галка, осень, дожди...)
На Ваганьковском, милый,
Не позволят, не жди.
Что ж, ничуть не обидно:
Ведь в могиле темно
И березок не видно,
И не всё ли равно?

Евгений КИСИН

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В 2018 году в двух номерах журнала «Времена» были напечатаны первые художественные произведения Евгения Кисина на русском языке. Пианист, которого по праву считают гениальным музыкантом-исполнителем, вынес на суд читателей свою прозу. Новелла «Волишебный круг» публиковалась в переводе с идиша. «Мишка-артист» был написан по-русски. Они были необычны, неожиданны по сюжету, открыли музыканта с иной, незнакомой стороны.

И вот новая публикация в переводе с идиша, на сей раз публицистика.

...Многие мои сверстники помнят из детства, как родители во время разговора вдруг переходили с русского на идиш, «чтобы дети не могли понять». Такие неожиданные «переходы» сделали идиш языком интимного общения. Интимность идиша позволяет доводить

беседу до исповеди. Исповедь не терпит фальши, хотя в литературе «фальшивая нота» не всегда улавливается ухом, как в музыке. А иногда и слух ласкает.

В литературном творчестве Кисина вообще, и в этих «Заметках» в частности, такой «фальшивой ноты» просто не может быть. Чистота звука – одно из главных свойств его человеческой и творческой натуры.

Думаю, что ключом к их чтению и понимаю являются слова самого автора: «Возможно, некоторые мои мысли будут кому-то интересны. Высказывать я их буду на идише, потому что этот язык, мой бобэ-лошн, дорог мне гораздо больше, чем мои мнения».

Борис Сандлер

Вместо предисловия

Публично выражать свое мнение – одна из возможностей, которые предоставил нам Интернет. Человек вообще крайне дорожит собственным мнением и потому любит высказывать его при всяком удобном случае. Теперь, благодаря Интернету, это может делать кто угодно, даже любой дурак.

Я тоже человек, и у меня тоже есть мнения по разным вопросам. Мудрецом я себя не считаю, но полагаю, что и глупцом не являюсь. Возможно, некоторые мои мысли будут кому-то интересны. Высказывать я их буду на идише, потому что этот язык, мой бобэ-лошн, дорог мне гораздо больше, чем мои мнения.

Чистое дело грязными руками

В первом номере журнала «Ди идише гас» (который начал выходить в постсоветское время вместо «легендарного» «Советиш геймланд») были опубликованы доносы на «Советиш геймланд», поступившие в 1970-е годы в ЦК КПСС. Автор оных, некий М. Гливаковский, обвинял «Советиш геймланд» в «ивритизации идиша» и «апологетике поэта-сиониста Х.-Н. Бялика». Для ознакомления с доносами главного редактора «Советиш геймланд» Арона Вергелиса вызвали в ЦК, где он пытался выяснить, кто такой М. Гливаков-

ский, потому что никогда ранее не слышал об этом человеке. В ЦК тоже о нем ничего не знали, но сообщили Вергелису, что, по словам самого М. Гливаковского, консультировал его в этих вопросах Моисей Беленький (1910–1996) – известный ученый, переводчик, писатель-публицист и личный враг Вергелиса.

На протяжении многих лет после прочтения этих доносов я был не в силах понять: как мог такой человек, как Беленький (любимец и друг Соломона Михоэлса, бывший узник ГУЛАГа), совершить такой неприглядный поступок? Очевидно, что обвинения, выдвигавшиеся в тех доносах, не являлись подлинными убеждениями Беленького: он сам использовал много гебраизмов в своих трудах на идише (например, в предисловиях к книгам С. Галкина, Дер Нистера, Н. Забары, которые были опубликованы в Советском Союзе как раз в это время, в 1970-е годы). Это просто не укладывалось у меня в голове – до тех пор, пока меня не осенило...

В романе Солженицына «В круге первом» один из персонажей, заключенный Руська Доронин, соглашается стать стукачом, чтобы использовать свое положение в интересах эзков, и тут же рассказывает им об этом. Они решили отомстить одной злобной женщине, которая плохо обращалась с эзками и стучала на них. Руська написал на нее ложный донос, и ее сняли с работы.

Понятно, что М. Беленький абсолютно не хотел, чтобы «Советиш геймланд» закрыли. Да и власти бы на это в любом случае не пошли, особенно тогда, во время так называемой «разрядки», потому что Запад истолковал бы это как антисемитскую акцию. Но эти доносы могли привести к тому, что Вергелиса сняли бы с работы, – на что, похоже, Беленький и рассчитывал, надеясь сам занять должность главного редактора журнала. Наверное, Беленький не постеснялся так поступить, потому что сам Вергелис постоянно писал и публиковал всякие пропагандистские глупости. Почему же не использовать его собственное «оружие» против него самого (точно так же, как солженицынский Руська и его товарищи по несчастью поступили с доносчицей)? Однако, далеко не всем читателям «Ди идише гас» придёт в голову вдумываться во все эти подробности, поэтому, хотя Беленький был человеком неординарным и достойным, много претерпевшим от советской власти, боюсь, что эта история останется пятном в его биографии...

Инстинкты и разум

Андрей Сахаров однажды сказал: «Исторический опыт нашей страны отучил нас от излишней левизны». Без сомнения, именно по этой причине большинство иммигрантов из бывшего Советского Союза в Израиле, Америке и т. д. придерживаются правых взглядов.

Возможно, по той же причине израильтяне – выходцы из Германии и их дети исповедуют левые взгляды. После нацизма они на инстинктивном уровне отвергают даже умеренно правую идеологию.

Мудр тот, кто способен возвыситься над своими инстинктами и видеть жизнь такой, какая она есть, – и не только в политике.

Сор из избы

В течение многих лет я считал Меира Вильнера¹ законченным негодяем. Однажды, когда я прочитал его слова об «отсутствии демократии» в бывшем Советском Союзе, моя естественная реакция была: «Так как же ты смел, мерзавец этакий, поддерживать их, если знал, что там нет демократии?». Позднее я осознал, что у Вильнера просто была совершенно другая система ценностей: для него самым важным была не демократия, а социализм.

Еще позже я узнал, что в начале 1980-х, во время посещения Москвы, Вильнер и Ахмед Саад² заявили советским вождям о пагубном влиянии антисемитизма в Советском Союзе на деятельность их партии. Тогда-то я понял, что Вильнер вел себя по отношению к СССР точно так же, как Эли Визель по отношению к Государству Израиль.

Визель сам сказал мне однажды: «Если мне что-то не нравится в израильской политике, я сажусь в самолет, лечу в Израиль, иду к премьер-министру и высказываю ему свое мнение. Но если критика Израиля выйдет под моим именем в «Нью-Йорк Таймс», можете себе представить, как возрадуются антисемиты: «Даже Эли Визель считает, что...» Нет. Я не доставлю им такой радости».

Ну, а Вильнер с его взглядами и приоритетами, несомненно, не хотел доставлять радости антикоммунистам.

Мечты и реальность

Говорят, что наши сокровенные желания всегда исполняются, но не совсем так, как мы того ожидаем.

В прошлом, когда меня спрашивали, хочу ли я жениться непременно на еврейке, я отвечал: не обязательно на еврейке, но на такой женщине, которая будет понимать, чувствовать и любить еврейскую специфику.

Сходным образом я отвечал на вопрос, важно ли для меня, чтобы будущая жена была музыкантом: не обязательно музыкантом, но важно, чтобы она понимала, чувствовала и любила музыку. Получилось так, что моя жена – наполовину еврейка, и хотя она не стала профессиональным музыкантом, но выросла в очень музыкальной семье и окончила музыкальную школу-семилетку.

Теперь я мечтаю, что у нас будет как минимум двое детей, один из которых создаст семью с чернокожим/ей, второй/вторая – с азиаткой/ом – и все наши внуки будут говорить на идише! Представляю себе: вот сажу я, старый дедушка, во главе стола и не нарадуюсь на своих внучат, мулатов и раскосых, как они поют своими тоненькими голосками: «Ай, хот нит кэйн фарибл, хот нит кэйн фарибл, чири-бири-чири-бири-бам-бам-бам!».

Интересно, как воплотится эта моя мечта?

Читая «Короля Лира»

Соломон Михоэлс так истолковывал поведение шекспировского Лира: то обстоятельство, что Лир решает платить за лесть, показывает, что на самом деле слова любви он ни во что не ставит. Проклинает и наказывает Корделию он не потому, что верит, что она действительно любит его меньше, чем ее сестры, а просто потому, что она отказывается играть по его правилам.

Перечитываю «Короля Лира» – и в который раз убеждаюсь: прав, ох, как прав был Михоэлс! Когда Лир сообщает французскому королю, что Корделия «без средств, предмет опалы нашей, с проклятием за душою, без друзей», а Корделия объясняет, что ей вменяют в вину «отсутствие умильности во взоре и льстивости в устах», то Лир заявляет на это: «Ты лучше не являлась бы на свет, чем раздражать меня!». Затем он изгоняет из страны Кента, который столько

лет служил ему верой и правдой, потому что тот «волю нашу с мыслью разлучал, что не мирится с нашею природой». А позже, когда Гонерилья начинает «раздражать» Лира, жалуясь на поведение его свиты и прося распустить ее часть, «оставить малое число людей», – король осыпает ее совершенно чудовищными проклятиями: «Исчахни и сгинь от порчи! Пропади от язв отцовского проклятья...» и так далее.

В русском языке есть меткое слово, которому нет эквивалента ни в идише, ни в английском, ни во французском (возможно, потому что именно в России был распространен такой тип людей) – самодур. В русско-идиш словаре, опубликованном в 1984 году, это слово переводится как «(своевольный) деспот». Да, именно так – не просто деспот, а живущий по принципу «вот захотелось так моей левой пятке – и так должно быть, а кто смеет перечить – враг, подлец, наказывать его без пощады!».

Именно таким создал Шекспир своего Лира – и, несомненно, именно за это он его так сурово наказал.

Сочувствие маленькому человеку

Многие люди, выросшие и получившие образование в России, считают, что «сочувствие маленькому человеку» – это одно из главных достоинств русской литературы.

Думаю, что такой критерий абсурден и вообще не имеет отношения к литературе, ее достоинствам и недостаткам.

И всё же я посоветовал бы любителям изящной словесности, которым этот «сочувственный» фактор так дорог и которые утверждают, что благодаря ему русская литература чуть ли не самая лучшая в мире, прочитать «Бонче-молчальника» (этот шедевр И.-Л. Переца³ был переведен на русский язык еще более ста лет назад). Подобного «сочувствия маленькому человеку» в такой концентрированной форме и космическом масштабе – доходящим аж до Вс-вышнего и небесного суда! – я не встречал ни у Достоевского, ни у Льва Толстого, ни у кого-либо еще.

Размышления о великих русских писателях

Наверное, каждому интеллигентному человеку, родившемуся и выросшему в России, приходится рано или поздно отвечать на вопрос (если не другим людям, то самому себе): кого он любит больше – Достоевского или Толстого?

Чтобы понять значение этих двух писателей для русских, надо иметь в виду, что с одной стороны, оба они были большими идеологами в своем творчестве, а с другой – их мировоззрение было чуждо коммунистической идеологии (и в школьных учебниках, и в предисловиях к их книгам, выходявшим в Советском Союзе, это всегда подробно объяснялось), поэтому они являлись не только крупнейшими писателями, но и своего рода моральными ориентирами для многих людей, критически настроенных по отношению к коммунистическому режиму.

Осторожные намеки на это содержатся в повести Василя Быкова⁴ «Обелиск», написанной в начале 1970-х годов, где говорится, что прежде всего надо осознавать величие этих гениев (Толстого и Достоевского), а не толковать об их недостатках и заблуждениях: «Как прожить без Толстого? Можно ли быть образованным человеком, не читая Толстого? Да и вообще, можно ли быть человеком?».

Помню, как в 1989-м, в самый разгар «перестройки», на первом съезде народных депутатов СССР, один из них, известный философ Юрий Карякин⁵, заявил, что, «если бы Достоевский и Толстой нас сейчас увидели, мы бы им не понравились» (интересное заявление на политическом мероприятии!). Среди многих людей было распространено мнение, что якобы невозможно быть нравственным человеком, не читая Достоевского.

Так кому же отдаю предпочтение я, Достоевскому или Толстому? Сказать по правде, затрудняюсь ответить на этот вопрос. С одной стороны, мне очень близки напряженность и психологизм Достоевского, но, с другой стороны, меня отталкивают (и чем старше я становлюсь, тем сильнее) его преувеличения, надрывы, истерики. Ну, кто в реальной жизни разговаривает так, как, например, Мармеладов, даже будучи пьяным? В свое время я так и не смог одолеть «Идиота», поскольку не выдержал всех преувеличений подобного рода в этом романе. Как говорит еврейская пословица, «вос из цу, из ибэрик» – всё, чего много, то лишнее.

Что же касается Толстого, то его манера повествования, на мой вкус, подчас слишком размеренная, ей недостает напряженности и динамизма. Поэтому мои любимые произведения Толстого – не «Война и мир» или «Анна Каренина», а «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича», «Холстомер», «После бала»...

После долгих раздумий я пришел к выводу, что если меня спросят, кого я люблю больше, Достоевского или Толстого, то отвечу – Пушкина! Вот это был гений из гениев! Какая универсальность, какое разнообразие – и аристократизм, и народность, и глубина (даже философская глубина), и легкость! Ни единой скучной строки в его произведениях; и хотя «чувства добрые он лирой пробуждал», – никогда он при этом не впадал в морализаторство! Не случайно, в отличие от Толстого, который в своем патологическом самомнении считал, что Шекспир – ничтожество и что только он, Толстой, один-единственный в мире это понимает, – Пушкин называл Шекспира «отцом нашим» и писал: «Читайте Шекспира – это мой постоянный припев».

Даже антисемитизм Пушкина (а кто в те времена был свободен от этого предрассудка, кроме, может быть, Лессинга?) я могу простить, потому что его антисемитизм не такой, как у Гоголя, Тургенева, Достоевского. Во-первых, в отличие от них, Пушкин изображает евреев не только в негативном свете, а во-вторых, даже создавая крайне отрицательный еврейский образ (ростовщика Соломона в «Скупом рыцаре»), Пушкин не опускается до карикатурности, до высмеивания еврейского акцента, манеры говорить и тому подобного. Как и подобает гению, даже в своих предрассудках он сохраняет достоинство.

«На лице его виднелась та вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени»... Это Достоевский. Вот так вот! «На всех без исключения»! Помню, когда я, еще будучи подростком, впервые прочитал этот шедевральный пассаж в «Преступлении и наказании», то подумал: если так случится, что когда-нибудь я встречу с Фёдор Михалычем на том свете, – ух, как я расхохочусь ему прямо в физиономию, покажу ему «вековечную брюзгливую скорбь»!

А что касается Пушкина, я просто счастлив, что русский – мой первый язык, потому что благодаря этому я могу читать Пушкина в оригинале.

Знаменитое стихотворение Пушкина «К Чаадаеву» словно написано о моем поколении россиян, живущих в России. В начале 1990-х они верили в наступление «свободы просвещенной», затем у них «исчезли юные забавы, как сон, как утренний туман», – однако, в них «горит еще желанье, под гнетом власти роковой», и, «свободю горя», они борются с «самовластьем»!

А вот еще пример, гораздо более личный. На нашу свадьбу сестра моей жены сделала нам подарок: видео, где, сменяя друг друга, проходят наши с женой фотографии, детские и последних лет, и всё это сопровождается романсом Глинки на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье». Каждый раз, когда смотрим это видео, мороз по коже: ведь это просто наша история! Это именно то, что я мог бы написать моей жене, моей возлюбленной (если бы у меня был такой талант, разумеется)! Ну, как, как мог человек в начале 19-го века написать о тех, кто живет сейчас, почти два столетия после его смерти? Одно слово – гений...

Конечно, без Достоевского и Толстого жизнь была бы беднее – и тем не менее, очень даже можно прожить без Толстого, и во все не нужно читать Достоевского (со всеми его «жидами, жидками, жидишками и жиденятами») для того, чтобы быть нравственным и даже очень нравственным человеком! На самом деле Достоевский и Толстой – ничуть не более нравственные писатели, чем Гюго, Диккенс и многие другие. Всю свою сознательную жизнь я прекрасно знал, что убийство – величайший грех, и для того, чтобы понять это, мне совершенно не нужно было читать «Преступление и наказание» (в России этого не знают, – хотя как раз Толстой это знал – но на протяжении тысячелетий это было одной из важнейших основ еврейской морали). И при всей моей любви и уважении к Толстому, мне лично просто противно читать «Крейцерову сонату» – эту ханжескую и неуклюжую попытку преодолеть собственные комплексы (ведь все мы знаем, как Толстой вел себя в юности).

В отличие от Льва Николаевича (может быть, потому что я никогда не принуждал женщин к чему бы то ни было?), я не только не сожалею о своей бурной молодости, но и завидую Александру Сергеевичу, потому что у меня было в три раза меньше женщин, чем у него. И если после своей смерти я встречу Вс-вышнего, то скажу ему: «Г-споди, если прелюбодеяние – это действительно грех, пожа-

луйста, не наказывай тех прекрасных женщин, которые дарили мне свою любовь! Назначь их долю наказания мне, пускай я буду наказан и за себя и за них, – но пожалей их, таких дивных и сладких!».

К счастью, природа искусства такова, что правда жизни всегда прорывается наружу даже через ханжеские намерения художника, поэтому хотя Толстой хотел осудить Анну Каренину, она вызывает у читателя только симпатию и сочувствие. А Пушкина я люблю еще и за то, что как в жизни, так и в творчестве он никогда не был ханжой: вспомнить хотя бы его прелестную «Гавриилиаду»!

Сколько цитат из произведений вышеупомянутых двух бородатых моралистов вошло в обиход? Мне вспоминается только одна: «Тварь ли я дрожащая, или право имею?». А у Пушкина – десятки: «печаль моя светла», «я жить хочу, чтоб мыслить и страдать», «мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», «пускай погибну я – но прежде...», «я Вас люблю, но я другому отдана; я буду век ему верна», «поверить алгеброй гармонию», «гений и злодейство», «пир во время чумы», «милость к падшим», «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца» – не перечислить... И какие это цитаты, «какая глубина, какая смелость и какая стройность»!

Пушкинское творчество лучше всего характеризуют собственные слова Пушкина (хоть и сказанные о другом): «чистейшей прелести чистейший образец», «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь».

Кем бы я тогда был?

Поистине важная вещь – эмпатия: она помогает понять не только других людей, но иногда и самого себя.

Перечитываю «Пример человеческой жизни» Уриэля Акосты: ужасающий, страшный документ, постыдная страница нашей истории. Кровь кипит от гнева (как и у многих людей до меня) к его мучителям, их жестокости и нетерпимости к инакомыслию... И вдруг ловлю себя на мысли: ведь именно то, что они сделали с Акостой, мне хотелось бы сделать с теми, чьи взгляды мне ненавистны (например, с гомофобами, каханистами и т. д.), – наказать, проучить, затравить, с дерьмом смешать! Чтоб знали, такие-сякие, как быть реакционерami! Чтоб никому неповадно было!

Как же поступил бы я, если бы оказался на месте палачей Акосты и верил в то, во что верили они? Кем бы тогда я вошёл в историю?

Прав и велик был Вольтер с его постулатом: «Я ненавижу ваши взгляды, но я готов умереть за вообще право их высказывать».

Старо как мир

Поразительна склонность некоторых людей судить о вещах, которых они совсем не знают.

Просматриваю свою старую электронную почту – и вижу короткую переписку девятилетней давности. Я тогда разослал друзьям какое-то произраильское видео,

и вот одна из моих знакомых переслала мне письмо своего друга, которого я никогда в глаза не видел: «Скажи своему другу Евгению, чтобы он срочно начал изучать Библию, и не как развлечение, а анализируя каждое слово. То, что евреи сделали в Палестине 5000 лет назад, они делают там и сейчас [...] Евгений находится под влиянием людей, у кого есть интересы в Израиле...» и так далее.

Тогда я не захотел связываться с этим идиотом (оказалось, что он, конечно, еврей) и просто ответил своей знакомой: «Скажи своему другу, чтобы он читал Библию: 5000 лет назад евреев еще не существовало». Сейчас, однако, перечитываю этот перл – и думаю...

Дело не в том, что мы, интеллигентные люди, родившиеся и выросшие в Советском Союзе (где Библия сначала была запрещена, а потом стала большой редкостью), с юных лет подробнейшим образом изучали Книгу Книг, и никому из нас никогда в голову не могло прийти считать это развлечением. Дело не в том, что, если верить всему написанному в Библии, то надо верить и тому, что евреи сделали то, что описано в Книге Иисуса Навина, по приказанию Создателя вселенной, а если не верить в это, то совершенно нелогично верить и в другие библейские повествования, не имеющие исторического подтверждения (как известно, до сегодняшнего дня не найдено никаких исторических доказательств событий, описанных в Книге Иисуса Навина). Дело даже не в том, что на самом деле евреи сегодня не делают ничего подобного тому, о чем рассказывается в Библии. Наконец, дело не в том, что для нас, тех, кто жил в Советском Союзе, но

не верил государственной пропаганде вообще и антиссионистской в частности – для нас всегда было ясно, как дважды два – четыре, что дело Израиля правое, а самое большое влияние на нас в этом вопросе (как и во многих других) имели такие люди, как Андрей Сахаров – виднейший советский диссидент и убежденный сторонник Израиля (прочтите, например, нобелевскую речь Сахарова и его «Воспоминания»). Главное – то, что сравнение израильской политики с деяниями Иисуса Навина нам тоже давно и очень хорошо известно.

Приведу пару примеров. Еще в детстве я прочитал в журнале «Пионер» интервью с Ясиром Арафатом. Среди прочих вопросов, ему задали такой (после стольких лет цитирую по памяти, но суть передаю точно): «Израильский премьер-министр Менахем Бегин оправдывает свою экспансионистскую политику в Палестине тем, что это исконно еврейские земли и при этом ссылается на Библию». Арафат ответил: «В той же самой Библии говорится, что евреи завоевали Палестину, отняв ее у живших там хананеев. Бегин и не представляет себе, каким смешным он выглядит со своей Библией в глазах цивилизованного человека».

Несколько лет спустя газета «Комсомольская правда» опубликовала наделавшую много шума статью под названием «Кокетничая с боженькой». Автор статьи, известный воинствующий атеист Иосиф Крывелев (конечно, еврей) в своей обычной манере обличал кровожадность Библии и, цитируя известные пассажи из Книги Иисуса Навина, сделал следующее заключение: «У современного израильского солдата библейские наставления служат важным материалом для «идеологически обоснованного» истребления арабов».

Короче говоря, для нас, бывших рабов красного фараона, этот упомянутый, с позволения сказать, аргумент стар как мир – и вонюч как говно.

Политика и искусство

В «Тевье-молочнике», когда Хава пытается объяснить своему отцу, какой необыкновенный человек Федька, она говорит, что он «второй Горький». На вопрос Тевье, кто же был первый Горький, Хава отвечает так: «Это сейчас чуть ли не первый человек в мире» – и показывает отцу фотографию Горького.

Сегодня, столетие спустя, это звучит смешно, но в то время многие, особенно прогрессивная российская молодежь (в частности, еврейская) именно так относилась к Максиму Горькому. Почему?

В конце 19 – начале 20 столетия многие люди считали, что эксплуатация рабочего класса – самое большое зло на Земле. Что правда, то правда: в то время большинство рабочих жили в нужде, и их сильно эксплуатировали (в России еще больше, чем на Западе). Из всех тогдашних писателей Горький больше всего писал об этих проблемах. Более того: в своих произведениях он не только описывал страдания бедноты, но и призывал к борьбе против эксплуататоров, к революции.

Охваченные такими же идеями, многие его современники, как это нередко бывает, принимали общественную важность тематики за литературный талант – и, как следствие, считали Горького не только великим писателем, но чуть ли не первым человеком в мире. Без сомнения, Горький обладал большим литературным талантом, но сейчас очевидно, что его никак нельзя сравнить, например, с Чеховым или Буниным. Многие современники, однако, читали Горького другими глазами.

На мой взгляд, то же самое повторилось в России несколькими десятилетиями позже, когда появился Александр Солженицын. Сталинский ГУЛАГ в то время действительно был величайшим злом в мире (гитлеризм, конечно, был не меньшим злом, но длился он не так долго), и для прогрессивной интеллигенции в Советском Союзе это было самой актуальной и наболевшей темой.

Солженицын писал именно о ГУЛАГе, описывая его ужасы с большой силой, – и многие читатели сочли его гением. Сейчас, однако, хотя сталинские лагеря остаются для нас незаживающей раной, становится всё ясней, что при всем его таланте, гением Солженицын не был. Сегодня выглядит если ещё не смешно, то во всяком случае уже странно, что когда-то его всерьез называли «вторым Львом Толстым». А было это всего несколько десятилетий назад.

Эмоции и разум

То, о чем я хочу сейчас написать, тема очень щепетильная, могущая вызвать взрыв эмоций. Поэтому буду выражаться предельно осторожно, используя вопросительную форму вместо утвердительной.

В разных европейских странах действует и применяется закон, по которому за отрицание Холокоста предусмотрено наказание до нескольких лет лишения свободы. Наша естественная реакция на это: очень хорошо! Правильно! Так и надо! Это ведь такое кощунство отрицать Холокост – пускай за это в тюрьму сажают!

Но если быть до конца честным с самим собой, то у цивилизованного человека неизбежно шевельнется червячок сомнения: действительно ли правильно и справедливо сажать в тюрьму не за убийство, не за воровство и даже не за призыв к совершению преступления, а просто за отрицание исторического события (как бы ни было оскорбительно это отрицание по отношению к памяти миллионов людей)?

И если быть дальновидными, то невозможно не задаться вопросом: хорошо ли для нас, евреев, что сажают в тюрьму за отрицание именно и только этого события (учитывая, что антисемиты продолжают твердить о «всемирном еврейском заговоре»)?

Да, в некоторых странах наказывают также за отрицание геноцида армян – но как наказывают? Историк Бернард Льюис был в свое время за это оштрафован во Франции на сумму... 1 франк.

На протяжении многих лет казалось, что этот закон не причиняет никакого вреда. После краха коммунизма в Чехии был принят закон, согласно которому за отрицание коммунистических преступлений полагается несколько лет тюрьмы. Когда я прочитал об этом, то подумал: замечательно! Так и должно быть – и за отрицание Холокоста, и за отрицание преступлений коммунизма сажать надо! Но вот несколько лет назад средства массовой информации сообщили о преследованиях одного китайского историка за то, что он не следовал указаниям правительства в освещении некоторых событий Второй мировой войны. Разумеется, все были возмущены: безобразия! Покушение на свободу слова и науки!

Совсем недавно в Польше был принят закон, запрещающий называть Освенцим и другие нацистские концлагеря в Польше «поль-

скими концлагерями». Снова все возмутились: свобода слова! Возврат к тоталитаризму! Но ведь у всего этого уже был прецедент – и прецедентом этим, как ни печально, является именно «закон об отрицании Холокоста»...

Что же будет дальше? И где же справедливость?

Свинья под дубом

Все мы, родившиеся и выросшие в России, с детства знаем басню Крылова «Свинья под дубом», в которой свинья до отвала наедается желудей и потом начинает подрывать корни дуба, не понимая, что желуды, которые она так любит, растут именно на этом дереве.

Читаю в Интернете разные антиамериканские комментарии, написанные по-русски людьми, живущими в России, и думаю: осознают ли их авторы, что, сидя за компьютерами (которые были изобретены в Америке) и поливая грязью Америку в Интернете (который тоже был изобретен в Соединенных Штатах), они уподобляются крыловской свинье под дубом?

За что боролись?

В день последних президентских выборов в Чехии у меня был концерт в Вене. На следующий день мы – моя жена, ее сестра и наши мамы – возвращались в Прагу поездом. Во время поездки мы узнали о результатах выборов: победил Милош Земан, которого за несколько дней до того одна украинская девушка, протестуя против его политики, назвала «путинской шлюхой».

Поезд нес нас в ставшую родной Прагу. Потрясенные новостью, мы не могли понять: как такое могло произойти после всего, что чехи пережили от Кремля? Говорили о том, как Россия могла повлиять на выборы, какие именно слои населения могли поддержать Земана... и спрашивали друг друга и самих себя: что об этом думает народ?

Вернувшись, заказали домой ужин. Ради любопытства спросили у человека, доставившего еду, за кого он голосовал. «Я не знал, что были выборы,» – ответил тот.

Все люди разные

Недавно я прочитал статью известного российского писателя и литературного критика еврейского происхождения Бенедикта Сарнова. Среди прочего автор рассказывает о том, как в середине 1940-х годов один его товарищ попросил его подписать письмо Соломону Михоэлсу. Письмо было написано от «группы молодых евреев, которые хотят изучать историю и культуру своего народа» и потому просят разрешения пользоваться библиотекой ГОСЕТа. Сарнов пишет, что в отличие от своего товарища и всей «группы молодых евреев», он абсолютно не интересовался этими вещами.

Моей естественной реакцией на это было: как же так? как такое возможно? как мог еврей – и не просто обычный человек, а интеллигент, не интересоваться еврейской историей и культурой?! Подумав, я понял, что обо мне, наверное, тоже кто-то скажет: как можно не интересоваться физикой и химией, которые объясняют, как устроен мир, в котором мы живем? И тем не менее...

Если бы все люди были на одно лицо, то жизнь была бы очень и очень скучной, не так ли?..

Перевод с идиша Е. С.

- ¹ *Меир Вильнер (1918 – 2003) – многолетний генеральный секретарь Коммунистической партии Израиля.*
- ² *Ахмед Саад – видный деятель Коммунистической партии Израиля, главный редактор израильской коммунистической газеты на арабском языке «Аль иттихад».*
- ³ *Ицхок-Лейбуш Перец (1852 – 1915) – классик литературы на идише.*
- ⁴ *Василь Быков (1924 – 2003) – известный белорусский советский писатель.*
- ⁵ *Юрий Карякин (1930 – 2011) – автор статей о Ф. Достоевском.*
- ⁶ *«Гавриилиада» – поэма, в которой Пушкин перерабатывает в эротическом духе евангельский рассказ о непорочном зачатии.*

Авторские права принадлежат изданию «Идиш бранже»

Фрима ИОСИЛЕВИЧ

ОДИН ИЗ...

*Светлой памяти узника ГУЛАГа –
моего дяди Якова Кайнера*

*Любочке – дочери с благодарностью
за помощь и, главное, за понимание
горестей нашего времени*

Поезд Ташкент-Фергана прибывал на станцию Наманган с опозданием на два часа. Нетерпеливые пассажиры уже давно толпились в тамбуре, курили и поругивали железнодорожников, понимая, что в Наманган они приедут глубокой ночью. Как только поезд остановился, человек пятнадцать проворно соскочили на перрон и мгновенно растворились в теплой темени южной летней ночи.

Он сидел на краешке нижней полки, тяжело опираясь на толстую суковатую палку, явно не среднеазиатского происхождения. Палка была севернороссийская, таких здесь не бывает; да и сам он, в засаленном ватнике и фуражке со старомодным довоенным козырьком, отличался от всевозрастных пассажиров – смуглых, черноглазых, подвижных и говорливых.

С трудом поднялся со своего сидячего места и направился к выходу, где стоял проводник с зеленым фонарем. «Нэ торопысь. Куда будишь бижать?» Проводник, по-видимому, понимал, с кем имеет дело. Еще в Ташкенте помог ему взобраться на третью полку, где он пролежал весь путь, почти сутки, дважды предлагал чай. «Денги нэ надо!», но у него еще оставались какие-то копейки, чтобы оплатить чай. Проводник подтолкнул его к выходу и показал на небольшой домик в конце перрона: «Вот там станция, маленький кибитка, посыды на утра. Утром ходишь в город. Там всё узнать».

Яша медленно, осторожно спустился со ступенек вагона, каж-

дый его шаг сопровождался привычной болью, болью в ногах, в спине и еще где-то внутри.

Он провел в пути больше месяца. Приходилось ночевать в зданиях полуразрушенных и вовсе разрушенных войной станций, а то и под открытым небом, дожидаясь, иногда сутками, пока солдаты укладывали новые пути вместо сметённых войной. Он ехал из мест вечного холода, и его тело, от которого давно остались только кожа и кости, промерзло так, что, казалось, потеряло способность чувствовать что-либо, кроме этого всепроникающего, злейшего холода. Так они и жили в его тридцатипятилетнем теле – холод и боль. И где-то только отдельно от этих «злодеев» теплилось то, что он всё же не позволил поглотить и уничтожить – голова! Каким-то образом сохранил голову и был доволен, что в ней, несмотря ни на что, жива память о тех, кто, он надеялся, его ждет и кому он может быть нужен.

Он провел на зоне шесть лет – с июля 1937 до теперешнего июля 1943-го. Осталось очень немного; он точно знал, совсем немного, но, самое главное, единственное, что еще ему нужно было в этой жизни: УЗНАТЬ.

... Он добрался до станции-кибитки. Вокруг ни души, да это и хорошо. Дверь открыта, в свете тусклой лампочки он увидел скамью, отполированную спинами лежавших на ней пассажиров. Сколько раз за время своего пути он мечтал о маленьком местечке на такой скамейке. А здесь – в конце дороги – целая скамья. Можно прилечь, вытянуть ноги...

Он, кажется, задремал. И в самом деле, до рассвета еще несколько часов... Поспать бы, забыться... В эти последние, как он считал, дни, всё чаще вспоминается далекое детство...

В семье рос самым младшим, десятым. Когда был еще совсем мальчишкой, старший брат Миша жил в Кишиневе, в ссылке. Он был бундовцем. **БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России)** – еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х годов XIX века до 40-х годов XX века. БУНД считал себя единственным представителем интересов достаточно многочисленного на этих землях еврейского рабочего класса. Это было еще, как потом стали говорить и писать, «в царское время». Затем был Октябрь семнадцатого, который

освободил Мишу; все ждали его возвращения домой в Одессу – и вот он появился, почти незнакомый дядя – брат. Яше тогда было только 9 лет. Приехал не один, а с женой Соней и маленькой дочкой. Так внезапно он стал дядей Яшей, а мама – бабушкой.

В семье их, двоих детей, годовалую Эллочку и его, маленького, любили и баловали все старшие. Больше всех его любила и заботилась о нем Песя, самая старшая сестра. (Четверых умерших в детстве, до его, Яшиного, рождения, он знал только по именам, почти не помнил брата Моню и сестру Брану, уехавших в разное время в Америку). Оставшиеся пятеро жили одной семьей, очень дружно.

После Революции он сразу же пошел в школу, учиться. Был он к этому времени вполне грамотный, что совсем не удивительно. Вся семья была помешана на учебе – русская литература, математика, естествознание и педагогика! Все хотели быть учителями и нести в народ свет знаний.

У Яши обнаружили необыкновенные способности к математике. Миша – к этому времени преподаватель в университете – видел большое будущее братишки, помогал ему развиваться. В семнадцать Яша был принят на первый курс университета. Началась новая жизнь. И вдруг случилось неожиданное, непонятное...

Мишу арестовали... Почему? За что? Никто ничего не говорил... Впрочем, нетрудно было догадаться. Бундовцы, активно участвовавшие в революционных событиях 1917-го, не пошли одной дорогой с большевиками. В марте 1921-го под давлением новой власти БУНД в России самораспустился. Его лидеры эмигрировали, многие были репрессированы. Среди них оказался Миша. Было невозможно больно видеть слезы мамы, Сони... Еще через две недели та же участь постигла и Тосика, его ближайшего (по возрасту) брата, правда, это случилось не в Одессе, а в другом городе, куда Тосик поехал навестить свою невесту.

Жить стало очень сложно. Восемнадцатилетний Яша стал в доме старшим, мужчиной, не считая мужа сестры Песи, который в то время учился в Харькове.

Двое больных и, как оказалось, очень тяжело – папа и мама. Уже не всегда встают с постели. Яша продолжал учебу, еще не зная, как помочь больным родителям.

...Он возвращался из университета, по знакомой улице, еще квартал – и он дома...

Какие-то парни в полувоенной форме окружили его, в одну минуту закрутили руки за спину и со словами: «Вы арестованы!» силой поволокли к обычному тарантасу.

Приказали сидеть молча. Сунули ему под нос удостоверение в «красной корочке» – уже известный одесситам, да и не только им, знак новой, еще тогда, в 1926-м, достаточно новой, но уже грозной ВЛАСТИ. Власти над судьбами людей...

Что же было дальше? Месяц его продержали в одесской тюрьме. За этот месяц наивный Яша прошел ускоренные «университеты жизни». Он перенес всё – допросы, унижения, стараясь понять, в чем же его обвиняют. Самый маленький и самый слабый в многолюдной камере, он пытался отстоять свое человеческое достоинство – иногда получалось.

Через месяц ему объявили приговор. «За контрреволюционную деятельность (какую?) – 10 лет ссылки. Он ожидал: будет Сибирь, но оказалось, ссылка недалекая, под Харьков, в маленький городок Старобельск.

В Старобельск приехали поздней ночью. До утра нескольких ссыльных охранял тщедушный милиционер с наганом. Утром отвели в местный участок. В кабинет к начальству вводили по одному. Яша оказался последним. Торопиться было некуда. Впереди маячило целых десять лет. Времени достаточно.

Когда подошла его очередь, объяснили, что ему определено «свободное поселение», с обязательной явкой каждые 5 дней для регистрации. «Найдешь работу, – сказали ему, – снимешь комнату». И он ушел почти свободный.

Первое, что нужно было сделать в «свободной жизни» – получить деньги на почте. Опять Песя! Это она, он знал, перевела ему несколько рублей для начала. Затем на базарную площадь, купить что-нибудь поесть. Маленький, тихий, зеленый городок Старобельск, а Одесса так далеко... Бедные, больные мама и папа. И две женщины с детьми...

Он медленно шел по тихим улочкам в поисках адреса о сдаче комнаты, который списал с доски объявлений. Таких объявлений, как ему сказали в милиции, очень много. И вот первый. Робко по-

стучался. На пороге немолодая женщина, с крестиком на шее. Приглашает войти. Голос женщины показался ему добрым. За закрытой дверью кто-то играл на пианино. Он присел на предложенный ему стул. Женщина с крестиком смотрела на него вопросительно, лицо ее освещала добрая улыбка, а из-за закрытой двери слышались чарующие звуки Шопена. Вся горечь последних месяцев, еще со времени ареста Миши, то, что держало, не отпуская ни на минуту, вдруг ушло куда-то, отодвинулось. Он почувствовал, что, может, еще будет другая жизнь, не такая жестокая...

Музыка смолкла и появилась ОНА. «Моя дочь, – сказала женщина. – Это она играла». Он встал, пробормотал: «Я – Яша Кайнер. Можно я буду у вас жить?». У девушки оказалась замечательная улыбка. Она посмотрела на мать, та произнесла обычное: «Пожалуйста, но вы еще не видели комнату». – «Мне всё у вас нравится».

И он остался жить в этом теплом доме, совсем не похожем на его прежний, одесский, но вместе с тем такой милый, родной.

... В день, когда ему минуло 20, они поженились. Ее звали Геля и, казалось, невозможно было придумать более нежного имени.

К счастью, в милиции, куда он ходил отмечаться, не стали возражать и не чинили препятствий его женитьбе. Паспорта у него не было, но еще не наступили суровые времена... Ему удалось устроиться на работу в бухгалтерию небольшой конторы, где проверили его счетные способности и остались довольны.

Дома, в Одессе, Яшина женитьба была встречена неодобрительно. В глазах родственников он всё еще был мальчишка, которому нужно учиться. Родители его скончались почти одновременно. Боль потери он смог пережить благодаря теплу и любви его новой семьи – жены и тещи. Они, эти женщины, ставшие для него всем на свете, понимали его лучше других.

Два года он прожил как в сладком сне. Неважно, что было голодно, что денег за свою работу он получал очень мало, всё это было неважно. Геля, жена, была рядом; каждый вечер она садилась к фортепиано и играла, играла... Он готов был слушать ее часами. Уже поздно вечером, когда Геля кончала свое музицирование, он садился за математику; это была его музыка, в которой он чувствовал себя счастливым. Тем более, что брат Миша, сидевший в далеком

сибирском Ишиме, забрасывал его задачками, ломать голову над ними было тоже счастьем.

...Через два года старобельскому начальству (ГПУ) показалось, что ссыльному живется слишком вольготно. Ему напомнили, что ссылка – не курорт. В двухдневный срок приказали отправиться в новое место ссылки – поселок Мерке, расположенный в горной местности на границе Казахстана и Киргизии. Украинская благодатная зелень маленького городка сменилась совсем другим пейзажем. С ним уехали Геля и теща Анна Ивановна. Навсегда покинули родное гнездо, не задумываясь о том, что их ждет впереди – пески, жара, чужой язык, чужой быт. К этому времени их семья увеличилась. В Мерке, глухом захолустье, без мало-мальских удобств, родилась дочь. Девочку назвали Виктория.

Каждый шаг в новой жизни давался с большим трудом. Из Одессы Песя и Соня, преданные сестра и невестка, помогали, как могли. Им тоже было нелегко. Посылки посылали еще Мише в Сибирь... О Тосике ничего не было известно. (Как потом выяснилось, он был расстрелян в год Большого террора).

Спасибо брату Моне и сестре Бране, новым американцам, они были теми, кто в тяжелые голодные годы не забывали семью. Слали помощь в Одессу, а уже оттуда помощь шла ссыльным.

Вскоре выяснилось, что у Яши неладно со здоровьем. Не так-то легко в заброшенном месте найти медицинскую помощь, но помог случай. В этом же городишке, несколько раньше, чем они, поселилась семья врача, такого же ссыльного, такого же выброшенного из жизни и обреченного на прозябание. Он был хорошим врачом, и в этом смысле ему повезло – он мог лечить местное население и тем самым хоть как-то реализовывать себя, свои способности. Благодарное местное население платило доктору чем могло – верблюжьим молоком, сыром...

Они подружились, двое способных, умных, трудолюбивых. Яше было хуже: его математика здесь была никому не нужна; его бухгалтерские знания – тоже. Доктор очень быстро понял, почему его молодому другу нездоровится. Он стал хлопотать и в конце-концов добился разрешения на поездку в районный центр, где провели все обследования. Увы, диагноз подтвердился – почка. Левая почка почти сгнила, ее срочно нужно удалить. Процесс тянулся еще со

времени побоев в одесской тюрьме. Об этом так не хотелось вспоминать, да вот пришлось. Опять за братика вступилась Песя. Он сам не знал, как ей, слабой женщине, удалось нарушить железный запрет, но в начале 1935 года ему вместе с семьей разрешили приехать в Одессу, на операцию. Недаром так торопил доктор (он еще оставался в Мерке): почку нужно было удалять немедленно. Они пустились в путь, через всю страну, теперь уже во второй раз. Приехали вчетвером, к Песе и Соне, в старую одесскую квартиру.

Почка была удалена, операция прошла удачно. В тот момент это спасло его жизнь.

В Одессе они прожили полтора года.

Одесская милиция ни за что не соглашалась оставить его, коренного жителя, на постоянное местожительство. Заветная прописка была ему не положена. Как только больница перестала выдавать справки о том, что он еще нуждается в лечении, его тут же попросили оставить не для него предназначенное под одесским солнцем место.

Они уехали. Устроились в ста с лишним километрах от Москвы – Рогачеве.

Уже шел 1936-й. Истек срок ссылки брата Миши. Он вернулся в Одессу, и та же история – его не прописывают. Уехал с семьей в Воронеж. (Его мытарства на этом не закончились – через год новый арест и уже лагерь в Канске. Год Большого террора...)

Яша нашел работу бухгалтера в совхозе. Геля начала свою учительскую деятельность в 1-ом классе... Вскоре он узнал, что будет отцом во второй раз... Это было слишком хорошо, чтобы всему этому поверить. Но это было... И даже Песя поверила в их будущее, позволила себе поверить и робко попросила: «Если будет мальчик, назовите его Антоном». Он с радостью пообещал: «Конечно!»

...В полуоткрытую дверь он увидел первые признаки приближающегося рассвета. Совсем как тогда, когда он отвел Гелю в больницу, а сам остался ждать в предбаннике. Маленькая районная больничка, здесь всё по-простому. Его не стали отправлять домой, да он бы и не ушел. Знал: «Нужно набраться терпения и ждать». Пристроил-

ся, как сейчас, на лавочке. А когда в маленькое окошко заглянули первые лучи раннего июньского утра, дверь распахнулась и звонкий женский голос произнес: «Папаша, радуйся сыну!».

Счастливый, он ушел домой. Знал, что до обеда нужно дать отдых Геле и сыну. Да и дома теща и дочурка ждут его; он обещал, что вернется, как только сможет. До дома путь неблизкий, через центр и дальше в совхоз, где они снимают небольшую квартирку.

Он заглянул в магазин, поздоровался со знакомым продавцом и не удержался: «У меня сын родился!» Тот ответил ему приветливой улыбкой. Купил две бутылки молока. Что еще нужно роженице? Конечно, цветы! Но их в этом маленьком городке не продают. «Ничего, – подумал он, – с Витюшкой пойдем в поле и найдем кучу ромашек, маков». Несмотря на раннее утро, газетный ларек уже работал. Возле ларька царило оживление. Он подошел к небольшой очереди, и вот в руках свежая газета. Через всю первую полосу огромными буквами: «Советские летчики Валерий Чкалов, Георгий Байдуков и Александр Беляков совершили первый в мире беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку!».

Он даже не ожидал от себя такой реакции. Как будто специально в день рождения сына ему преподнесли еще один чудесный подарок. Он встрепенулся. Конечно, сына надо назвать Валерием. Только Валерием – сегодня они все – Валерии, все герои.

Домой он пришел опьяненный этой двойной радостью. Витюша сразу поняла его. Анна Ивановна, хоть очень обрадовалась, что все страхи уже позади, всё же робко напомнила: «А вы, Яшенька, не забыли просьбу Песи?». На что он ответил: «Сегодня по-другому невозможно!»

Они пошли в поле, которое начиналось сразу же за домом, долго выбирали самые красивые, самые яркие цветы, и дочка все время приговаривала: «Это маме, а это Валерику!»

...Было поздно, около двенадцати ночи. В дверь громко постучали. Один раз, второй, третий. Он сразу понял, что праздник жизни закончен. Встрепенулась в своей комнатухе Анна Ивановна. Кто же в то время не знал значение этого стука... Разве что Витенька в своей детской кроватке. Но и она проснулась и испуганно глядела своими синими широко открытыми глазами.

«Именем закона! Открывайте!»

Начался обыск.

В кровати во весь рост, в розовой ночной рубашонке Витенька. Возле нее бедная старая Анна Ивановна, сколько выпало на ее долю бед и сколько еще ожидает... И рядом Геля и Валерик, новорожденный сыночек.

Яша подошел к дочери. Крепко поцеловал. «Ласточка моя, помни, я люблю тебя!» Она прижалась к его плечу, ни слова в ответ. Но глаза, глаза... Эти детские глаза он помнил всю оставшуюся жизнь. Он повернулся к теще. «Анна Ивановна, моя милая, вся надежда теперь на вас». Она выпрямилась, в старческих глазах блеснули две слезинки, быстро подняла руку и трижды перекрестила его, некрещенного. Никогда этого не делала, за всё время их многотрудной жизни. Обняв и поцеловав жену и младенца, Яша шагнул в ночную темень...

Что было дальше? На этот раз срок тюремного заключения свели до минимума; его допрашивали, как и в первый раз, по ночам, он ни в чем не признавался, ему просто нечего было сказать. Это знали и те, кто настойчиво требовал от него подробностей истории его «измены родине», и те, кто ими руководил. Яше получил свою «десятку», правда, с правом переписки – одно письмо в месяц, что, как выяснилось, было самым легким вариантом.

Уже в августе он очутился на Севере, на Кольском полуострове и полностью познал на себе всю прелесть жизни на «зоне». Лесоповал – вот что было теперь его предназначением. Напарниками были, в основном, уголовники. Где бы он ни появлялся, а его часто переводили из одного барака в другой, уголовники тут же отбирали любую малость, которая оказывалась у него благодаря посылкам из дома. Он был нежеланным напарником на рубке леса. Слабый и неумелый, хоть и старался изо всех сил, он почти всегда был в числе тех, кто получал половинную порцию хлеба.

Он постоянно испытывал мучительный голод, коротким северным летом не успевал отогреться, холод, казалось, навсегда поселился в его слабеющем теле. В конце концов он написал Песе, чтобы не слала ему ничего из продуктов, понимая, как им нелегко, особенно когда началась война. Попросил только, если это возможно, прислать одеяло. Его слабостью, слабостью уже очень больного

человека, была мечта об еще одном, дополнительном к казенному, одеяле. Как ни странно, несмотря на войну, посылка с одеялом пришла быстро, и, что еще более удивительно, одеяло отдали после проверки. Две ночи он блаженно спал под двумя одеялами, казенным и домашним. На третий день, когда он доплелся в барак после работы, одеяло бесследно исчезло. Вскоре его перевели из барака в лагерный лазарет – и это уже была совсем другая история...

Со времени ареста прошло почти шесть лет. Семья переехала из Подмосковья на Северный Кавказ, в Старополье. Геля стала учительницей младших классов. Рядом с нею неизменно была Анна Ивановна, мама и бабушка. Витенька, дочурка, уже совсем взрослая девочка, всё понимает и всё помнит. Почти шестилетний Валерик пишет письма печатными буквами. В письма они вкладывают очертания детских ладошек. Растут ручки у Валерика, и вот уже какая взрослая ладонь у Вити. А вокруг бушует война...

Последний год был особенно тяжелым. Письма из дома стали приходиться нерегулярно, терялись в пути. Он знал, что Песя с семьей успела эвакуироваться из Одессы. Обосновалась в Узбекистане. Но самая главная боль и отчаяние пришли вместе с сообщениями с фронта... Здесь, в лазарете, хрипящая, свистящая, с прерывающимся звуком радиоточка сообщила о наступлении немцев на Северном Кавказе. И он понял, что произошло самое худшее. Немцы заняли часть Ставропольского края. На хуторе Троицкий жили звездочки его жизни... С этого момента уже нечего было ждать писем из дома. Надеяться? Да, конечно, он знал, что Геля, Анна Ивановна и даже Витюша – они записали ее на Гелину фамилию (такой был уговор) – они еще могут уцелеть. Но мальчик с гордым именем Валерий и типично еврейской фамилией...

С этого самого дня его здоровье резко ухудшилось. Собственно говоря, и раньше ничего хорошего не было, иначе как «доходягой» его здесь, в лазарете, не называли.

К счастью, немцы в Старополье продержались недолго. Зимой 1943-го их выбили – и он стал ожидать вестей от родных. Их пока не было. Больничная еда всё же была лучше обычной лагерьной, да и не ходить на лесоповал было благом. Время от времени

он перечитывал старые письма, рассматривал немногочисленные фотографии и очертания ладошек дочки и сына.

В один из дней в лазарете появилось медицинское начальство; ничего не объясняя, не спрашивая, осмотрели его истощенное тело и через некоторое время – он не помнит, сколько прошло после этого визита – ему приказали встать, одеться и следовать за охраной в главную лагерную контору. Каждое движение давалось ему с большим трудом, казалось, в его тридцатипятилетнем теле не существует ни одной мышцы, которая бы не причиняла ему сильную, острую боль...

В конторе он был помещен в самый дальний угол комнаты, но там было тепло и можно было присесть.

После долгого ожидания его, наконец, повели в кабинет начальника, и тот, глядя в какие-то бумажки и почти не глядя на своего собеседника, сообщил ему, что с завтрашнего дня он будет освобожден из-под стражи. Нет, не потому, что оправдан, помилован и не в связи с сокращением лагерного срока. Он будет *актирован*. «Это значит, – пояснил он Яше – что ты можешь уехать из зоны к своим родным, если таковые у тебя имеются. Получишь билет и езжай!». Начальник не стал объяснять, что значит – *актирован*, но Яше был хорошо известен смысл этого термина. Ведь недаром на воле он был бухгалтером и хорошо знал, как называется вещь, не пригодная к употреблению. Ее *актируют*. Теперь стал понятен смысл медицинского осмотра. Медики удостоверили его непригодность к жизни. «Куда хочешь ехать?». Он, конечно, хотел на Северный Кавказ, его уже освобождают от немцев... Начальник не дал ему договорить, тут же закричал: «Чего еще захотел? В освобожденные районы – ни в коем случае!». Тогда он попросился в Среднюю Азию, к сестре. Это было возможно. Ему тут же выписали билет до станции Наманган, выдали немножко денег и буханку хлеба.

Еще одна-две формальности – и он оказался за воротами зоны, с небольшим узелком и крепкой суковатой палкой, опираясь на которую он начал свой поход через всю страну – с севера на юг.

Путь его шел по разрушенным войной местам; приходилось подолгу сидеть на полустанках в ожидании, когда бригады военизированных железнодорожников уложат пути, подолгу

ждать прибытия поезда, стараться попасть в этот поезд, часто ему не удавалось втиснуться в переполненный вагон. Тогда он, да и не только он, а еще многие другие такие же бедолаги, безнадежно и покорно оставались ждать следующего шанса. Но всё же где-то был конец пути – и вот он уже близок. Конец – заранее предreshенный «актом об освобождении» (от чего? от жизни?).

...Он выглянул в полуоткрытую дверь. Новый наманганский день уже начался. Было светло и где-то совсем близко всходило солнце. Он понял, что наступил решающий день, ради которого, уже в звании «активированного», он сражался с болью, слабостью и отчаянием.

Сегодня он узнает... Со времени освобождения Ставрополя прошло три месяца, возможно, сестра Песя знает что-либо про его близких.

Он вышел на перрон. Через некоторое время нашел человека, который объяснил ему, как добраться до центра города. «Там найдешь и почту». По-видимому, где-то есть и адресное бюро.

Медленно, шаг за шагом, каждый из которых давался ему с привычным трудом, он добрался до почты. Как и ожидал, на почте было много народа – начался день – и он нашел русскоговорящего человека, который указал ему на адресное бюро. Оно было здесь же. В этой комнате, за отдельным столом, сидела молодая женщина и, казалось, даже обрадовалась возможности порыться в книгах, которые стройными рядами стояли на этажерке за ее спиной. Не прошло и десяти минут, как она нашла нужную фамилию – вот он, заветный домашний адрес: улица Яр-Курганская 136 А. Он даже не поверил, с какой неожиданной легкостью осуществилась его просьба, он давно отвык от такого везения...

И, тем не менее, вот она, розовая адресная справка у него в руках, и услужливая женщина спокойно объясняет, как пройти на Яр-Курганскую улицу. Закончив свои объяснения, она неожиданно протягивает ему стакан с водой...

Широкая улица в обрамлении высоких тенистых платанов, под ними журчат полноводные арыки, давно забытые со времени первой ссылки. Теплый, только еще набирающий дневной жар воздух. Южная ласковость воздуха казалось нереальной и даже не нужной; он безотчетно не хотел впускать в свое давно отвыкшее от тепла

тело расслабляющие приятные чувства. У него сейчас была единственная цель – найти Песю и узнать. Узнать о жене, детях, теще. А что ждет его потом – об этом у него не было сил думать... Это уже зависит от того, что скажут ему Песины глаза: он поймет без слов. Только бы добраться до Песи. Яр-Курганская.... По словам женщины из горсправки, это не близко, в самом конце города. Так он шел и шел, медленно передвигая свои непослушные ноги.

Миновал фабрику «Пятилетка». Теперь он уже в Старом городе. Улица сузилась, по обе стороны глинобитные заборы, теснятся один к другому, ни одного окна, только двери, и каждая дверь – новый номер. Идти становилось всё труднее. Хорошо бы глотнуть водички. Голод он разучился чувствовать, а вот жажду победить труднее...

Последние десять номеров – они идут близко, один за другим, расстояния между калитками совсем небольшие. Немые, невыразительные, одноцветные калитки, и за каждой скрывается своя жизнь. Номера неуклонно приближались к 136-му. Тяжело опираясь на палку, он наконец остановился у желанного дома. Это был последний в длинном ряду, на нем кончалась улица и начиналось хлопковое поле. Яша с тревогой замер перед последней дверью. Ему бы еще одну – 136А. Но на протяжении всего пути ни одна дверь не имела буквенного обозначения, и эта не была исключением. Он внезапно почувствовал приступ страха. Неужели вот так рушится его последняя надежда?

Он постучал в 136-ую дверь. Через несколько минут она открылась. На пороге стояла женщина в домашней одежде. Лицо ее было плотно закрыто черной сеткой. Он знал, что это паранджа. Он задал свой вопрос: «Здесь живет семья из Одессы?». Женщина что-то ответила по-узбекски, ответ ее был громкий и явно недружелюбный. Одно слово он знал еще из прошлого: «Йок» – «Нет». Всё же стал называть имена – Песя, Соня..., но женщина всё быстрее и громче отвечала на его беспомощные мольбы отказом. Из соседних калиток стали выходить женщины, так же укутанные в паранджи, и также гортанно, громко убеждали его в том, что он и сам уже понимал – нет здесь таких приезжих.

Он снова дошел до конца улицы, зашел за угол в надежде увидеть неведомое никому «А», но там была глухая стена. Еще нашел в себе силы, чтобы проковылять вдоль стены; она неожиданно

оказалась забором, за которым скрывалось небольшое кирпичное производство. А дальше за ним шумел Ферганский канал.

Никаких признаков жилья.

Он оглянулся. Увидел плоский камень, прислоненный к стене, с трудом уселся на него, прижался к стене, закрыл глаза... Всё... Оказывается, что и так можно уйти из жизни. Впервые позволил себе ни на что не надеяться и ни о чем не думать. Не думать. Не думать... Просто сидеть...

... «Мужчина, что вы делаете здесь? Нельзя сидеть на таком жарком солнце!»

Кто-то тормозил его за плечо. Он с трудом открыл глаза. Над ним склонилась молодая женщина, лицо озабоченное: «Кто вы? Почему здесь сидите?». Он вдруг подумал, что жизнь подбрасывает ему еще одну, последнюю соломинку. Собрал силы – во рту все пересохло – и спросил: «Вы не знаете, где здесь поблизости живут Песа и Соня из Одессы? У Песи две девочки: Люба и Фрима. Я приехал издалека».

Женщина помолчала, сочувственно покачала головой: «Нет, я никого из русских здесь не встречала. Я работаю на «кирпичке». Постояла немного – и пошла, скрылась за поворотом. Он опять закрыл глаза и погрузился в полусон. Солнце всё жарче; как он мечтал об этом ласковом тепле, которое, кажется, готово притушить постоянную, привычную боль во всем его теле. Ласковое солнце... Никаких надежд.

Вдруг кто-то снова тормозит его. Зачем? Ведь всё уже кончилось. Осталось только солнце. Неужели и его отнимут? Та же женщина настойчиво тянет его за рукав: «Вставайте, мужчина! Я, кажется, знаю, где здесь живут русские».

Он медленно, с трудом поднялся. Не разрешая себе надеяться, двинулся вперед. Женщина шла рядом, молча. Небольшая тропинка на краю хлопкового поля – и вот он, маленький белый домик, железная красная крыша. Еще шаг, другой. Теперь этот домик виден. Бетонные ступеньки. Стоит на самом берегу канала. Шаг, еще шаг. На крыльце появилась женщина, она ясно видна в лучах яркого солнца. Вышла, стоит на ступеньках, смотрит в сторону канала, как будто поджидает кого-то. Подняла руку, ладонь козырьком, от солнца, бьющего в глаза. Песа! Он остановился, ноги больше не слушались

его команды. Он ничего не сказал, только кивнул. Женщина поняла, крепко схватила его за локоть, и так вместе они сделали последние три шага; им навстречу уже спешила Песя, веря и не веря своим глазам.

Они молча обнялись. Секунду-другую они не разжимали объятий; он первый опустил руки и молча посмотрел ей прямо в глаза. Это было то, последнее, что он должен был сделать в этой жизни. «Живы! – ответила Песя. – Все живы, вчера получили письмо!». Он сделал еще один шаг, медленно опустился на ступеньку крыльца и спрятал лицо в раскрытые ладони.

...Наш маленький белый под красной крышей домик выглядел чужаком на фоне глинобитных глухих заборов, за которыми скрывались однообразные, с плоской крышей, без окон на улицу, жилые домики – «кибитки». За глухими заборами журчала вода в арыках, плодоносили фруктовые деревья.

Домик наш был, по-видимому, частью технических сооружений Ферганского канала, и только из-за войны его выделили нам под жилье. В нем была одна большая комната с деревянным крашеным полом и небольшая прихожая. У нас не было ни электричества, ни отопления, и, конечно, отсутствовали водопровод и канализация. Мы принимали это как должное. Воду таскали не из канала, что было небезопасно и запрещено, а из арыка – довольно далеко; «очаг», как его называла мама, был сооружен из двух кирпичей, поставленных на ребро и прислоненных к одной из внешних стен домика. На очаге по утрам мама Песя кипятила чай для всей семьи, по вечерам варился суп. Топливом служили сухие стебли хлопка – «гузапаи», мы собирали их постоянно, всё свободное время. Топлива требовалось много, наша обязанность (сестры Любы и моя) была следить за тем, чтобы запасы гузапай не истощались.

Меблировка нашей комнаты – два больших деревянных топчана и несколько табуреток, освещение – две небольшие коптилки – вот, пожалуй, и всё. Ночью оба топчана использовались по прямому назначению, т. е. как кровати для всех пятерых членов семьи. Днем один из топчанов становился столом, на котором от зари до зари строчила Сониная швейная машинка, мама раскладывала ручное шитье, которое она выполняла под Сониным руководством. Хотя

работали мы все, реальные доходы приносило только шитье... По вечерам за этим же столом, еще не превращенном в кровать, собиралась вся семья, и при свете коптилки читали, писали письма, обсуждали вести с фронта.

Первый вечер с Яшей мы провели за столом, стараясь справиться с чувствами. Хотелось показать ему нашу радость и нашу любовь... Но сделать это было нелегко. После первого эмоционального взрыва силы полностью покинули Яшу. Его уложили на топчан, и он молча лежал, закрыв глаза, изредка потягивая из чашки по глотку. Мама у крыльца встречала каждого из нас, проходящих с работы; мы молча слушали ее краткий рассказ. Потом заходили в комнату, Яша открывал глаза, улыбался, с трудом произносил два-три слова и снова погружался в молчание. К вечернему супу он с трудом поднялся и присидел с нами какое-то время.

Каждому из нас, еще с утра, была отрезана маленькая вечерняя порция хлеба. Теперь мы поделили свою вечернюю краюшку и несколько ломтиков драгоценного хлеба подвинули к Яшиной суповой миске. Ел он мало, с трудом. Почти не говорил. Первая торжественная трапеза прошла почти в молчании. Стемнело. Зажгли коптилку. Я вытащила газету, принесенную на один вечер с работы. Там был очередной очерк Ильи Эренбурга. Его очерки мы читали с жадностью, впитывая каждое слово, которое находило отклик в наших сердцах. Я начала читать, как всегда, громко и с выражением. Яша слушал молча, закрыв глаза. Хотелось услышать его слова одобрения. Но он молчал. В конце, когда мы все молча сидели во власти эренбургских слов, он тихо произнес: «Это всё ужасно, но это немцы – наших, а когда свои – своих?!».

Вскоре все устроились на ночь. Мы с сестрой, естественно, отдали Яше свой топчан, сами улеглись на полу.

На рассвете Соня тихо ускользнула из дома; она вернулась с необыкновенным, забытым богатством: в кошелке лежало несколько яиц и две белые лепешки – узбекский хлеб. Всё это она взяла в долг у своих заказчиков, в счет будущего шитья.

Мы все ушли на работу. Яша оставался в кровати, он тихо лежал и, казалось, что мирно отдыхает. Вечером мы узнали, что его состояние стало еще хуже. Оказалось, рассказала мне мама, он целую ночь не спал, его мучила высокая температура, он бредил... Це-

лый день Соня и мама делали попытки его покормить. Даже такое чудо, как куриное яйцо всмятку, он ел неохотно, с трудом. Впрочем, к нашему обеду он всё же встал и заставил себя посидеть за общим столом и даже проглотил 2-3 ложки супа.

Так продолжалось еще два дня. Мы были в отчаянии. Приходя с работы, заставляли его в той же позе, в постели. Каждый из нас подсаживался к его ложу; мы молча гладили его руку, говорили тихие, ласковые слова. Он слегка улыбался, иногда отвечал.

На третий день Люба вернулась домой бегом; она была нашим почтальоном и после работы заходила на почту. В руках телеграмма от Гели (в ответ на нашу): «Счастливы Яшиным приездом Ждем надемся Все мы четверо».

Яша открыл глаза, взял драгоценный листок, впился в него глазами и долго не мог продохнуть. Посмотрел на Любу сияющими глазами: «Спасибо, родная!»

В этот вечер он опять сидел с нами за вечерним супом...

Следующий день был очень трудным. Яша задышался. Казалось, всплеск радости от телеграммы отнял его последние силы. К вечеру появился врач. Мама его вызвала сразу же, на следующий день после Яшиного приезда. Осмотр врача был недолог. Он не оставил нам никакой надежды. Совсем уже стемнело, когда к нашему домику подъехала медицинская машина и Яшу увезли. Он попрощался с нами слабой улыбкой.

Все оставшиеся дни он тихо и почти безмолвно лежал в маленькой палате туберкулезного диспансера. Каждое утро к нему приходила мама. Покормить его почти не удавалось. Он пил воду, время от времени открывал глаза, гладил мамину руку. Мы, я и Люба, по очереди приходили к нему после работы. На четвертый день, вечером, он сказал Любе: «Мне снилось, что я ел арбуз!». Люба, умница, тут же побежала на рынок, и на неизвестно откуда взявшиеся у нее деньги купила ломоть ярко-красного арбуза. Запыхавшись, прибежала к его постели. Он взглянул, благодарно улыбнулся и сказал: «Оставь, я поем немного позднее!». Он снова задремал. Люба посидела, подождала, пока ее стали выпроваживать из палаты, и тихо ушла.

На рассвете мама собралась, как обычно, на свое дежурство. Я не знаю, что заставило меня пойти вместе с ней. До начала работы

было еще два часа. Мы быстро, по короткой дороге, дошли до маленького одноэтажного здания диспансера. Дверь была открыта, мы прошмыгнули вовнутрь. Еще один-два шага – и Яшина палата. Нам преградила путь молодая санитарка. Не глядя на нас, она произнесла звонким голосом:

«А ваш Кайнер ночью сыграл в ящик!» и пошла дальше, по своим делам.

Мама крепко схватила меня за руку. Мы постояли немного и всё же вошли в приоткрытую дверь палаты. Кровать была пуста, а на тумбочке в предрассветном полумраке комнаты алел ломтик арбуза, словно догорающий костерок его ЖИЗНИ.

P.S. В 1956 году Яша, как и его братья, был реабилитирован «в связи с отсутствием состава преступления».

Таков печальный мартиролог нашей семьи, жившей в Советском Союзе, одной из миллионов семей, также ведущих список жертв тоталитарного режима.

Фри́ма Иосилевич родилась в Одессе, в 1926 году. Здесь прошло ее детство и ранняя юность. Из Одессы, в возрасте 15 лет она уехала в эвакуацию. В 1950 году закончила Одесский кредитно-экономический институт. Более 30 лет преподавала экономику бухгалтерского учета в средних учебных заведениях Одессы.

С 1983 года живет в Бостоне, где поселилась семья ее дочери.

В Америке Фри́ма проработала 15 лет координатором в JFCS (Jewish Family and Children Service).

Ее перу принадлежат 2 книги: «Воспоминания» (2010), в которой она описывает нелегкую жизнь своей семьи, увиденной глазами ребенка, и «Витя» (2018), посвященную памяти недавно скончавшегося мужа.

Лариса ИЦКОВИЧ

ЛИРИКА

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ВАНКАРЕМА НИКИФОРОВИЧА
журналиста, культуролога, земляка-минчанина**

Всё было – дождь и зной, и ветра плач в пургу,
И годы минули, как с нами вас не стало;
К Харону в лодку вы взошли устало,
Оставив нас на этом берегу.

Мы держимся порой на грани слёз едва,
Припомнив свет, что вы вселяли в души,
Как вы любить, дружить умели, слушать,
Дарили щедро добрые слова...

Мы поминаем вас без звона хрусталя
И горечь пьём, чтобы душа летела
Легко сквозь бесконечность, а для тела
Пусть ляжет пухом здешняя земля.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Зое Никифорович

Бестрастно счет ведут календари
Дни в месяцы слагая нам и множа...
К чему лукавить? – что ни говори,
Так хочется порою стать моложе,

Вернуть тот час, что был беспечно прожит
И ужимал шагреневую кожу.

Богаты мы и опытом, и знанием,
Что каждый год так щедро нам дарил,
Но отбирал, как будто в наказание,
Подъёмную мечту у наших крыл.
И на висках у нас не яблонь цвет,
А белой меткой след минувших лет...

Но мы полны и веры, и надежды,
Что пир любви не кончится в крови,
Что пропоют рулады, как и прежде,
По новой партитуре соловьи,
Восхода луч разбудит жизни звуки...
Всё будет снова. Не у нас. У внуков.

Октябрь безжалостно срывает с веток листья,
На пышных кронах мастерит плюмаж,
И будто бы макнувши в краски кисти,
Творит неповторимый свой пейзаж.

Вот на небесном вдруг мазок багровый
Как летней страсти предпоследний всплеск,
Вот золотистый, вот почти лиловый
Как давней мысли глубина и блеск...

Но ветром под вечер завертит, закрутит,
Как будто бы в поисках смысла и сути,
Размажет наутро все краски дождём...
Чего же мы ждём?

Пусть изменить ноябрь не в нашей воле,
Как розовым закрасить туч свинец
И приласкать дрожащий лист магнолии,

Смириться с тем, что есть всему конец,
И с осенью, что нам послал Творец.

Жаль, сердце перестало биться гулко...
А кресло издаёт усталый скрип...
Пустынны двор и сад, и переулки,
По улицам гуляет только грипп,
И даже ветер чуточку охрип.

Всё смутно, словно сон в излёте ночи,
Как Млечный путь – туманен и размыт –
И червь сомненья бесконечно точит,
И дождь с утра до ночи моросит,
Как будто льётся из небесных сит...

Все двери нор своих закрыли гномы,
Лишь у рябины гроздьё так красны...
Пусть плед и сон – уютны, невесомы –
Меня, как снег, укроют до весны
И посулят о прошлом лете сны.

СОНЕТ УХОДЯЩЕГО ДНЯ

Я, как свеча, до края догорела,
И пар уже давно ушёл в свисток,
И песенку, как говорится, спела,
И сединой покрылся мой висок.

Покорно и смиренно увядая,
Неволью копотью чуть порчу небеса.
Меня не ждут, я знаю, кущи рая
За грех земной забавы в словеса.

Бессмысленность постигши бытия,
Сраженье проиграв, где быт и я,
Бесцельность пережив и чувств, и звуков,

И суеты, что заслоняла день,
Отрину всю земную дребедень,
Небесным силам отдаваясь в руки.

Лариса Ицкович родилась в Азербайджане, выросла на Украине, зрелые годы провела в Белоруссии. Физико-химик по специальности, до 1993 года работала преподавателем и научным сотрудником Белорусского политехнического института.

С 1994 года живет в Чикаго.

Публиковалась в американских русскоязычных газетах, в израильской газете «Еврейский камертон», в журналах «Литературный европеец» и «Мосты», Германия, в поэтическом альманахе «Связь времен», США, в сборниках стихов. Издала две поэтических книги.

Альдо НИКОЛАИ

МОНОЛОГИ

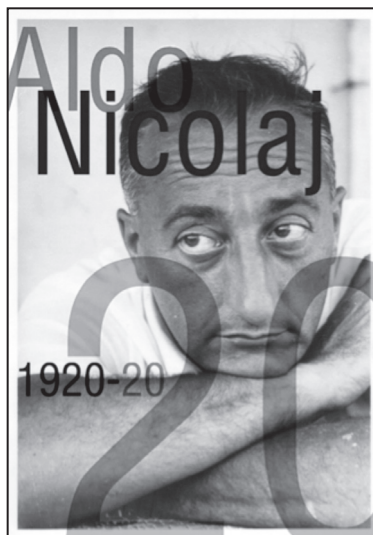
Перевод Валерия Николаева

В марте 2020 года исполняется 100 лет со дня рождения классика итальянской драматургии XX века Альдо Николаи, автора 75 пьес, 50 монологов для театра, театральных адаптаций произведений итальянской классики, а также многочисленных сценариев для радио- и телепостановок.

Многие его пьесы были отмечены престижными премиями в Италии и других странах мира, переведены более чем на два десятка языков и до сих пор не сходят со сцен всех континентов. В 1997 году Николаи была вручена премия Итальянского Общества авторов и издателей (SIAE) как самому востребованному за рубежом итальянскому драматургу.

До самой своей кончины мэтр драматургического цеха занимал посты Председателя Союза драматургов, Председателя Совета авторов Итальянского института театра, а также Президента Международного сообщества драматургов и комиссара Международной конфедерации авторских союзов.

Малая театральная форма занимала в творчестве Альдо Николаи особое место. Широко распространенная в конце XIX века форма монолога вскоре оказалась на периферии театра – актеры отдавали предпочтение многоактной пьесе. Редко кто из больших актеров обращался к монопьесам. В основном они шли на сценах не-

больших «подвальных» театров – владельцы крупных, как правило, отказывались заниматься этим малоприбыльным для них делом. Да и драматурги с большой неохотой тратили время на подобные формы.

С полным правом можно сказать, что именно Альдо Николаи вернул форму монолога на сцену итальянского театра.

В результате им было написано более двадцати одноактных пьес и пятьдесят театральных монологов, с успехом шедших и продолжающих идти на подмостках многих театров мира.

Как и в «больших» пьесах, драматург оставался верен себе и в малых. Присущие ему ирония и юмор, сдобренные хорошей порцией легкой грусти, поэтичность, парадоксальность, а порой и макабризм даже выигрывали, поданные зрителю в концентрированном виде.

В этом вы можете убедиться, прочитав представленные здесь работы Альдо Николаи.

Валерий Николаев

ТЕЛЕГРАММА

Скромно обставленная комната. Стол, на котором стоит открытый чемодан. Шкаф с распахнутыми створками. Молодой человек лет тридцати явно нервничает.

Без двадцати четыре... Пожалуй, уже можно бы успокоиться. Вряд ли они стали бы дожидаться последнего момента, чтобы послать телеграмму. Зачем им это? Не хочу показаться оптимистом, но если телеграммы до сих пор нет, значит моему невезению пришел конец. Честно говоря, я заслужил это. Я долго терпел и теперь вознагражден за мое долготерпение. В самом деле, почему бы удаче однажды не повернуться лицом ко мне? Среди моих коллег полно тех, кто не умнее меня... не умеют вести себя на сцене... дикция ужасающая... Я же актер. Без ложной скромности, настоящий актер. Профессиональный, хорошо образованный, глубокий. К тому же, у меня прекрасные физические данные. Я не хвастаюсь, ничуть. Когда я выхожу на сцену, это видно уже по первой реакции публики. И что же я имею? Тринадцать месяцев без ангажемента. Тринадцать меся-

цев! И как выкарабкаться из этой ситуации, я даже не знаю... Я заложил всё, что можно было. Всё. Даже золотую статуэтку, которую получил в прошлом году как лучший молодой актер сезона. Ее вручил мне префект на приеме, где собрались сливки аристократии, культуры, искусства, промышленности. Море разлитое мехов и драгоценностей. И все взоры были направлены на меня, когда я стоял на сцене со статуэткой в руках... В ломбарде мне дали за нее триста евро. С виду массивное золото, а на деле золотое только напыление. Такое тонкое, что его можно соскрести ногтем. Но я артист. А нас, артистов, мало волнует стоимость приза. Главное – признание. Ведь вся эта шикарная светская церемония с модными дамами и другими великосветскими шлюхами была устроена не ради статуэтки за триста евро. А ради выражения признания артисту. Моральное удовлетворение я, во всяком случае, получил, не скрою. Аплодисменты, фото на журнальных обложках, сюжеты по телевидению... зеленые физиономии коллег... А дальше как обрезало!.. Обо мне забыли. Тринадцать месяцев, затянув пояс. А всё отчего? Зависть! Черная зависть! Потому что у нас всё так. Едва выясняется, что кто-то чего-то стоит, все набрасываются на него, чтобы сожрать. Эта страна не вызывает ничего, кроме отвращения. Мы для нее никто и звать нас никак... Ума не приложу, что мне делать. Я уж и не помню, когда в последний раз нормально ел. Держусь на кофе и бутербродах. Если бы не коктейли, на которые удается попасть, я бы уже лежал в морге. Бедняжка Лауретта, моя жена, сначала помогала мне как могла. Но и она осталась без работы, и я отправил ее к своим, в деревню. Там, по крайней мере, она может подкормиться. Это она. А я?.. Тринадцать месяцев! Тринадцать месяцев без работы! Только посмотреть, какое дерьмо снимается на телевидении! Все, только не я. «Вам, с вашими внешними данными, мы не можем предложить роль «кушать подано», вы заслуживаете гораздо большего». Всё верно! Но если этого большего у вас для меня нет, я готов выпить до дна горький кубок и сыграть что-нибудь второстепенное, только не дайте мне умереть с голоду. «Хорошо, позвоните тогда-то...». Я звонил. Но ни разу никого не мог найти. То у них совещание, то они вышли... никого никогда не было на месте. За что они получают зарплату?.. О театре я уж не говорю. Замкнутый круг. Или ты член их секты, или пошел вон. Стоит взглянуть на антрепризу государственных

или крупных частных театров этого сезона. Кто в них занят? Жалкие актеришки! А объяснение самое простое. Один ложится в постель со старухой, которая до сих пор прима театра, второй спит с режиссером, третий и вовсе с машинистом сцены... Гнусно! Отвратительно! А такие серьезные профессионалы, как я, отрезаны от сцены. Мой тесть, скромный крестьянин, нашел радикальное решение проблемы: меняй профессию! Но с какой стати я, с моим голосом, с моей внешностью и моим обаянием, должен менять профессию? Да в любой цивилизованной стране мое имя уже гремело бы! В Англии я уже, по меньшей мере, года два играл бы Гамлета!.. Как бы я мог его сыграть! «Быть или не быть...»... всё изнутри... но не флейтой... а вибрирующей скрипичной струной... которая вот-вот порвется... я передаю публике всю муку моей несчастной жизни... «Быть или не быть, вот в чем вопрос, что лучше для души – терпеть пращи и стрелы яростного рока или на море бедствий ополчившись покончить с ними?..». Десять лет я учу этого окаянного Гамлета, работаю над ним как проклятый... И всё жду, жду, жду подходящего момента... золотой возможности... Какой, к черту, Гамлет!.. Пусть маломальская ролька в кино! Самое странное в том, что их получают все кому не лень, кроме меня. Режиссеры говорят: внешние данные – слишком большой дар, чтобы разбрасываться им по пустякам. И так что? Если природа создала меня таким, каков я есть, красивый до безумия, мне теперь помереть с голоду? Используйте эти данные, чего вам еще надо! Нет, всё дело в том, что мы живем в дерьмовой стране. У нас тому, кто имеет цену, настоящую цену, жизни нет. И изменить это невозможно. Несчастливая Лауретта, моя жена, постоянно твердила мне о необходимости выдержки, о том, что нужно ждать своего часа, что слава рано или поздно придет... Да, но годы тем временем проходят! Какие-то жалкие комедианты, не чета мне, обрастают поклонниками и контрактами и вылезают в звезды. Как тот кретин, что стал знаменитостью только потому, что получил роль мафиозо в телесериале. О качестве его игры лучше не заикаться. А роль он получил потому, что между ним и режиссером... О чем говорить, если пружина всего в нашей грязной стране был и будет секс. Великий Итальянский Секс! Вот этот тип и пробился. Сейчас у него громкое имя, своя компания. А я, с которым он когда-то играл, не помню, сколько раз, вынужден питаться всухомятку и слушать

его самодовольные разглагольствования! «Так ты сидишь без работы? Пришли мне список того, что ты сыграл, я посмотрю, может, в моих проектах для тебя что-нибудь найдется. Но на большие роли не рассчитывай». И всё это визгливым голосом, похожим на обезумевшее сопрано. Да еще с открытым «о», тогда как оно должно звучать закрыто... и с пафосом, от которого сводит желудок. И вот с таким... я должен заставить себя подписать контракт?.. Голод не тетка, и сегодня я, пожалуй бы, ему позвонил... Но всё в нашей жизни – дело случая... Без десяти четыре. Теперь я могу сказать, что Бог уберет меня от него. Если бы вчера вечером я не зашел в бар выпить свою чашку капучино, я бы не встретил Джакомо. Я думал, он, известный продюсер, меня даже не узнает. Но нет! Он вскочил из-за стола, увидев меня, одна рука в гипсе, а вторая так дернулась ко мне, что выбила у меня из рук чашку с кофе, и он пролился на единственное оставшееся у меня пальто. Он заорал на весь бар: «Вот! Именно такой типаж, как ты, мне и нужен! Как мне это раньше в голову не пришло? Ты же вылитый Першо!» Мы сели, и он объявил, что совместно с французами начинает снимать в Париже фильм, но всё тормозится тем, что он до сих пор не мог найти актера на роль Першо, второго главного героя, написанную словно специально на меня. Если я свободен и не имею других обязательств, могу считать, что роль моя. Сегодня ночью он уезжает в Париж, там сразу же переговорит с режиссером, покажет мои фотографии, они оказались, к счастью, у меня с собой, и если до четырех вечера я не получу телеграмму с отказом, то должен явиться в его офис, чтобы получить аванс и билет на самолет, вылетающий в 23:00. Контракт подпишем по прилете, сумма, он надеется, меня устроит... До четырех осталось пять минут. После чего... новая жизнь! Это логично. И справедливо. Мой час должен был прийти. Только такие идиоты, как мой тесть, могут утверждать, что мне надо менять профессию. Нет уж! Пришла моя волна, и я на гребне волны. Дух захватывает!.. Как мне хочется видеть свое имя... отдельно от других... огромными буквами во весь экран: «При специальном участии такого-то...»! Чтобы мои дорогие коллеги сдохли от зависти. А после придет и всё остальное. Когда об этом узнает бедняжка Лауретта, моя жена, трудно и вообразить, как она будет счастлива. Святая женщина. Вот кто она. Святая. Ее письма из деревни... редкие посылочки... Но теперь,

моя дорогая... (Берет фото жены и целует его). Всё изменилось. Великий перелом наступил. Ты так его ждала! Так хотела!.. (Запел). «У меня две любви: мой дом и Париж...»...К черту «мой дом»! Париж, только Париж!.. «У моих ног весь Париж...»... Я увижу Сену... «Дни и ночи струит свои воды Сена...». Только такая цивилизованная страна, как Франция, может достойно оценить такого актера, как я. Там утонченность, культура, а главное, профессиональная и художественная порядочность. Это не Италия, страна дилетантов и проходимцев, где пробиться к успеху можно лишь путем мохнатой лапы или альковных мерзостей. Я уверен, что режиссер-француз, едва увидев мои фотографии, сразу понял: это он. Французы обладают высочайшим видением, о котором нашим режиссерам остается только мечтать!.. Пять секунд... четыре... три... две... одна... Всё!!!!.. Чемодан. Быстро собрать чемодан... «Две любви у меня: мой дом и Париж... Париж... Париж... Па... (Звонок в дверь). Что это? (Идет открывать). Телеграмма? Вы уверены, что это мне?.. Да, спасибо... (Возвращается, убитый). Телеграмма. Они прислали мне телеграмму в пять минут пятого. А я уже поверил, что всё в порядке... Нет, я даже не хочу ее читать... (Комкает телеграмму и бросает комок на пол). Стало быть, и там ни хрена не понимают в хороших актерах. И Франция – такая же коррумпированная и мерзкая страна, как наша. Они там сгнили еще больше, чем мы тут. У нас, так или иначе, искусство. Настоящее искусство. У нас еще умеют его ценить... Как я разочарован! И они еще набрались наглости послать мне телеграмму!.. Режиссер, конечно, заартачился... он успел найти другого актера, не исключено, что с улицы, который и играть-то не умеет, зато обойдется дешево и никому перечить не станет. И плевать, что у него отвратительная дикция! Подправят дубляжем. Это кино. Седьмой вид искусства. То есть так называемое искусство. И его люди ведут себя соответственно. Подумать только, мне, актеру, выросшему на Шекспире, предпочесть недоучку с улицы!.. В последний момент прислать телеграмму с отказом от договоренностей и пожеланием спокойной ночи!... Хамство и кофейное пятно на пальто – вот всё, что я от них получил. И это после того, как без раздумий, не задавая вопросов, сразу согласился на предложение... принял поднесенный мне кусок хлеба... искренне... доверившись слову... Несмотря на то, что пришлось бы отказаться от других обязательств. Они ведь не

знали, есть они у меня или нет! Я даже не могу подать на них в суд, поскольку я ничего еще не подписал. Ну не подлость ли? Они, эти киношники, получают удовлетворение, ведя себя таким образом, плюя в физиономии доверчивым людям, лишая их последних иллюзий... Как хорошо, что я не успел обрадовать бедную Лауретту, мою жену! Она бы утонула в слезах. Она очень чувствительная женщина. Умная. Всё понимающая. Она всегда старалась вселить в меня уверенность и мужество. И всегда верила в меня и в мое искусство... Что я все об искусстве? Искусства не существует! И в моей актерской профессии нет никакого смысла. От искусства ведь никакой пользы. Она есть только от чувств. Потому что чувства – единственное, что еще пока имеет цену в этом грязном мире. Чувства. Любовь, нежность, сострадание... Самое важное на земле – существа, которые понимают и любят друг друга. Я осознал это только в сию минуту. Будь сейчас рядом со мной моя Лауретта, удар, который я получил, был бы менее болезненным... Ну и ладно... Итак, никакого Парижа, никакого специального участия... Прав мой здравомыслящий тесть: пора менять профессию. Я так и поступлю. Для начала разберу чемодан... Интересно узнать, чем они объясняют свой отказ... Где эта проклятая бумажонка?.. (Находит бумажный комок, разворачивает). Нет!!!.. Не может быть!!!.. *«Лауретта погибла в автомобильной катастрофе...»*. Они что, не могли позвонить мне?!.. Ах, да, у меня же отключили телефон... Лауретта!.. Нет, это невозможно! Бедная Лауретта!.. Но, стало быть... что касается съемок... никакого отказа!.. Я должен ехать!.. Я обязательно должен быть в Париже к утру!.. Вероятно, режиссер, как только увидел мои фотографии... Боже, как жалко Лауретту!.. Хорошо, что она хоть не страдала... В телеграмме написано: умерла мгновенно... Отложить отъезд? Но это невозможно! Невозможно отказаться от ангажемента ради похорон жены, которую уже не вернуть. Это непрофессионально. Издержки профессии. Мы должны переступать через наши чувства. Настоящий актер на службе искусства обязан сжимать зубы и забывать о собственной личной жизни, задыхаясь от удушающей боли... Я пошлю телеграмму тестю и теще: «Я в отчаянии... мое сердце разрывается от горя...». Отправлю ее из аэропорта. А ведь я чуть не погубил всё, даже не взглянув на телеграмму... Лауретта, прости!.. Я уверен, ты поняла бы меня и благословила мою

поездку... Одна из двух главных ролей!.. При специальном участии!.. Ну и нагнала ты на меня тоски этой телеграммой... Бедное мое сокровище, мне так жаль тебя! Но ты же понимаешь, что я делаю это еще и во имя твое! Ты всегда верила в мой талант! Ты была бы довольна тем, что я... Если бы только знала, как я хочу играть! Несмотря на отчаяние, которое меня переполняет... Еду. Париж!.. Цивилизованная страна!.. «У моих ног весь Париж...».

Звонок в дверь прерывает песенку.

Улыбка сходит с его лица.

Обреченно он идет во второй раз открывать дверь.

ШУТКА

Дворик монастырской богадельни. Женщина лет 85 сидит на скамейке. На ее голове шапочка с названием богадельни, в руке палка.

Нас десять человек, и каждый делает небольшую ставку. Кто выигрывает – забирает всё. Это не так много. Но кое-что победитель может себе позволить. Бутылочку вина, пару сигар, чашечку эспрессо с пирожными в баре. А если случается, что никто не выигрывает, тогда деньги идут в премиальный фонд. Но, откровенно говоря, мы играем не из-за денег. А чтобы развлечься. Убить время. Надо же чем-то заниматься в этих стенах. Не хочу сказать, что здесь плохо, но если не проявлять немного инициативы, жизнь становится совсем уж монотонной. Нет, жаловаться несправедливо. Монахини внимательны и отзывчивы. Питание здоровое. Спальни просторные. Чистые. Чистоте монахини уделяют особое внимание. И правильно делают, потому что когда вас в спальне двадцать или тридцать человек... Хотя, скажу честно, лично мне это не действует на нервы. Больше того, всегда находишься в компании. Что действует на нервы, так это время. Тут оно тянется бесконечно. Ты оглаживаешься назад и видишь, что твои лучшие годы исчезли, как дуновение ветерка. А сейчас ты только и думаешь: поскорее бы бежали эти утренние часы... Сколько времени от пробудки до завтрака? Шесть часов. Если бы вы только знали, как же они долго тянутся, эти шесть часов! Мы прогуливаемся по двору. Отдыхаем на скамейках. Играем

в карты. Болтаем с друзьями. А время всё тянется и тянется. Такое ощущение, что оно вообще остановилось. Темы, которые мы между собой обсуждаем, всегда одни и те же. Возраст. Ревматизм. Уходящее здоровье. Меню завтрака. Других тем нет. Нет и всё. Едва появляется новичок, все окружают его, чтобы узнать о нем побольше. Кто он такой. Чем занимался в жизни. Сколько ему лет. Чем болеет. Почему оказался в богадельне. А после того, как он расскажет всё это, ему тоже больше не о чем говорить. И он, как и все мы, начнет обсуждать то же самое. Меню. Ревматизм. И прочие болячки. И также начнет терзаться вопросом, как убить время. Монахини, бедняжки, из любви к нам стараются занять нас как могут. Заставляют прибираться во дворе. Или на площадке для игры в шары. Хотя кому она нужна, эта площадка? Кто там когда-нибудь играет? В наши-то годы, с нашими скрипящими суставами, нагибаться, распрямляться, нагибаться, распрямляться... Тот, кто однажды сыграет, рискует на другой день просто не встать с кровати. Мы же все очень старые. Старее не бывает. Мы давно не годимся даже для такой глупой игры, как шары. Вечерами легче. У нас есть телевизор, мы сидим перед ним до самого отбоя. Смотрим, главным образом, детские передачи. Сказки, игры, викторины, мультфильмы. Это развлекает и отключает мозги. Передачи для взрослых, наоборот, вгоняют в тоску. Заставляют вспоминать. Это доставляет боль. Охватывает ностальгия по всему, чего у нас больше нет: молодости, сил, здоровья. То, о чем думаешь с особенной горечью. О деньгах, о доме, о семье, любви, работе – об этом никогда не думаешь. Когда мы были молодые, нас волновало множество проблем, но в нашем возрасте они давно забыты. В нашем возрасте главное – здоровье. Господи, а ведь когда-то я в такие же прекрасные летние вечера, закончив работу, бежала на реку, поспешно раздевалась, ныряла в свежую воду и плавала долго-долго... Какое это было счастье! Настоящее счастье. Потому что тогда я чувствовала себя полной жизни, сильной, я была хозяйкой своего упругого тела, каждая его мышца была послушна моим командам. Я плавала в прохладной воде, а потом падала на раскаленный песок и обсыхала на солнце. Оно уже вот-вот зайдет, но всё еще горячее, и заряжает новой энергией, настолько мощной, что я, вскочив, опять прыгаю в воду... Вот о чем я сейчас тоскую. О силе. Об энергии. О здоровье. Не то, что его недостает. Но все же мне уже за

87. И на носу 88. Ближе к 90. Кому в этом возрасте есть дело до людей, которые бегают, прыгают, увлекаются, занимаются любовью и изводят друг друга?.. Ну вот, полезли воспоминания. А мне нисколько не хочется вспоминать. Моя жизнь была такая же, как у всех. Местами прекрасная. Местами отвратительная. Полная огорчений, сожалений и страхов. Мне не хотелось бы возвращаться назад и проживать эту жизнь заново. Даже мысленно. Единственное, что бы я сделала с удовольствием, так это поплавала бы в реке теплым летним вечером... Но теперь уже поздно. Вот почему мы предпочитаем спектакли для детей. Мы и сами стали как дети. Такие же слабые, беззащитные, беззубые и на дрожащих ногах. (Смотрит на часы). Десять. До обеда еще три часа. Сегодня четверг. Значит мясное рагу. Вкусное. Монахини очень хорошо его готовят. Они томят мясо на огне несколько часов, после этого оно так и тает во рту, жевать не надо. (Обводит взглядом двор богадельни). Ансельми, как всегда, с газетой в руках, хотя уже ни черта не видит. Каждый день велит покупать ему новую газету и много часов проводит, делая вид, что читает. Тостини опять сует термометр подмышку. Он страшно боится заболеть и меряет температуру каждые десять минут. Всем рассказывает, что его поместили сюда специально, чтобы он подхватил какую-нибудь болезнь и умер. Но мне кажется, что постоянное изменение температуры – это его способ убить время. Я уже сказала, что в первой половине дня оно словно останавливается. Особенно если всё идет как обычно, и нет никаких новостей. Другое дело, если кто-нибудь умирает. Тогда всё иначе. Мы собираемся группками, чтобы поговорить о покойнике. Ходим посмотреть на него. Ждем похорон. Приезжают родственники – тоже приключение. Составляем план проводов на кладбище. Тот факт, что один из нас ушел, служит для остальных своеобразным утешением, как будто смерть, сделав свое дело, на некоторое время забудет об остальных. Вот почему я и придумала игру. Чтобы занять себя и своих коллег. По крайней мере, тех, кто мог бы меня понять. Признаюсь, это было нелегко. Требовалось найти еще девять шутников, таких, как я. Пока что бодрых и не потерявших чувства юмора. Главное, чтобы об этом не узнали монахини. Они, хоть и добрые, но не позволили бы нам так шутить. Не из вредности, нет. Просто некоторые вещи они не в состоянии понять. Мы не совершаем ничего дурного. Всего лишь за-

ключаем пари. Но они святоши, и у них принято считать любые, даже невинные пари, смертным грехом. Поэтому всё делается в большом секрете. Я нарезаю карточки из тонкого картона, который выпросила у капеллана. Раздаю их по одной девятерым партнерам. Последнюю оставляю себе. Каждый пишет на карточке фамилию кого-то из проживающих в богадельне, какую хочет, и возвращает карточку мне. Я тоже пишу фамилию на своей карточке. Мы кладем все карточки в конверт, заклеиваем его и вместе идем прятать в надежное место, в церкви под органом. Каждый из десятерых имеет свой номер. Им помечена его карточка. Поэтому, как только игра сыграна, конверт вскрывается, и сразу становится известным, кто из нас победил. Или не победил никто. Сегодня я написала на своей карточке фамилию Баркетти, того старикана, чья койка стоит под моей этажом ниже. Он постоянно молчит и открывает рот лишь для того, чтобы на что-то пожаловаться. Завтра утром он тоже станет объектом нашей шутки. Каждому из нас по графику выпадает дежурить на кухне. Там он достает глиняные чашки для кофе, которые монахини затем разносят по столам. В одну из чашек он наугад заранее высыпает чуть-чуть порошка, на самом кончике ложки. Этот порошок в богадельню принесла я. У меня его целый пакет. Много лет назад я стащила его на фармацевтической фабрике, где работала. Просто, правда? Насыпается – и игра сделана. Мы, те, кто в курсе, внимательно смотрим в чашки, которые поставили перед нами, чтобы убедиться, что порошка в них нет. Другие, которые ничего не знают, не смотрят, как правило, в пустые чашки. Да если б даже и посмотрели, всё равно ничего не увидели бы. Потому что у всех плохое зрение, и никто ни о чем таком не подозревает. Монахини с чайником кофе и молочником проходят вдоль столов, наполняя чашки. Все пьют свой утренний напиток с большим удовольствием. Мы, те, кто в курсе, обмениваемся взглядами и перемигиваемся. Забавно, когда остальные и не догадываются о твоей шутке. После завтрака все выходят во двор прогуляться. И вскоре начинается большая суета. Сначала спешит одна монахиня, затем бегут другие, они носятся туда-сюда, туда-сюда. Всё происходит внезапно. Народ возбуждается, оживляется, всем любопытно, что случилось. Утро летит стремительно. Наконец, появляется мать-настоятельница и со скорбной физиономией сообщает нам о том, кто так скоропостижно нас по-

кинул. Если кто-то спрашивает, что с ним стряслось, она отвечает: должно быть, инфаркт, в таком возрасте сердце частенько сдает. Все испытывают облегчение и начинают комментировать происшествие, обсуждать, вспоминать ушедшего. Наша группа собирается и поспешает в церковь проверить карточки. Если кто-то из нас угадал, он забирает все деньги. Если не угадал никто, деньги пополняют премиальный фонд для следующего раза. На завтра похороны. Обсуждения, разговоры, пересуды продолжаются и длятся целый день. Через день все, естественно, забывают о бедолаге, который ушел от нас навсегда. Наша группа выжидает неделю или дней десять, а затем, если не происходит ничего такого, игра возобновляется. И вновь возбуждение, оживление, любопытство, дискуссии. Знаете, удивительное дело, но когда есть покойник, о котором говорят часами, время летит так, что ты этого даже не замечаешь. Только не дай Бог, чтобы монахини, эти добрые души, что-то начали подозревать. Я же говорю, некоторых шуток они не понимают. И вряд ли правильно оценят нашу невинную шутку, которая служит нам единственно для развлечения, нарушая монотонность жизни и позволяя убивать время. (*Смотрит на часы*). Вот. Оно словно остановилось. Не идет и не идет. Никуда не идет.

Валерий Николаев – российский переводчик прозы и драматургии с итальянского языка.

Окончил истфак МГУ, получив специальность историка-международника.

Сотрудничает с издательствами «АСТ», «Радуга», «Прогресс», «Махаон», «Иностранка», «Россмэн», «Рипол-Классик», «Текст», ИГ «Азбука-Аттикус» и другими, а также с журналами «Новый мир», «Иностранная литература», «Дружба народов», «Современная драматургия», «Сура», «Простор», «Вестник Европы», альманахом «Весь свет» и другими.

Андрей ФРОЛОВ

ГЕНЕРАЛ СМЕРШ

Окончание. Начало в № 3 (7) 2018

В общем, уволили меня из органов, и стал я вольной птицей. Что делать? А тут старший сынишка мой с блеском поступил на металлургический факультет УПИ и переехал в Свердловск к Маниному двоюродному брату Боре, полковнику танковых войск, преподававшему на военной кафедре этого института. Вот и мне напоследок удалось поменять нашу “трёшку” в Оренбурге на двухкомнатку в военном городке Свердловска. Зажили мы там хорошо, в тесноте, да не в обиде. Жили, впрочем, бедновато, так как больше года меня не брали на работу, я сидел с Андрюшкой, и только Маня приносила свою небольшую учительскую зарплату, да Юрка стипендию. Но были счастливы, мы любили друг друга, детей, а что ещё надо.

Сосед наш, полковник авиации, Фёдор Ильич Оковин, был почётным гражданином города Свердловска, награждённым именными часами лично из рук Ленина как геройский кавалерист. В бытность Жукова командующим Уральским округом Фёдор Ильич командовал у него авиацией. Он вспоминал:

– Вызывает меня на доклад Жуков, а я его только раз и видел, не знаю ещё как к нему подойти. Ну, за день перед тем подкатил я к его адъютанту, тот всю войну с маршалом провёл. Веду адъютанта в ресторан, водочка, пивко, раки, закуска, ну и говорю ему: «Мил-душа, скажи, в какой манере товарищу маршалу лучше всего правду докладывать, в каком виде он больше всего факты принимать любит?» А сам думаю, прорех-то и недочётов у меня в авиации пруд-пруди, вот придерётся и сожрёт меня этот Жуков за здорово живёшь, уж больно строг. «Не дрейфь!», – говорит мне адъютант, довольный угощением, – я тебя сейчас научу, всё нормально будет. Заходи решительно, смело, твёрдой походкой, смотри ему прямо в

глаза, а сам ври, ври, ври!» Я так и сделал, подошёл к нему решительно, голову держал высоко, ел его глазами и нёс громко и чётко, по-военному:

– Авиация, товарищ маршал, находится в высочайшей боевой готовности, техника к зиме подготовлена на 100%, топливо и горюче-смазочные материалы в полном комплекте, боевые занятия проведены в полном объёме...

Голосом таким деревянным, армейским, чтоб ни одна нотка не дрогнула, и смотрел на Жукова не мигая, как оловянный солдатик. Так что вы, Андрей Петрович, думаете? Жуков остался чрезвычайно моим докладом и всем другим командирам в пример ставил» .

В конце 1956-го решили меня арестовать. Я сразу понял, так как вызвали в прокуратуру вечером к шести ноль-ноль. Я так Мане и сказал, если не вернусь, не волнуйся, значит посадили. О детях, о себе заботься, а я посижу и выйду, я ж обещал с фронта живым прийти и пришёл, так и из тюрьмы выйду. Вины на мне нет, а без вины долго не посижу. Перецеловал всех, особенно Андрюшку своего, и в путь. Они мне из окошка нашего третьего этажа долго со слезами на глазах махали.

Опасался я, что они что-то из Паши Судоплатова выбили, хотя и был уверен в его исключительной надёжности. Никогда ведь не знаешь, в чём обвинить могут. Паша, к примеру, сидит за активное пособничество Берии в подготовке государственного переворота, похищения и многочисленные убийства, а начальника моего Гоглидзе как шпиона сразу нескольких западных разведок расстреляли. Абакумова посадили за сионизм, а расстреляли за политический авантюризм, Вадиса вообще за воровство разжаловали. Был бы, как говорится, человек, а статья найдётся...

Меня обвинили в расстреле бывшего секретаря житомирского райкома партии Степанова. «На каком основании вы расстреляли в Житомире секретаря райкома партии Степанова?» – строго так меня прокурор спрашивает, и глаза горят праведным огнём.

– Это не я, – говорю.

– Ну да, понятно. Это не вы, это он сам себя расстрелял, к тому же в затылок. Зря пытаетесь ввести нас в заблуждение, вот ваша подпись о расстреле Степанова, якобы по указанию вышестоящей

инстанции. Вы всегда на вышестоящие инстанции валите. Не так ли? Это ваша подпись?

– Нет, вот эта, как раз, не моя.

– Как не ваша? – у прокурора аж лицо переклинило. – Вы же Фролов А. П.

– Ну, я.

– Так вот же ваша фамилия и инициалы!

– Фамилия моя, инициалы мои, а подпись не моя.

– Да как это может быть?

– Очень просто, это Фролов Алексей Павлович, вон читайте в протоколе допроса, а я Фролов Андрей Петрович, вы даже протокол не прочитали как следует.

Прокурор смутился, он понял свой просчёт, но решил всё-таки помахать кулаками после драки:

– Вы тоже нарушали закон, тоже служили в НКВД в то время, а значит принимали участие в незаконных арестах и репрессиях, направленных против честных советских людей!

– Конкретно, в чём, где, как и когда были совершенны эти мои незаконные действия? – ответил я, прямо глядя ему в глаза.

– Не беспокойтесь, мы это установим!

В итоге меня не арестовали и не исключили из партии. Я был назначен директором Свердловского углекислотного завода.

В работу ушёл с головой. Приобрёл книжку про углекислотное производство и изучил её вдоль и поперёк. Коллектив попался замечательный – настоящие уральские рабочие с большим стажем. У них и учился. Ведь интересно же, как из чёрного неприглядного кокса сухой лёд сделать... Попробуйте без сухого льда обойтись...

Удалось внедрить некоторые технические новшества для облегчения труда. Помимо улучшения процесса производства, смог дом для рабочих пробить. Четыре квартиры отдал строителям. Дом построили в три этажа на тридцать шесть квартир – первый настоящий благоустроенный дом на улице, а то была сплошная деревня. Подталкивали меня на малогабаритные квартиры, а я не согласился. Пусть меньше, да лучше, полногабаритные построил с широким коридором.

В это время Хрущёва сняли. Пришел к власти Брежнев. С ним я встретился в Днепродзержинске в 32-м, когда попал туда с ком-

сомольской делегацией. Он, будучи комсоргом, устроил нам отличную экскурсию по заводу. Видный, рослый, весёлый, знающий, он произвёл тогда очень хорошее впечатление. Я ещё подумал: «Далеко пойдёт парень». Так и случилось. Моя сестра Рая работала в бухгалтерии Днепропетровского обкома и отзывалась о Брежневе как о человеке и руководителе весьма положительно. Правда, не все так реагировали. Один из ветеранов-полковников возмущался: «Кого выбрали? Лёньку Брежнева! Да мы с ним водку в 42-м пили и песни пели. Какой из него Генеральный секретарь!? Разве его можно сравнить со Сталиным?»

Любое упоминание «вождя народов», а тем более сравнение с ним меня коробило. Я-то знал, кто был главным палачом страны. Работа в «органах» на многое глаза открыла...

В 1967-м разразилась арабо-израильская война. Я всей душой болел почему-то за Израиль, а не за наших арабских друзей. Израиль дал им чёсу. За считанные дни разгромить все их армии, да ещё при поддержке наших советников! Вот тебе и евреи! А то – трусы, бегут в Ташкент, никакие, мол, солдаты. А я-то знал, сколько было доблестных евреев-воинов, Героев Советского Союза. Я поддерживал Израиль в частых спорах с нашими вояками во дворе, и они быстро замолкали. Вообще, меня наши чёрные полковники, как их называли остряки из горсоветских домов, побаивались, видимо, по старой привычке. Хоть и недолюбливали нашего брата-особиста.

ЭПИЛОГ

Вернули мне мою полную пенсию только в 1990-м году. Союз умирал, дело за которое мы всю жизнь боролись, приказало долго жить. В этом для меня были и большая печаль и какое-то злорадство. Довели своим враньём страну до ручки. В партию ни один из моих детей и внуков не вступил и не пытался, все они были настроены оппозиционно. Конечно, я сыграл в этом не последнюю роль. Особенно Андрюше я рассказывал об ужасах сталинизма и во что он вовлекал людей, в том числе и меня. Я не хотел, чтобы мой младший сын рос таким же наивным, как большинство его сверстников. Я не любил наивных, легковверных и глупеньких и не хотел, чтобы мой сын рос таким и плясал потом всю жизнь под чужую дудку, а

под конец проклинал тех, кто его обманывал. А не надо верить, тогда не обманут. Тот, кто верит, тоже виноват, а не только тот, кто его обманывает. Это я и про себя говорю – ведь тоже верил...

Когда сын был в классе 7-ом, я рассказал ему о расстреле поляков в Катыни и о нашем постоянном вранье, о том, что вообще нельзя всё принимать на веру, а надо думать собственной головой и быть полностью ответственным за свой выбор. Я говорил в наших душевных беседах, что и в Ленина не надо верить, что он не тот, за кого его выдают. И что одни взрослые дяди и тётки делают это в своих корыстных интересах, а другие по глупости, потому что верят. Не скрывал я и своего участия в репрессиях, пусть сын всё знает о батьке, это поможет ему лучше ориентироваться в жизни.

В самом конце шестидесятых я узнал, что Паша Судоплатов освобождён по отбытии срока наказания 15 лет. Знал я и о том, что более 20 лет он боролся за свою реабилитацию. Полностью был реабилитирован постановлением Главной военной прокуратуры Российской Федерации в январе 1992 года. Впрочем, многими высказывались сомнения в правомерности его реабилитации, так как был Паша организатором и участником доказанных судом уголовных преступлений. Что было, то было...

Отбывал он наказание во Владимирской тюрьме. Доходили слухи, что перенёс инфаркты, ослеп на один глаз.

Отношений с Судоплатовым я не поддерживал. Связаться с ним всё-таки решил после того, как прочитал его изданные на русском (а сначала на английском) мемуары, написанные совместно с сыном Анатолием. Произошло это в 1996-м, незадолго до кончины Паши. Достал через наших его телефон и не без волнения позвонил. Трубку он взял не сразу:

– Паша, это я, узнаёшь?

– Здравствуй, Андрей, – после долгой паузы ответил он сухо.

Поговорили о том, о сём, о здоровье, детях, внуках... Разговаривал Паша с видимой неохотой. Я решил взять быка за рога и коснуться темы смерти Сталина. Так был заговор или не было?

– Слушай, Паша, жить осталось немного, вот я и хочу тебя спросить напрямую: ты помог от него избавиться?

– От кого избавиться?

– От кого, от кого, от Сталина, ты что, не понимаешь!?

– Какого ещё Сталина? – ответил он резковато.

– Сталин, по-моему, Паша, у нас один был, Иосиф Виссарионович, я что-то других не припомню.

– Плохо у тебя, значит, с памятью, Андрей, а Василия Иосифовича кто арестовал?

– При чём тут Василий? Ну, я арестовал, а что с ним было делать? Кстати, Паша, арестовал я его как раз за то, что он везде кричал, что его отца отравили. А если это правда, то кроме тебя никому! – бросил я с вызовом.

– Ты, видно, «Правду» не читал, а там 6 марта было ясно сказано, что Иосиф Виссарионович Сталин умер от инсульта, и было заключение врачей. Или у тебя память отшибло? Начитался всякой ерунды из жёлтой прессы и звонишь, раньше вот что-то не звонил, я ведь уже давно на свободе...

– В «Правде», Паша, было напечатано, что и Масарик сам с 9-го этажа выпал, когда шторы менял, а я то ведь знаю, чья работа, мне не кто-нибудь, а Федя Шубняков рассказал, так что нечего тут... Я про другие твои дела молчу...

– А всё-таки ты контра, Андрей! Поди, и партбилет сжёг?

– Сжёг, Паша, и Маня сожгла, и среди детей коммунистов нету.

– Да, а ваш Ельцин великую страну, которую мы с тобой строили, развалил, коту под хвост пустил, разве тебе не обидно?

Решил я не продолжать бесполезный спор.

– Паша, вот я шейку бедра сломал...

– И что, и я сломал.

– А как ты ходишь?

– Да никак не хожу, на табуретке передвигаюсь.

– А мне дочка из Америки вокер прислала, это такое приспособление, я с ним прекрасно хожу. Ты понял, что такое Америка?

– А я хоть пятнадцать лет в тюрьме отсидел, но идеалы наши не предал. Американцы, как хотели, так и хотят зла нашей стране, а ваш Ельцин этого не понимает, всё развалил, всё пропил... А ты Америкой восхищаешься. Ладно, не о чем нам с тобой говорить!

– Ну и хрен с тобой! – крикнул я и бросил трубку.

Впрочем, я ни с какими ветеранами не могу больше трёх минут разговаривать. Раздражают. Смолоду мне старики дураками каза-

лись, никогда их не слушал и с мнением их не считался. И вполне понимаю молодёжь, когда они меня не хотят слушать. А Паша – старорежимных понятий. Оттого на табуретке и передвигается. Вон книгу на английском издал, денег, поди, заработал, а вокер из Америки прислать некому.

Жаль всё же, что разговора с Пашей не получилось. Больше контактов с ним не было, он так коммунистом и умер вскоре.

А меня Путин с 95-летием лично поздравил. Как чекист чекиста. Но, признаться, президента не люблю. Тому много причин, но главная, он свободы начал душить, от инакомыслящих избавляться. Не сам лично – по его указке. Разгон НТВ с любимыми народом программами. «Странные» смерти Юшенкова, Щекочихина, арест Ходорковского...

Обожаю «Эхо Москвы», целыми днями слушаю. Алексей Венедиктов, Андрей Черкизов, Валерия Новодворская – замечательные люди, умницы. А Анатолий Стреляный с радио «Свобода»? Какой у него язык! Я слушаю их и рассказываю по телефону сыну, живущему в Новой Зеландии. Чтобы он тоже был в курсе, что тут у нас происходит.

Я, безусловно, везучий человек. Прожил почти 60 лет с любимой женой, воспитали четверых детей, дали им высшее образование. И не один раз между Сциллами и Харибдами проскакивал, познал огонь, воду и медные трубы. Внуков и правнуков более двадцати и все устроены, все специалисты своего дела, ни одного болтуна, ни одного политика. Живут дети и внуки и в России, и в Америке, и в Испании, и даже в Новой Зеландии. И будут они плодиться и размножаться и достигать всё больших и больших высот.

P.S. Андрей Петрович Фролов скончался 10 октября 2004 года.

Александр МАТЛИН

СТРОГАННОЙ СТОРОНОЙ ВНИЗ

В одном еврейском местечке строили баню. И, представьте себе, почти построили; оставалось только пол настелить. Но тут возникли разногласия. Самые умные считали, что доски для пола нужно строгать, иначе можно занозить ногу. Другие, тоже самые умные, считали, что доски строгать нельзя, а то можно поскользнуться. Умные с умными договориться не могут. Разногласия переросли в конфликт, и в попытке разрешить спор евреи, как полагается, обратились к раввину. Что сделал раввин, чтобы не обижать ни ту, ни другую сторону? Как полагается раввину, он принял Соломоново решение:

– Доски строгать, но класть строганной стороной вниз.

Этот старый анекдот почему-то всплыл у меня в памяти, и я во время обеденного перерыва рассказал его своему сотруднику и другу, глупому Зунику Ойвейбергу. Зуник, хоть и глупый, но по должности старше меня. Он ценный специалист.

Признаюсь без ложной скромности: рассказывать анекдоты я умею. Ради чего рассказывается анекдот? Ради последней, заключительной фразы. По-английски она называется punch line, ударная строка. Эту строку надо уметь подать. И вот, перед последней фразой я делаю небольшую паузу, как бы испытывая терпение слушателя, и выдаю:

– Доски строгать, но класть строганой стороной вниз.

И замираю. И победно гляжу на Зуника, ожидая взрыва хохота. Но Ойвейберг не смеётся. Он тоже делает паузу, а потом говорит:

– Слушай, а зачем строгать доски, если строганая сторона пойдёт вниз?

Сначала я растерялся. Но потом сообразил, что Зуник не понял анекдота, и пересказал его заново, с ещё большей экспрессией. И как евреи строили баню. И как они не могли решить спор. И как пошли к раввину. И как раввин придумал такой хитрый ответ, чтобы угодить обеим сторонам. И тут я опять выдаю:

– Доски строгать, но класть строганой стороной вниз. Ну, как?

Зуник по-прежнему не смеётся. Он морщится и говорит с некоторым раздражением.

– Это я уже слышал. Можешь не повторять. Я всё равно не понимаю, зачем надо строгать доски, если гладкая сторона пойдёт вниз. Может, ты что-то перепутал?

– Чего тут путать. Это же анекдот. Чтоб смешно было.

– Не вижу ничего смешного, – говорит глупый Зуник. – Какая разница, доска строганая или нет, если всё равно строганая сторона будет внизу? Чуть какая-то. Раввин что, дурак?

– Может быть. То есть, нет, конечно, не дурак. Впрочем, я не знаю. Не в этом дело. Хочешь, расскажу другой анекдот?

– Подожди, – говорит Зуник. – Из твоего анекдота явно получается, что раввин – дурак. Ты что, хочешь сказать, что все евреи дураки?

– Ну что ты, Зуник, – говорю я как можно миролюбивее. – Я сам еврей. Давай, я тебе расскажу другой анекдот.

– Не надо, – говорит Зуник. – Пора на рабочее место.

Он надевает пиджак и говорит глухо, не глядя в мою сторону:

– Я от тебя этого не ожидал.

На следующий день меня вызывает начальник отдела.

– Заходи, – говорит. – Закрой дверь. Садись, не бойся. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Ты для меня – прямо как брат. Или ещё хуже – как сын.

Закончив радостную увертюру, начальник погрузился и говорит:

– Мне поступил сигнал.

– Какой сигнал?

– Тревожный. Что ты проявляешь антисемитизм.

– Понятно, – говорю я. – Сигнальщик ваш дурак. Шуток не понимает. Я ему старый еврейский анекдот рассказал. Хотите вам расскажу?

– Ни в коем случае! – пугается начальник. Ты знаешь, к чему это может привести? Сегодня ты рассказываешь еврейский анекдот, а завтра, не приведи Господь, расскажешь арабский. А это знаешь, как называется? Исламофобия. Это тебе не какой-нибудь невинный антисемитизм. За это знаешь, что бывает?

– Не знаю, но догадываюсь.

– Правильно догадываешься.

– Значит, про евреев можно?

– Можно.

– А про поляков?

– На здоровье.

- А про арабов нельзя?
- Упаси, Боже! Они мусульмане.
- Ну хорошо. А про негров?

У начальника от страха округляются глаза.

- Ты с ума сошёл! – шипит он свистящим шепотом.

Он с грохотом вскакивает из-за стола и бросается к двери кабинета. Я испугался, подумал, что у него приступ расстройства желудка, но, к счастью, пронесло. То есть, наоборот. Это я в переносном смысле. Я хочу сказать – обошлось. Начальник выглядывает за дверь и, убедившись, что нас никто не подслушивает, возвращается на место. Я говорю:

– С ума сошёл, потому что про негров можно, или потому что нельзя?

– Замолчи! – кричит начальник. – Не смей произносить это слово!

– Какое именно?

– То самое! На букву «эн». Не смей его даже думать!

– А что тут такого? – искренне удивляюсь я. – Так называют чёрных...

– Прекрати немедленно! – кричит начальник, багровея. – Это слово тоже нельзя произносить!

– А какое можно?

– Сам должен знать! Надо говорить Африкан Американ. Можно просто: афроамериканец. Или афроамериканка.

– Понятно. И тогда про них можно рассказывать анекдоты?

– Ни в коем случае! Это расизм!

– А про латиноамериканцев можно?

– Упаси, Боже! Это расизм!

– А про китайцев? Или вообще про всех этих... ориенталс?

– Это слово тоже нельзя произносить. Надо говорить «азиаты».

– Ну, хорошо. Про них можно рассказывать анекдоты?

– Про них точно не знаю, – со вздохом говорит начальник, немного успокоившись. – Наверно, можно. Смотря какой анекдот.

– Ну вот, например, такой. По реке Хуанхэ плывут в джонке два китайца. Один другому говорит: послушай, Хаим...

– Ха-ха, – говорит начальник. – Это смешно. А тот что?

– А тот отвечает: я не Хаим, я Хозе...

У моего начальника снова начинают раздуваться ноздри, и лицо наливается цветом спелой малины.

– Ты что, скотина, издеваешься надо мной?! – хрипит он. – Пошёл вон!

Я покорно поднимаюсь и выхожу из кабинета. Я не обижаюсь на своего начальника. Даже наоборот, я ему благодарен за повышение моей эрудиции. Конечно, по-английски я говорю плохо, а пишу ещё хуже, но зато теперь мой политкорректный язык обогатился чрезвычайно.

В понедельник у нас, как обычно, производственное совещание. Мне предлагается доложить о состоянии текущего проекта. Я набираю в лёгкие побольше воздуха и радостно сообщаю:

– Проект продвигается успешно благодаря беззаветному труду нашей диверсифицированной группы, в которую входят один афроамериканец, один латиноамериканец, один азиат, один мусульманин и три белых...

Тут я запинаясь и выжидательно смотрю на начальника.

– *Супремасиста*, – подсказывает он.

– И три белых супремасиста, – соглашаюсь я.

– Привилегированных, – дополняет начальник.

– Привилегированных, – повторяю я.

– Правильно, молодец, – одобряет начальник. – Как у вас со сроками?

Я не успеваю ответить, как в разговор неожиданно врывается Зуник.

– Со сроками плохо, – говорит он, не поддерживая моего политически корректного энтузиазма. – Нам не хватает людей, чтобы закончить проект в срок.

Начальник вопросительно смотрит на меня. Я молчу. Зуник дурак, но ему виднее. Он старше меня по должности. Начальник говорит:

– Хорошо, я переведу к вам в группу Джонсона.

– Это кто? – говорит Зуник. – Этот толстый негр из третьего отдела? Мне он не нужен. Он же тупой, как полено. Там у них есть другой негр, не помню фамилии. Такой щуплый. Этого я могу взять.

Начальник наш бледнеет и на несколько минут теряет дар речи.

– Вы не должны так говорить, – наконец, выдавливает он. – Вы не должны произносить это слово.

– Какое слово? – В голосе глупого Зуника нет ни малейшего оттенка политической зрелости. – Негра, что ли? А как его называть, если он чёрный?

– Я вам, кажется, объяснил, – говорит начальник, и я вижу, что его состояние приближается к обмороку. – Мы не можем допустить проявлений расизма в нашей компании!

– Я понимаю, – говорит Зуник. – Пожалуйста, не волнуйтесь. Если тощего негра нельзя, тогда дайте мне этого... там у них есть один, то ли китаец, то ли малаец, в общем какой-то ориенталец. Он меня тоже устроит.

– Совещание закончено, – говорит начальник, взглядом уничтожая Зуника. – Зайдите ко мне, Ойвейберг.

Во вторник я узнаю неожиданную новость, которую следовало ожидать: Зуник уволен по собственному желанию. В конце рабочего дня меня вызывает начальник. Он выглядит хмуро и говорит сухо:

– С сегодняшнего дня ты будешь временно исполняющим обязанности руководителя группы. Насчёт зарплаты не беспокойся. Прибавки не будет...

– Это почему же временно исполняющим? – обижаюсь я – Я, может, хочу исполнять постоянно. А если при этом зарплата изменится в сторону повышения, то это меня совершенно не пугает.

– Не заслужил ещё, – мрачно говорит начальник. – Кстати, откуда у тебя акцент? Ты что, из Боснии?

– Я из России.

– Не годится, – вздыхает начальник. – Русские не считаются.

– Зато я прямой наследник Пушкина. Знаете, кто это?

– Конечно, знаю. Какая-то русская знаменитость. То ли танцор, то ли хоккеист.

– Пушкин – великий русский поэт, – разъясняю я с чувством культурного превосходства. – И я его прямой пра-пра-пра-племянник..

– Это хорошо, – одобряет начальник. – Ты, главное, смотри, с проектом не подведи. У тебя сроки. Можешь идти.

– Между прочим, Пушкин был негр, – говорю я.

– Что? – Начальник настораживается. – Ты хочешь сказать, что он был афроамериканец?

– Ну да. Ещё какой!

– Значит ты тоже немного... того... как бы афроамериканец?

– Конечно. Типичный афроамериканец.

– Скажите на милость! – удивляется начальник. – А по виду не скажешь.

– Да, внешность вообще обманчива, – огорчаюсь я. – Меня вот всю жизнь почему-то за еврея принимают.

– Не расстраивайся, – утешает начальник. – Главное – как ты сам про себя чувствуешь. Я тут подумал... Проект у тебя важный, ответственный. Будешь постоянно исполняющим руководителем группы. Нам нужны умные специалисты, как ты. Ну, и зарплату тебе, конечно, повысим, не беспокойся. Можешь идти.

Я выхожу из кабинета начальника и с энтузиазмом приступаю к исполнению своих новых обязанностей. И меня одолевает гордость от своей значительности. Всё-таки хорошо быть умным. Мне жалко бедного глупого Зуника. Он так и не понял, почему доски надо класть строганой стороной вниз.

Иллюстрации Вальдемара Крюгера

Александр Матлин – инженер-строитель, специалист по морским сооружениям и портам. В этом качестве проработал более 30 лет в Америке, а до того ещё 15 лет в Москве, откуда уехал в 1974-м году.

Помимо инженерства, в СССР он занимался тем, что писал рассказы и фельетоны и печатал их, в основном, в журнале «Крокодил». В последние годы он печатается в сетевых журналах, в еженедельнике «Панорама» (Лос-Анджелес) и других русскоязычных газетах и журналах Америки и Израиля.

В Москве в издательстве «Вагриус» вышла книга Матлина «На троих с ЦРУ» – полное собрание избранных рассказов и стихов. В ньюйоркском издательстве Mir Collection – рассказы 2 = 1 на русском и английском.

Постоянный автор журнала «Времена».

Евгений ЛЕСИН

ПРИРОДА ЗЛА, или ДОБРО – СТРАШНАЯ СИЛА

Природа добра: Москва-река

Еду в трамвае. Мирно. Рядом влюбленная пара. Парняга назвал Москвой-рекой сначала Водоотводный канал, потом собственно Москва-реку и наконец Язу. Причем про Язу он сказал «вот теперь точно Москва-река». Трамвай он несколько раз назвал автобусом. Смотри, хохотал он, вот индус пытается зайти в автобус. Я долго искал индуса и автобус. Не нашел. Оказалось, что в трамвай пытается залезть пьяная старушка на костылях, но ее не пускают, так как трамвай остановился не на остановке, а из шалости. Ну индус, продолжал радоваться жизни влюбленный, ну дает, так и хочет забраться к нам в автобус.

Влюбленная девушка влюбленно молчала.

Любовь и добро – страшная сила.

Природа добра: в метро

Никогда такого не было. Во всяком случае, я услышал впервые. Еду в метро. Вдруг машинист поезда объявляет: «Здравствуйте, уважаемые пассажиры. Вас приветствует машинист 2-го разряда Сазонов Алексей Геннадиевич. Удачной поездки».

Обычно, если машинист что-нибудь объявляет, то точно какую-нибудь гадость. А тут прямо приятно стало. Цитирую его объявление, конечно, по памяти, так что мог ошибиться в имени или звании. Я ведь не в прямом, извините, эфире пишу. С какого-нибудь гаджета, как многие почему-то думают. И если я пишу: «Валяюсь в блевотине возле Кремля» (кстати, хорошая строчка, годится для Цикла стихов ни о чем «Молчание шабли»), то не стоит считать, что я вот именно сейчас валяюсь в блевотине возле Кремля. Валяясь в блевотине возле Кремля я мог, конечно, сочинить данный стишок, но уж точно не разместить. Но я отвлекся.

Так вот, если ошибся, извините, Алексей Геннадиевич. Ваше объявление было приятным и неожиданным.

Добро – страшная сила.

Природа зла: патриоты

Потрясающие люди. Делать бы из них скрепы, духовнее не было бы в мире скреп. Пишу я, допустим, про мошенническую схему в супермаркете. Про то, что жульены ценой в 200 рублей жулики выдают за жульены ценой в 100 рублей в надежде на то, что на кассе покупатель ничего не заметит. Просто купит один товар вместо другого, переплатив в два раза.

Получаю возмущенные комментарии. От патриотически настроенных читателей. Чем же, как вы думаете, возмущаются патриотически настроенные читатели? Жульничеством мошенников? Как бы не так.

Их возмущает тот факт, что меня интересуют жульены.

Жри, дескать, Лесин, обычное дерьмо и молчи в ссаную тряпочку. А еще лучше – поскорей сдохни.

Такова природа зла.

Природа зла: 140 миллионов миллиардеров

При большевиках-то как было. Примерно так.

– Скажите, пожалуйста, а что вы читаете, «Правду» или «Советскую Россию»?

– А... чем они отличаются?

– Как чем? Советская пресса отличается объективностью.

Сейчас всё то же самое, только по телевизору. И вот, если верить пропаганде (а не верить ей нельзя, потому что наша пропаганда отличается объективностью), то всё население России, все 140 миллионов, все поголовно – здоровы как быки, всем 25-30 лет, и все миллиардеры.

Да, есть два десятка нацпредателей. Они старые и больные. Уродливые и злые. Их девочки не любят. Они, впрочем, предпочитают мальчиков, но их и мальчики не любят. Они к тому же всего лишь миллионеры, поэтому шакалят у ворот госдепа и жаждут кровавых долларов мировой закулисы.

Но их каждый день сотнями разоблачают, и скоро совсем изведут.

А все остальные – те, да, молодые, здоровые, счастливые. Но – не забудем об объективности – бывают и у них беды. Например, перхоть.

Такова природа зла, которое выдает себя за добро. Впрочем, любое зло выдает себя за добро. Такова уж его природа.

Природа добра: уступайте феминисткам

Трамвай. В хвосте вагона сиденье для трех человек. С одного края сидит молодой россиянин, с другого – я. Входит, пыхтя, радикальная феминистка. Явно моложе меня, но требует, чтобы я уступил ей как пожилой женщине. К россиянину благоразумно не обращалась (может и ножом пырнуть).

Ну, я, разумеется, встал и уступил ей. И сел посередине. Россиянин слегка подвинулся, феминистка всю дорогу злобно вертелась.

Добро – страшная сила.

Природа добра: по стопам «Ахматовой»

Есть такая анкета, ее приписывают Ахматовой. А уж кто ее в самом деле придумал – бог весть, да и не очень важно. Вопросы просты. Кто или что вам ближе? Мандельштам или Пастернак? Кошка или собака? Кофе или чай?

А почему бы ее, анкету, так сказать, не развить и не углубить? Есть ведь и другие, не менее очевидные пары поэтов, напитков и пр. Итак, что мы имеем? Пушкин или Лермонтов? Тютчев или Фет? Маяковский или Есенин? Ахматова (бывает, что и автор становится героем) или Цветаева? Евтушенко или Вознесенский? Емелин или Родионов? Розенбаум или Новиков? Бунин или Набоков (как поэты)? Божнев или Одарченко? Высоцкий или Галич? Андрей Дементьев или Егор Исаев? Аналогично с напитками и всем прочим (домашних животных не так много, так что придется брать варианты ответов отовсюду).

Водка или пиво? Коньяк или водка? Водка или самогон? Ром или виски? Портвейн или мадера? Сухое (брют) или полусладкое? Красное или белое? Фильтрованное или нефильтованное? Из безалкогольных напитков... Из безалкогольных напитков что-то я никак ничего вспомнить не могу... А! вспомнил! Безалкогольное пиво. Какое-нибудь или безалкогольное пиво какое-нибудь другое?

Ну и всё прочее.

Москва или Питер? Родина или жратва? Рот или жопа? КГБ или МВД? В рыло или в харю? Венера или Марс? Жимолость или повилика? Красный строитель или Красный балтиец? «Аист» или «Второе дыхание»? Ад или рай? Троцкий или Сталин? Юля или Артист (к выборам в Украине)? БДСМ или ЛГБТ? Платон или Аристотель?

И т.д.

И т.п.

Добро – страшная сила.

Природа добра: или полтора часа бабой?

Сидим на работе, работу работниками работаем. Зашла речь о Венедикте Ерофееве. Вот я и спрашиваю коллегу:

– А что лучше – побыть годика два евреем или бабой – полтора часа?

Коллега задумался, ничего не отвечает.

– Твоя задумчивость, – говорю, – начинает меня, откровенно говоря, настораживать.

– Уж лучше евреем годика два, – опомнился коллега. – Чем полтора часа бабой.

Такова природа добра.

Природа добра: от вас так пахнет алкоголем...

Еду в автобусе. Рядом мужик. От него сильно несет спиртным.

– Вы, – говорю, – конечно, извините, но от вас так пахнет алкоголем...

Мужик весь напрягся. Но молчит. Пыхтит, покраснел, но молчит.

Так вот.

– От вас, – говорю, – так сильно пахнет алкоголем, что я, наверное, даже до Сокола не поеду, а прямо сейчас выйду и немедленно выпью. На улице Панфилова. Тем более, что здесь тоже есть чебуречная.

Он разулыбался, рот открывает и закрывает. По лицу слезы счастья и понимания.

Я вышел, обернулся, он мне чуть ли не платочком машет.

Такова природа добра.

Природа добра: блаженство

Когда вы читаете в тексте что-то типа «Ах, ты, бл..., сволочь», то, думаете, наверное, что после «бл» автор хотел написать «ядь», так ведь?

И зря. Скорее всего автор хотел написать не слово «блядь», а слово «блаженство», но внутренний цензор его остановил.

Ах, ты, блаженство, сволочь ты этакое...

Вот что хотел написать автор.

Такова природа добра.

Природа зла: Захар Абрамович

Дедушка мой вернулся с войны без ноги. И работал в артели с другими калеками-фронтовиками. Начальником у них был Захар Абрамович. Подопечных своих любил, они отвечали ему тем же. Но был он на самом деле не Захар Абрамович, а Закир Ибрагимович. «Закир Ибрагимович» – звучало тогда для русского слуха непривычно. Вот он и взял себе вместо Закира Ибрагимовича русские имя и отчество – Захар Абрамович.

Теперь, увы, всё ровно наоборот.

И еще. Конечно, фронтовики не любили тех, кто не воевал. Но достаточно спокойно, скажем так. Мало ли, как говорится, что. Дедушка мой тоже недолюбливал невоевавших. Но вот тех, кто маршировал, увесившись орденами, тех он ненавидел. Большинство-то в награду получили лишь раны да увечья, а не ордена. А те, кто маршировал – вся широкая грудь в орденах – те, считал он, в действительности не воевали. И были они... ну, в общем, нетрудно догадаться – кто они и откуда.

Такова природа зла.

Природа добра: как шутить шутку

1-й способ. Творческий. Берется устойчивое выражение. Ищется рифма, аллитерация или созвучие.

У семи няnek дитя без глаза. Рифмуем, не обязательно точно, лишь бы созвучие было.

У семи няnek дитя под газом.

У семи няnek дитя в экстазе.

Можно и вовсе без рифмы. У семи няnek дитя без визы. И т.д.

2-й способ. Для тех, кому недосуг творчеством заниматься. Берется устойчивое выражение, где есть определение и определяемое. Полный дурак. Верная смерть. Круглый отличник. Вставляется союз «как». Получилось? То-то же. Есть добавить хоть немного творчества, выходит изящно: нарыв-то гнойный, гнойный, как пидор.

Такова природа добра.

Природа добра: косплей, Высоцкий и дыр бал ша

Я очень люблю косплей. Дня не могу прожить без косплея. Еще Высоцкий, кстати, воспевал культуру косплея.

Раздали маски кроликов, воспевал Высоцкий культуру косплея, слонов и алкоголиков...

К сожалению, костюма Бутмана или там Кота Бармалея у меня нет. Маски слона или кролика тоже не имеется. Зато костюм алкоголика всегда на мне.

Коспелей – каждый день. Все на бал.

Бал маске рад.

Добро – страшная сила. Костюмированное добро еще страшней. Крысы бегут с корабля на бал, женщина на балу – к несчастью.

Маска, я тебя знаю, ты – Илон!

Илон – эталон.

Этил – пропил.

Дыр-бал, ша!

Природа добра: из редакционного. Стансы

– А как мы выделяем эпиграф к статье?

– Вычеркиваем.

Новое литературное проклятие:

– Да чтоб ты поскорее попал в сборник «Они ушли. Они остались».

Добро – оно, блин, такое.

Природа зла: умеренный патриот

Константин Мелихан пишет: «...юмористы смеются над тем,

кто упал, а сатирики – над тем, кто толкнул». Я бы сформулировал так. Сатирик-либерал смеется над тем, кто толкнул. Сатирик-патриот смеется над тем, кого толкнули. Осторожный сатирик-либерал смеется над теми, кто смеется над тем, кого толкнули. Умеренный сатирик-патриот смеется над теми, кто смеется над тем, кто толкнул. Я вот, например, осторожный сатирик-либерал. Умеренных сатириков-патриотов я мог бы навскидку назвать сразу трех. Но двух из них не назову, потому что они мне приятели. А третий – козел. И никакой он не сатирик и уж тем более не патриот, а чмо и сволочь. Но два вышеупомянутых моих приятеля с ним дружат. Придурки. Такова природа зла.

Природа зла: очередной ответ на очередную критику

В Советской Армии я лучше всех (и быстрее) разбираю свой АКМ. Стоило мне прикоснуться к автомату, как он мгновенно разваливался на составные части. Собирали потом, разумеется, всем взводом.

Так что, извините, но я владею всего одним видом стрелкового оружия – словом. И отстреливаюсь только из него. И ответ, еще раз извините, чаще всего асимметричный. Вы мне слово, я вам – ругательный стишок. Не целясь, очередью.

Такова природа зла.

Природа зла: в виде исключения

Газета у нас выходит по четвергам. Раз в неделю. Потому что четверг бывает всего раз в неделю. И вот сижу я, положим, на службе, а тут и писатель звонит:

– А не нужна ли вам заметка о том-то и том-то?

– Может быть. Присылайте. Посмотрим.

Через три месяца он заметку свою присылает. Сразу же звонок:

– Простите, я что-то не вижу свою статью на сайте. Может быть, я как-то неправильно ищу?

– Но вы же ее только что прислали, я ее даже не читал еще. К тому же у нас газета выходит раз в неделю. По четвергам. А сегодня среда.

– А... ну то есть она выйдет завтра?

– Завтрашний номер уже готов и уехал в типографию.

– Послезавтра? Да? Как долго, блин. Какая гнусная волокита. Вы так специально делаете. Специально меня не печатаете. А ведь сами просили, умоляли написать. Говорили: срочно нужно. Я всё забросил, жену убил, писал для вас. Ночь не спал, сделал вовремя, а вы, суки, твари... тянете. Но послезавтра точно?!

– Газета у нас выходит раз в неделю. По четвергам. В пятницу не выходит. И в субботу не выходит.

– Что?! И даже в субботу? Я не могу ждать! Так долго ждать! Я же для вас сразу сделал, что вы просили.

– Я вас ни о чем не просил, вы сами предложили.

– Долбаные суки! Больше не буду иметь с вами дела! Я всем расскажу, какие вы сволочи, в суд подам! Вас – расстреляют. А... в порядке исключения, может быть, можно в субботу? Ну, давайте не всю вашу газету, а только мою статью?

– А может, всё-таки сразу газету? А то как же выйдет ваша статья – без газеты? Где тогда она выйдет?..

Долгая пауза. Писатель, видимо, что-то считает на пальцах. Жену убитую, наверное, тоже позвал. Потому что слышен возбужденный, но всё-таки отдающий остатками разума женский голос. И приглушенный голос писателя: пошла в жопу, понял я, понял.

– Мне всё равно, – милостиво разрешает писатель. – Делайте, как хотите. Но чтоб в субботу точно было.

– В виде исключения? – угодливо уточняю я.

– Да, – опять идет на уступки писатель, – в виде исключения.

Такова природа зла.

Природа добра: не судьба

Жюрил я тут один конкурс. Литературный. Система такая: дают тебе какое-то количество текстов. Безымянных. Ты, жюрист, читаешь, и ставишь оценки. Система, может быть, и не лучшая, но остальные уж точно хуже.

И вот церемония. Дамы в шикарных платьях. Мужчины почти трезвые. Обстановка чарующая. Зал – битком.

Победителей не называют. Просто зачитывают текст. И автор вызывается для награждения. Читают первый. Один из зрителей густо краснеет. Узнал. Да, не первое место, но всё же награда. Читают второй. Автор смущен: почти первое место, но всё же не первое, и

тем не менее – всё равно победа. Читают текст-лауреат. Автор испытывает литературный оргазм.

А в зале, я замечаю, некоторое шевеление.

Один зритель ушел, второй, третий. Четвертая зашуршала разрезами и декольте. Пятая...

Ползала – как не бывало.

Ага, догадался я, участники конкурса поняли, что не победили. Не судьба, поняли участники конкурса. И ушли.

А вот я не такой. Я тоже всё время участвую в разных конкурсах. Но никогда не побеждаю. Побеждает обычно поэт Айзенберг. Или еще кто-нибудь, не менее талантливый. Причем я с самого начала знаю, что не занял ни первого места, ни второго, ни даже третьего.

Но всё равно сижу в зале до конца. И громче всех жду фуршета. Наливайте, кричу, сволочи, Лесину водки.

Потому что если ты участник, то ты всё равно уже победитель. Такова природа добра.

Природа добра (или зла): про оппозицию

Когда-то 40-летние казались мне глубокими старухами, спать с которыми представлялось абсурдным. Ну не спать же с прабабушкой, пусть и не своей? Теперь 40-летние кажутся мне детьми, спать с которыми я, может быть, втайне и не против, но боюсь обвинений в педофилии. К чему я? А к тому, что, когда я ходил на митинги оппозиции, то ходил туда не за тем, чтобы увести с митинга себе бабу. Нет, не за тем, чтобы увести себе бабу. Но почти всегда уводил. Я и с матерью своего первого ребенка познакомился, когда стоял в одном из пикетов ДС. Ну да.

Хотя в мое время в оппозиции были люди большей частью пожилые. Сейчас, наоборот, молодежь. Завидую я вам, молодежь. Такова природа добра. Или зла. Или просто природа.

Природа добра: Пушкин подписал указ

А вот если, читая новости, например, заменять (ну хотя бы лично для себя) фамилию Нашего всего фамилией другого Нашего всего, то получается вот что:

Пушкин подписал указ

Пушкин отправил в отставку
 Пушкин поручил менять
 Пушкин уволил руководителя
 Пушкин дал чиновникам полгода
 Пушкин поздравил нового императора
 Подтянутый Пушкин свел с ума злобных украинцев
 Пушкин разрешил кассирам
 И т.д.
 И т.п.
 Добро – страшная сила.

Природа добра: десноватые

Раньше были (каждый знает):
 Шестидесятники
 Семидесяхнутые
 Восьмидерасты

А потом? Ну, допустим, так:
 Девяностмены
 Нулевики
 Десноватые

Что же дальше-то, а?
 Добро – страшная сила.

Природа добра: если женщина лезет целоваться

Если женщина лезет целоваться...

Что делать? Правило первое: не паникуйте. Я, как старая и опытная жертва харассмента, знаю что делать. Надо сразу прыгать с 11 этажа. Оно надежней. И, главное, больше шансов выжить. Такова природа добра.

Природа зла: позапрошлый век, ул. Риволи

А вот что пишет, к примеру, Эмиль Габорио («Убийство в Орсивале»): *«После пива мы стали пить винцо. У этого садовника оказалась масса денег. А после вина принялись опять за пиво, потом перешли на пуни, а с пуниша на шампанское. В одиннадцать часов*

он был уже «того» и приглашал меня на кадрили в Батиньоль. Я отказалась и сказала ему, что если он кавалер, то должен проводить меня к моей хозяйке на Елисейские Поля. Тогда мы вышли из кафе, переходя из кабачка в кабачок, прошли всю улицу Риволи, и к шести часам утра этот несчастный был уже настолько пьян, что упал на лавку около Триумфальных ворот и захрапел. Там я его и оставила».

А сейчас там, поди, одна шаурма, и все ходят в хиджабах, даже мужики.

Такова природа зла.

Природа зла: женщины

Женщины бывают всего двух типов.

Первый: начинает плакать сразу, как только захочет или сочтет нужным.

Второй: основательно и удобно усядется, всё пригладит и приготавливает, и только потом вволю и с наслаждением рыдает.

Такова природа зла. И красоты.

Природа зла: ни капли

Все женщины выкованы из чистой стали с головы до пят. И если плачут, то обязательно с какой-нибудь подлой целью. Один только раз я видел бескорыстную женскую слезу. Оказалось, впрочем, что то была первая капля дождя. Она испарилась мгновенно. И больше на женщину ту не упало ни капли. Все – бурным потоком – хлынули мне в лицо. И унесли в никуда.

Такова природа зла.

Евгений Лесин – российский поэт, критик, журналист. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

С 1995 года работал в газете «Книжное обозрение», с 2002 года – в «Независимой газете». Ответственный редактор литературного приложения к «Независимой газете» «НГ Ex libris».

Член Союза писателей Москвы, Русского Пен-клуба, Московского городского отделения Союза писателей России, редколлегии литературно-художественного журнала «Юность».

Выпустил более десяти книг. Лауреат различных литературных премий.

НОВЫЕ КНИГИ

Lara PRESCOTT

THE SECRETS WE KEPT

Недавно появившаяся в США и других странах книга – во многом необычная. Это первая серьезная вещь, первый опыт романа молодой писательницы Лары Прескотт. «Секреты, которые мы хранили» стал бестселлером. А мог и не стать. Пять лет автор, точнее, ее агент обивала пороги издательств и везде получила отказ. И вдруг прорвало – солидное американское издательство заключило договор с с писательницей на два миллиона долларов! Пошли рецензии, переводы почти на 30 языков, включая русский, будет сниматься фильм. Как говорится, девушка проснулась знаменитой.

Во всей этой истории меня поражает один факт. Лара Прескотт взялась за тему, казалось, досконально изученную, по этому поводу написаны многие книги, сотни статей, всё известно в деталях.

Взяться изложить огромный, широко распубликованный материал в форме романа – для этого нужны огромная смелость, отвага, стремление пойти на риск, и, конечно, немалое писательское мастерство. Автор придумала великолепный сюжетный ход: переплела историю, как ЦРУ обштопало КГБ, проведя операцию по контрабанде «Доктора Живаго» обратно в Россию, связала любовную историю Пастернака с Ольгой Ивинской и интимную связь двух женщин – агентов ЦРУ.

В разгар холодной войны ЦРУ выступило с инициативой, известной как «культурная дипломатия». Исходя из того, что «великое искусство происходит от истинной свободы», разведведомство использовало живопись, музыку и литературу как эффективные инструменты для продвижения ценностей западного мира, а также финансировало выставки абстрактного экспрессионизма и джазовые туры. Но когда дело дошло до страны Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова – нации, которая, согласно персонажу из впечатляющего дебютного романа Лары Прескотт, «ценит литературу, как американцы ценят свободу», основное внимание всегда уделялось письменному слову. И ее предмет, роль, которую ЦРУ сыграло в доведении «Доктора Живаго» до всемирного признания, стал жемчужиной в короне культурной дипломатии.

Как известно, рукопись была переправлена контрабандой в Западный Берлин – ЦРУ сделало это. Целью было тайно издать русское издание и вернуть его на родину с целью дестабилизации коммунистического режима. Сделать так, чтобы об этом заговорил весь мир. И это удалось. Читателям журнала «Времена» хорошо известны драматические, скандальные перипетии, связанные с присуждением Пастернаку Нобелевской премии, отказом под страшным давлением власти от ее получения, травлей Бориса Леонидовича, приведшей к его преждевременной смерти, и многое другое. Поэтому я не стану останавливаться на этом и перейду непосредственно к написанному Ларой Прескотт.

Чем же удивила она читателей? В романе множество персонажей и множество исторических деталей, а также возможность заглянуть в причудливый момент нашей истории и, конечно, в историю любви. Первое достижение Прескотт заключается в том, что она сплела всё это в сложное повествование, добавив историю любви собственного изобретения. Многие события даются сквозь призму восприятия рядовых свидетельниц замысловатой интриги – умниц-машинисток ЦРУ, составляющих своего рода греческий хор.

В романе есть сам Пастернак и Ольга Ивинская, с которыми мы впервые сталкиваемся, когда она арестована, беременна его ребенком и заключена в тюрьму за отказ разглашать то, что она знает о книге. В романе действуют Ирина, дочь русского эмигранта, недавно завербованная ЦРУ, и Салли Форрестер – опытная шпионка

и ловушка, или «ласточка». Обе эти женщины имеют свои собственные секреты. Именно женские персонажи наиболее выразительны. Многие показано через призму феминизма.

Имеются в виду романтические отношения между двумя агентами, Ириной и Салли, пытающимися на фоне репрессивных социальных нравов и сексуального неравенства Америки 1950-х годов защитить свои личные и профессиональные секреты. Любовь их не получила развития под влиянием неблагоприятных обстоятельств. И хотя акцент на женщинах освежающе оригинален, авторская трактовка сексизма той эпохи звучит слишком современно. Например, манере, в которой машинистки говорят о своих коллегах-мужчинах, не хватает необходимого нюанса, чтобы убедить нас в том, что это реальные женщины, живущие реальной жизнью.

Сюжет книги, повторю, сложен, а повествование – тем более из-за решения Прескотт использовать несколько рассказчиков от первого лица в дополнение к пересудам во множественном числе от имени машинисток ЦРУ (что, кстати, получилось очень эффектно). И автор справляется со всем этим. Тем не менее, складывается впечатление, что Прескотт изо всех сил старается выбрать лучшего рассказчика и правильную точку зрения на излагаемые события.

По имеющимся данным, роман «Секреты, которые мы хранили» переводится российским издательством ЭКСМО. Надеюсь, в следующем году мы сможем прочесть его на русском.

НИНА КОСМАН ЦАРИЦА ИУДЕЙСКАЯ

Вначале – об авторе романа.

Нина Косман (Nina Kossman) родилась в Москве. Эмигрировала в 1972 году; с 1973-го живет в США. Поэт, прозаик, драматург, художник. Стихи, рассказы и переводы публиковались в США, Канаде, Испании, Голландии, Японии. Пьесы ставились в театрах Нью-Йорка. Изданы две книги английских переводов стихов Марины Цветаевой.

Роман «Царица иудейская» был сначала опубликован на английском языке в Лондоне под псевдонимом. И вот теперь в московском издательстве РИПОЛ классик отдельной книгой вышел его русский перевод, осуществленный известным лингвистом, специалистом по иудаике Александром Милитаревым. Перевод, по отзывам многих, великолепный.

Действие романа разворачивается в современном Нью-Йорке. Еврейская женщина влюбляется в маляра из Палестины, посланного ее убить. Галя (или Галия, как называет ее маляр), еврейка российского происхождения, учительница, понятия не имеет, что человек, к которому она тянется, называющий себя Алехандро, вовсе не мексиканец, а палестинец, выполняющий приказы своего идейного вдохновителя, якобы профессора колледжа. Она видит в нем страстного, недоступного и непонятого мужчину, а он тем временем видит в ней женщину, вовлеченную в глобальный заговор, имеющий целью подорвать палестинские притязания на Иерусалим.

Всё это происходит из-за книги о древней династии Хасмонеев, которую Галя написала и разместила в интернете. Эта книга погружает читателя в удивительный мир древней Иудеи 2-го столетия до нашей эры. Между тем герои романа сближаются, и Алехандро начинает сомневаться в правильности своей цели...

Роман можно воспринимать и как триллер, и как исторический, философский художественный текст. Автор весьма умело соединила оба начала, современное и уходящее в глубокую древность; судеб причудливое скрещенье создает увлекательное чтиво. (Невольно ищется параллель с хрестоматийным «Мастером и Маргаритой» Булгакова и – более отдаленно – с «Кентавром» Апдайка, где прошлое представлено мифологически и сочетается с настоящим в весьма изощренной композиции. Впрочем, и у Косман присутствует мифология: так, греческие боги совокупаются со знатными евреями, которые в моменты экстаза начинают пророчествовать, куда-то загадочно деваются предметы, жёны превращаются в овец и пр.).

В литературном произведении главное, думается – язык. Не сюжетные хитросплетения, не образы героев, сколь бы оригинально ни были замыслены, а язык как скрепляющий раствор всей задуманной «постройки». В этом отношении роман Нины Косман является пример прозы самого высокого уровня.

Вот начало повествования о древней династии Хасмонеев.

«В Иерусалим Иехуда бен Маттитьяху, позднее известный миру как Иуда Маккавей, вступил прихрамывая. Раздвоенный палец на ноге он не считал сколько-нибудь значительной жертвой, учитывая величину селевкидского войска и мастерски наточенные мечи его воинов: и то и другое намного превосходило количество его бойцов и качество их мечей. Но, словно этого было мало, его и так многочисленные бойцы ни в какую не соглашались воевать в субботу, в шаббат, а как раз в шаббат царь Антиох, четвертый из Антиохов, приказал атаковать сынов израилевых. Он был неглуп, этот Антиох. Он хорошо понимал, что благочестие евреев – это именно та крепость неодолимая, в которой они сами себя похоронят. Тот шаббат и стал бойней для тысячи из них – детей, женщин и мужчин, без боя подставившихся под греческие мечи. Смерть с Богом лучше, чем жизнь без Бога, считали они, и так и сгорели, как светильники в исходе ночи».

Или такой пассаж от имени Гали:

«За всеми этими разговорами стоит что-то еще, и я остро ощущаю этот подтекст, в котором каждое мало что значащее слово приобретает глубокое значение и в котором моя непоколеби-

мая уверенность в его чувствах ко мне делает все свидетельства об обратном совершенно ничего не значащими. Мне хочется сказать ему, что то, что мы чувствуем друг к другу, больше, чем простое влечение. Что мы знаем друг друга всю нашу жизнь и даже дольше, чем всю жизнь. Если он палестинец, разве нельзя себе представить, что когда-то его предки и мои предки были одним народом? А что, если эта наша любовь – зов предков? И пусть сейчас кажется, что этот зов слышен только мне, я уверена, что в какой-то момент он его тоже услышит».

Любовь и смерть... Женщина влюбляется в того, кто хочет её убить, принимая предчувствие смерти за любовь, говорит главный герой, а скорее всего, сам автор домысливает это за него.

Конечно, особую остроту, жгучую современность роману Нины Косман придает бесконечный конфликт между Палестиной и Израилем. Арабо-израильское противостояние рассматривается автором на личностном уровне отдельных людей и в историческом масштабе взаимоотношения еврейской цивилизации со всем остальным миром.

Автору удаётся переплавить личностное и общее, реальное и мифологическое в тигле истории и продемонстрировать связь, которая делает судьбу конкретного человека неотделимой от судьбы его народа.

Подготовил Давид Гай

Нет ничего необычного в том, что Трамп не критикует Путина. Наш президент по природе своей авторитарен и питает слабость к диктаторам. И, скорее всего, завидует им. Ведь диктаторы что хотят, то творят в своих странах. Им законы не писаны.

Роман Солодов

На пороге стоял мальчик, лет девяти-десяти, в джинсиках, безрукавочке, в кепи с длинным козырьком и высокой тульей, поверх которой лентой шли круглые значки с изображениями людей. Каких? Дани поначалу не опознал, но увидел свой портрет и вздрогнул, догадываясь, в какую элитную компанию попал: Бунин, Пастернак, Солженицын – русские лауреаты Нобелевской премии по литературе.

Ефим Гаммер

– Можете не проверять, этим ножом ещё никогда не пользовались. У меня их было два. Мой дед купил их и привёз оба в подарок из Германии. Сразу после убийства министра Вальтера Ратенау в 1922 году. Это семейная реликвия. Я бы их не продавал, но внуку нужна операция, он повредил ахилловы сухожилия.

Джейкоб Левин

Не феями и не каменами,
Не ходом звезд или луны,
А хромосомами и генами
Нам роли определены.

Долой, наследственная химия,
Моя врожденная беда!
Переменю тебя, как имя, я
И улечусь в никуда!

Игорь Чиннов

Говорят, что наши сокровенные желания всегда исполняются, но не совсем так, как мы того ожидаем. В прошлом, когда меня спрашивали, хочу ли я жениться непременно на еврейке, я отвечал: не обязательно на еврейке, но на такой женщине, которая будет понимать, чувствовать и любить еврейскую специфику.

Евгений Кисин

Дверь была открыта, мы прошмыгнули вовнутрь. Еще один-два шага – и Яшина палата. Нам преградила путь молодая санитарка. Не глядя на нас, она произнесла звонким голосом: «А ваш Кайнер ночью сыграл в ящик!» и пошла дальше, по своим делам.

Фрима Иосилевич